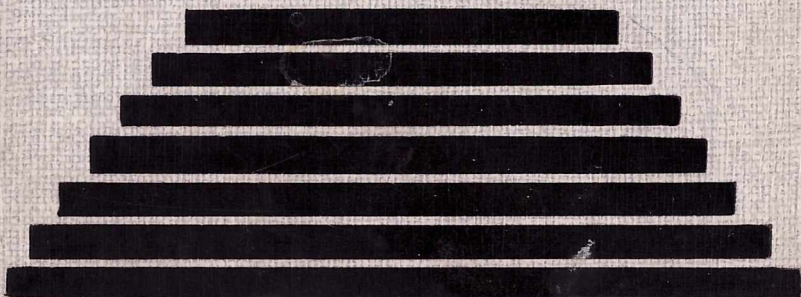

у-49.

Сатым Улуг-заде ПЬЕСЫ

Сатым Улуг-заде

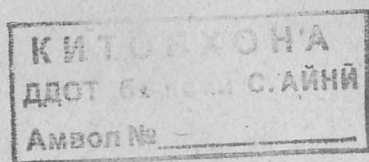
ПЬЕСЫ

*Авторизованный перевод
с таджикского*

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1988

103.2,

ББК 84 Тад7
У 49

Художник
ЛЕОНИД ПОЛЯКОВ

4702500200—071
У 341—87
083(02)—88

ISBN 5—265—00436—X

© Состав и оформление. Издательство
«Советский писатель», 1988

ВЕЛИКИЙ
ИСЦЕЛИТЕЛЬ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Хусейн Ибн-Сина.

Омар Хайям.

Ситора — мать Хусейна.

Анахита — царица.

Чагани — учитель Хусейна и Анахиты.

Шамс

Убайд } — друзья Хусейна.

Хуррам }

Абу-Тахир

Косоглазый } — мюриды.

Плосконосый }

Продавцы товаров.

Продавщица амулетов. Женщина с ребенком.

Арузи

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СЛОВО ХАЙЯМА ОБ АБУ АЛИ ИБН-СИНЕ

В артистической ложе среди зрителей сидит К о с о г л а з ы й, старый, седой, в средневековой одежде, с посохом в руке. Из-за занавеса на авансцену выходит О м а р Х а й я м. Ему около тридцати.

О м а р Х а й я м (к зрителям). Друзья мои исфаханцы! Сорок лет прошло с того дня, как смерть увела от нас Шейх-ур-раиса, «Князя ученых» Абу Али Ибн-Сину. Его великая книга «Канон медицины» спасла от болезней тысячи и тысячи правоверных. Но смерть одолеть никому не дано.

Я побывал на самом дне глуби,
Взлетал к Сатурну... Нет таких кручин,
Таких сетей, чтоб я не смог распутать...
Есть! Темный узел смерти. Он один!

Друзья, в этот памятный день мне хочется поделиться с вами двумя тайнами Абу Али. Недавно я побывал в Бухаре, на его родине, и...

К о с о г л а з ы й (перебивая его). Прежде скажите, уважаемый Омар Хайям, чей стих вы прочли — свой или Абу Али Ибн-Сины?

О м а р Х а й я м. Открыть тайну мироздания в четырех строках умел только он. Я лишь его ученик. Незримая тень его всегда рядом со мной. Когда мне приходит в голову рубаи — четыре строки, мне кажется, что я разговариваю с ним. Другой цели у меня нет. Ведь его книги о науке — мое мироздание: о некоторых тайнах этого мироздания я и пришел поговорить с вами, друзья...

К о с о г л а з ы й (опять перебивая). Вы не ответили на мой вопрос: если вы прочли его рубаи — значит, это давно написано, прошло и уже взвешено аллахом на весах деяний людских. Но если этот рубаи ваш... (тычет посохом в сторону Омара Хайяма). Всем известно, какая участь уготована еретикам!

Омар Хайям (*усмехнувшись*). Я вижу, вы принадлежите к людям, которые о четырех строках говорят так, будто это вражеские войска. А о великих книгах молчат, не потому ли, что в них ничего не смыслят. И пришел говорить о моем учителе, а не...

Косоглазый (*взвизгивая*). Учитель?! Мальчишка!.. Ты еще не родился, когда ангелы унесли душу Ибн-Сины к престолу Всевышнего!

Омар Хайям. Верно. Я опоздал родиться, не успел услышать слова мудрости из его уст. Но на путь наук я вступил по указанию, оставленным им. Знаете ли вы, что трактаты, которые он написал по-арабски, я перевел на его родной язык и многое в них объяснил...

Косоглазый. Подумаешь!.. Трактаты!.. А я Ибн-Сину знал! Да, знал! Видел собственными глазами! Беседовал с ним еще в Бухаре, когда ему было всего девятнадцать лет!.. Я был его... почти что другом...

Омар Хайям (*улыбаясь*). Разные бывают друзья... Друзей поменьше! Сам день ото дня Туши пустые искорки огня!

А руку жмешь — всегда подумай молча:

«Ох, замахнутся ею на меня».

Косоглазый (*в ярости вскакивает*). Смеяться надо мной?! Смеяться вздумал?! Ты еще вспомнишь, узнаешь меня! Еретик! (*Уходит, громко стуча посохом.*)

Омар Хайям (*к зрителям*). Есть люди: подходят к ручью, и ручей высыхает. Ибн-Сина умел превращать ручьи в полноводные реки. Одна из таких рек — его «Канон медицины»: пока человечество живо, оно будет входить в эту реку, лечить свои недуги.

У него за пазухой множество тайн. Он разгадывал тайны одну за другой и построил целый город знаний. И самый высокий минарет в этом городе — не тот, что у всех на устах, не пять томов «Канона медицины», а его «Книга исцеления». Я ее не выпускаю из рук уже десять лет и, наверно, умру с этой книгой в руках.

Не раз задавал я себе вопрос — как могла прийти в голову мысль: в одну книгу, состоящую из многих книг, собрать все знания — все, что когда-либо было известно по каждой науке. Подобной книги нет ни у древних вавилонян, ни у египтян, ни у греков, ни у индийцев! Книга знаний, состоящая из семнадцати книг!

Недавно я побывал в Бухаре, отыскал людей, знавших Абу Али, и мне открылась удивительная тайна: я по-

нял — что же именно своей «Книгой исцеления» он хотел исцелить. Я получил ответ и на другой вопрос, который тоже не раз задавал себе: почему Ибн-Сина никогда не был женат и не оставил в мире детей.

Мне рассказали об этом в Бухаре, и я будто увидел все своими глазами. Сегодня, друзья исфаганцы, мне захотелось над этими тайнами открыть и перед вами завесу!

По знаку Омара Хайяма занавес поднимается.

СЦЕНА 1

Бухара, последний год десятого века. На интермедийном занавесе — фрагменты старой Бухары: купол мечети, кусочек лепного портала, минарет, две-три лавчонки с лекарствами.

По авансцене проходят с корзинами п р о д а в ц ы лекарств и снадобий, выкрикивая.

П е р в ы й. Птичья желчь для припарок!.. Серебряные трубки для клистира!.. Ртуть для заворота кишок!..

В т о р о й. Благовонный мускус из Тибета!.. Китайская розовая вата для щек!.. *(Обращается к женщине в партере.)* Не надо? Зря. Нигде больше не купите!.. *(Идет дальше.)* А вот сурьма для глаз, берите, красавицы!..

П е р в ы й *(возвращается)*. Индийская гвоздика! Способствует зачатию!.. Серебряные опилки против сердцебиения!.. Чихательный порошок от простуды!..

Навстречу идет А б у - Т а х и р в огромной чалме, с посохом.
Его сопровождают два м ю р и д а с усиками.

А б у - Т а х и р. Отравой торгуешь?

П е р в ы й. Почему отравой, святой отец?

А б у - Т а х и р. Все лекарства — отравы. А от простуды люди... *(усмехнулся)* как только не лечатся! Моя сестра утверждает, что вылечилась от простуды так: она жарила зайца в шкуре и при этом смотрела на него, не отводя глаз, и по воле аллаха стала здоровой.

К о с о г л а з ы й м ю р и д. Такого я еще не слыхал — это надо записать.

Извлекает из-за уха свернутый в трубку лист бумаги и, прислонив его к спине второго мюрида, записывает тростниковым пером, макая его в чернильницу, висящую на груди.

Третий продавец (появляется с жаровней, над которой вьется дымок). Окуриваем священным воздухом главной улицы в Мекке! Возвращаем мужчинам силу, женщинам красоту!..

Быстро выходит плосконосый мюрид в дорожной одежде, склоняется перед Абу-Тахиром, целует полу его халата.

Плосконосый. Да, хазрат. С радостной вестью! Я видел самого Насра Илека и с ним разговаривал. Он стоял на высоком холме и наблюдал сражение...

Абу - Тахир. Ты передал ему все, что я велел передать?

Плосконосый. А как же, хазрат, передал слово в слово, скажи его святости, что я скоро возьму Бухару и выкорчую там весь корень ереси...

Продавщица амулетов (входя). Амулеты!.. От всяких напастей!.. От козней шайтанов!.. От джиннов!.. От укуса ядовитых змей!.. (Заметив Абу-Тахира, направляется к нему.)

Плосконосый. А еще хан Наср велел передать: «Пусть его святость сделает так, чтобы народ Бухары хорошо меня встретил...»

Абу - Тахир. Ладно, остальное доскажешь потом...

Продавщица амулетов (целуя полу Абу-Тахира). Святой хазрат, дайте благословение бедной вдове шейха Абу Халида...

Абу - Тахир. Шейха Абу Халида? Твой муж был истинный праведник, он знал наизусть тысячу изречений пророка. Ты встретишься с ним в раю, женщина, да будет аллах милостив к тебе и дарует тебе блага на этом и на том свете, аминь! (Обводит рукой бороду.)

Стремительно входит радостно-возбужденный юноша в легком алачевом халате и небольшой белой чалме, это Хусейн Абу Али бен Абдаллах Ибн-Сина. За ним следует его друг Хуррам.

Хусейн (извлекая из красного мешочка, раздает монеты продавцам, какому-то прохожему, продавщице амулетов, даже Абу-Тахиру и его мюридам). Берите, мусульмане, пожертвования! В благодарность аллаху за просветление моего разума! Не понимал я никак, а сегодня понял! Все стало ясно! Берите и помолитесь за душу Фараби. да возвысит аллах его место в раю!..

Абу-Тахир (подозрительно). Фараби?.. Это какой Фараби?..

Но Хусейн уже ушел.

Хуррам. Я вам все объясню. Значит, так. Сегодня на рассвете спустились с неба ангелы и прояснили ум моего друга Хусейна. И он сразу понял то, что было непонятно...

Абу-Тахир. А что было непонятно?

Хуррам. Книга Аристотеля, греческого хакима-мудреца. Но явилась душа Фараби, все ему объяснила и велела пожертвовать беднякам двести диргемов. Вот так. (Уходит.)

Абу-Тахир (стука посохом вслед за Хусейном и Хуррамом). Дети шайтана! В науке греков роются, как жуки в навозе! Наверняка они из тех, что именуют себя Ихвон-ас-сафо, «чистыми братьями», пишут еретические книги и тайно распространяют их, дабы отвратить мусульман от ислама! (К своим мюридам.) О таких, как они, сказал пророк: вострубит ангел в трубу, и толпы людей предстанут перед очами аллаха, и от сознания своей греховности они станут потеть, а самые грешные погрузятся в собственный пот по горло!..

К о с о г л а з ы й. Вот что ожидает еретиков! Надо записать! (Записывает.)

Абу-Тахир. Да! Еретикам уготован ад!

Плосконосый (показывая глазами вслед ушедшим). Хазрат, ведь это тот самый Хусейн Абу Али, который в шестнадцать лет вылечил падишаха...

К о с о г л а з ы й. Да! И который мало что лечит людей, а еще написал для Абуль Хасана Арузи две книги: одна называется «Достигнутое и достижимое», а другая «Этика»! Пусть шайтан подстелет под ним свой хвост!

Абу-Тахир. Правильные слова! Человек в шестнадцать лет не может быть лекарем. А если он прославится как врач, это просто обман и коварство. Лекарем может быть только тот, кто сам много болезней перенес. А здоровье падишаху вернул великий аллах: все в воле аллаха! (Обводит руками бороду.) Сказал пророк: «Настанет день, когда солнце потускнеет, когда звезды замутятся, когда горы расступятся, когда моря расплескаются...» Тогда еретикам будет воздано по деяниям их... (Двинулся в сопровождении мюридов, приостановился перед продавщи-

цей амулетов.) Слушай, женщина, ты, наверное, бываешь в домах, предлагая свои амулеты?

Продавщица амулетов. Приходится, хазрат. Что делать, нужда.

Абу-Тахир. Ты слышала, что я сказал об этом еретике, Хусейне Абу Али?

Продавщица амулетов. Слышала, все слышала, хазрат...

Абу-Тахир. Так вот... Зайди к ним, передай его матери мои слова и предостереги: если она не заставит сына бросить писать богохульные книги, им обоим будет плохо!..

Продавщица амулетов (идя вслед за ним и кланяясь). Слушаюсь, хазрат, сделаю так, как вы приказали...

Абу-Тахир (приостановился, ткнул посохом в одного из зрителей). Я вижу по твоей хитрой улыбке, что у тебя дома припрятана еретическая книга. Иначе зачем тебе так улыбаться? (К мюридам.) Запомните этого человека! (Вместе с учениками уходит.)

Первый продавец (проходя). Сок египетского дерева шеб-шеб!.. Сушеные скорпионы!..

СЦЕНА 2

Комната в Савон аль Хикмат («Хранилище мудрости»), библиотека саманидских государей. Резная дверь ведет в смежные комнаты. Над большими сундуками — ниши, в них громоздятся стопки книг в кожаных и матерчатых переплетах. Посреди комнаты — низкий столик, на нем в беспорядке разбросаны книги, бумаги, стоит чернильница с перьями. Еще — маленький граненый столик, над ним склонилась Анахита, углубившись в чтение какого-то фолианта, Абульфазл Чагани перебирает книги в нишах.

Анахита (закрывает книгу, встает). Все, учитель, прочла.

Чагани. Всю главу?

Анахита. Да, о Бахраме Чубине. Теперь я знаю, каков был мой прапрапрадед. Ведь Бахрам Чубин — предок Саманидов? Великий воин! Но почему ничего не написано — была ли у него любовь... Ну, жена, дети?

Чагани (усмехнувшись). Наверное, были, раз вы его прапрапрапра...

Анахита. Нам бы теперь такого полководца, как

Бахрам Чубин! С двенадцатью тысячами сарбазов сумел разбить трехсоттысячное войско хакана!

Ч а г а н и. Эй, царевна, были бы вы женщиной, я, может быть, сумел бы из вас воспитать второго Бахрама Чубина: смелости и отваги у вас хватает...

А н а х и т а. Ах, зачем-зачем я родилась женщиной?! Там, где-то далеко в степи, идет сражение, льется кровь... И все из-за меня!.. А я ничего не могу сделать!

Ч а г а н и. Не из-за вас, царевна.

А н а х и т а. Как не из-за меня... Когда хан Наср Илек прислал в Бухару сватов, зачем только братья не приказали мне, а сказали, чтоб решала сама?! Если теперь наше войско будет разбито — кто будет виноват?! Я! Одна я!

Ч а г а н и. Ваши братья поступили умно. Отдавать вас Насру? Его отец, Бограхан, говорят, еле умел подписывать свое имя. А Наср, хотя кой-чему и научился, поскреби его — под волчьей шкурой окажется такой же неуч. Слух о вашей красоте и вашем уме облетел города. Неужели вы согласились бы, чтобы вас обнимал в своем логове этот степной волк?!

А н а х и т а. Лучше умереть!..

Ч а г а н и. Да и если бы ваши братья отдали вас ему, ничего не изменилось бы. Разве вы забыли пословицу: «Не надо ребенку игрушку давать дорогую, получит одну — и потребует тотчас другую». Все равно пошел бы войной на Бухару. Волчью жадность ничем нельзя утолить. Ну да авось все обойдется. Аллах милостив...

Стук в дверь. Г о л о с Х у с е й н а: «Учитель, откройте!
Я вас понял, все понял!..»

Ч а г а н и (громко). Сейчас.

Повернулся к Анахите, она улыбнулась, кивнула и исчезла во внутренней резной двери. Чагани открывает входную дверь.

Х у с е й н (радостный). Я все понял, учитель! Вот смотрите! *(Протягивает потертую, невзрачного вида книгу.)*

Ч а г а н и (читает). Абу Наср Фараби. «Смысл метафизики первого Учителя Аристотеля». Ну и что?

Х у с е й н. Эта книга мне все объяснила! Сорок раз читал я «Метафизику» и не понял! Арабский перевод не точен. А вчера подходит ко мне на базаре незнакомый человек, говорит: «Купите книгу, дорого не возьму».

Дома раскрываю ее и — о аллах, — комментарий к «Метафизике»! Стал читать, читал до утра и все-все понял! На радостях даже сделал пожертвование беднякам.

Чагани (смеясь). Пропали твои денежки, сынок. Эта книга у меня есть.

Хусейн. Ка-ак?! Она же не числится в ваших каталогах!

Чагани. Моя вина. Привез мне ее из Багдада один хаджи-паломщик. Я положил ее в сундук и забыл...

В резной двери появляется Аналита, скрываясь за нишей, подслушивает разговор Чагани с Хусейном.

Чагани. Ну, ладно, бывает... Поздравляю тебя с просветлением. Только вот не в свое время пришел ты сегодня! Ждать тебя после вечернего намаза, как всегда?

Хусейн. Нет, учитель. Сегодня у меня с друзьями пирушка в Джуй-Муляне за чашами вина, о котором Рудаки сказал, что оно сверкает, как стальной клинок на солнце! Будем возносить благодарность аллаху и Абу Насру Фараби за просветление наших умов... Вы чем-то недовольны, учитель?

Чагани. Не находишь ли ты, что твои пустые забавы с друзьями стали в последнее время слишком частыми?

Хусейн. Не пустые забавы, учитель. Мы слушаем музыку, читаем стихи.

Чагани. Уж очень ты разбрасываешься, Хусейн. Падишах разрешил тебе за то, что вылечил его, заниматься в державном хранилище книг! Ты изучил здесь столько наук! А до высшей мудрости тебе еще так же далеко, как кибитке бедняка до макушки минарета главной мечети! Наши воины сражаются с войском хана Насра Илека, льется кровь бухарцев... А ты... Мало того, что тратишь полдня на больных... еще и меня позоришь! Играешь на бубне, уподобляясь уличным музыкантам! Настоящий ученый от зари до зари должен сидеть за книгами!

Хусейн. За два года, учитель, я, кажется, прочел у вас все.

Чагани. Прочесть может каждый, а вот понять и запомнить... Для этого надо прочесть книгу два, и три, и десять раз!

Хусейн. Я помню все, что прочел.

Чагани. Правильно говорят: станешь хвалить кра-

сильщика, он себе и бороду покрасит. Я тебя захвалил, и ты возомнил о себе невесть что!

Хусейн. Я, правда, все помню.

Чагани. Не стыдно тебе смеяться над стариком? С тех пор как умер твой отец, разве есть человек, который заботился бы о тебе больше, чем я?

Хусейн. Я даже могу сказать, на какой странице что написано.

Чагани. О аллах! Поглядите на этого болтуна!

Хусейн. Проверьте.

Чагани. Вот еще, стану я проверять! (*Берет из ниши книгу, раскрывает.*) Книга Наршахи, глава о восстании Обруя. Как кончается?

Хусейн. «А когда Обруя, предводителя бухарских бедняков и нищих, схватили, то правитель приказал наполнить большой мешок красными пчелами и в мешок этот опустили Обруя, отчего он и умер...»

Чагани. Ну — это ты случайно запомнил! (*Извлекает из сундука объемистый фолиант.*) Гиппократ... (*Листает страницы.*) Книга семьдесят четвертая, страница четырнадцатая. С чего начинается?

Хусейн. Четырнадцатая страница?

Чагани. Да.

Хусейн. «Физические недуги объясняются нарушением равновесия между четырьмя жидкостями, образующими тело, каковыми являются кровь, слизь, желтая и черная желчь...»

Чагани. Хватит, хватит! Ты это помнишь просто потому, что... Я позабыл, что ты врач! (*Достает новый фолиант.*) А скажи, откуда это: «Сотворившие нас создали кишки с петлями, опасаясь, как бы пища, быстро переходя по ним, не принудила бы тело вновь требовать пищи, и что, порождая таким образом ненасытную прожорливость, человеческий род мог бы стать чуждым философии и музам». Откуда? Ага, не помнишь? Чего улыбаешься?

Хусейн. Каждый раз, когда я вспоминаю эти слова, мне становится весело. Слава аллаху, что кишки наши с петлями — не будь этих петель, не было бы ни философов, ни поэтов. Это слова Платона из трактата Галена «О назначении частей человеческого тела», книга четвертая, страница триста двадцать седьмая...

Чагани в крайнем изумлении трет пальцами отвороты своего халата и дует на них, будто отгоняя нечистую силу. Анахита, подслушивая, также изумлена.

Чагани. Если ты не маг и не чернокнижник, у тебя поистине великий дар! Семьдесят два года живу, а такую память впервые вижу! Но... (Шепотом.) Опасайся кому-либо еще демонстрировать свою память. Никто все равно не поверит. На тебя донесут и повесят, как Мансура Халладжа, который по приказу халифа был повешен в Багдаде за то, что...

Как видно, Хусейн не затворил за собой дверь: без стука входит Абу-Тахир с двумя мюридами.

Чагани. О хазрат-шейх! Добро пожаловать!

Абу-Тахир покосился на Хусейна, молча прошел и сел на сундук.

Благословенно ваше паломничество в Мекку... Поздравляю с благополучным возвращением, ваша светлость!

Абу-Тахир. Благодарю.

Чагани. Я слышал, в Багдаде вы виделись с халифом?

Абу-Тахир. Да, мне выпало счастье лицезреть самого халифа правоверных, и я даже был удостоен беседы с ним. Халиф правоверных говорил: черная змея ереси ползет по всему халифату, ее надо убить! Истреблять еретиков повсюду! Жечь их книги! Абуль Фазл, скажи: есть у тебя книги Аристотелиса? И этого... Абу Насра Фараби?

Чагани. Да, есть.

Абу-Тахир. А книги этих... «Ихвон-ас-сафло», «Чистых братьев»?

Чагани. Где же им быть, как не в «Хранилище мудрости». Есть, есть все пятьдесят две их книги.

Абу-Тахир. Скажи мне, кто они такие, эти «Чистые братья»?

Чагани. Как и вы, я не знаю их, они не пишут на книгах свои имена.

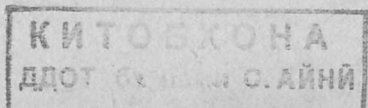
Абу-Тахир (посмотрел на Хусейна). Может быть, ты знаешь?

Хусейн. Нет, хазрат, я тоже не знаю.

Абу-Тахир. Нечестивцы они, эти именующие себя чистыми! Вот кто они! Гебры, язычники, христиане!

Чагани. Они мусульмане, хазрат: пишут полезные книги о божеских и мирских науках.

Хусейн. И не отвергают ни ислама, ни предписаний корана!

Абу-Тахир. Но как они их толкуют! Это немного прикрытая для таких простаков, как ты, но чистая ересь! (К Чагани.) Их писания рождают вопросы «как» и «почему» и в конце концов отвращают мусульман от ислама! (Хусейну.) Вот хотя бы ты! Почему тебя не видно в мечети?

Хусейн. Я совершаю намаз дома.

Абу-Тахир. Что ты делаешь дома — никому не известно. И раз ты такой умный, ты должен знать слова Аль-Бухари: «Общая молитва в мечети в двадцать пять раз превосходит молитву, совершаемую дома или где-нибудь в другом месте»! Известны тебе эти слова?

Хусейн. Читал.

Молчание. Абу-Тахир подозрительно смотрит на Чагани.

Абу-Тахир. Ты, шахский хранитель еретических писаний! Уж не из тех ли ты, что днем склоняют головы перед аллахом, а ночью приносят жертвы огню?

Чагани. Что вы, хазрат-шейх! Зачем на меня возводить напраслину! Я мусульманин и глубоко чту вашу святость. Я готов слушать ваши поучения, даже записать их для потомков...

Абу-Тахир (успокоившись). Я вижу, что ты на самом деле благочестив... (Переходя на поучительный тон.) Халиф, повелитель правоверных, говорил: если в книгах написано то, что есть в коране, то они бесполезны, а если говорится что-либо другое, то они вредны. В том и другом случае их надо сжечь! (Вновь распаляясь.) Омар, сподвижник и любимец пророка, сжег книги еретиков в тысяче городах! А Саманиды и их слуги потихоньку, тайком, лист за листом, собрали здесь опять все, что уцелело от святых глаз Омара!..

Косоглазый. Праведные слова... (Записывает их.)

Абу-Тахир. И ныне такие еретики, как этот... (Ткнул посохом в Хусейна. К нему.) Это, оказывается, ты развратил такого благочестивого мусульманина, как Абуль-Хасан Арузи! Мне сказали, ты сочинил для него книгу о науках.

Хусейн. Он сам мне ее заказал.

Абу-Тахир. Сам или не сам — не имеет значения! Знай: придет день, и аллах покарает еретиков — покарает рукой нового властителя, который придет, придет! А хранилище нечестивых писаний сожжет ударом молнии! (Направляется к выходу, за ним его мюриды.)

Х у с е й н (вслед ему). Истинное знание, хазрат-шейх, не горит в огне, а только закаляется!

Ч а г а н и (оставшись наедине с Хусейном, вздыхает). Где такой ступит, там семь лет трава не растет.

Х у с е й н. Удивляюсь, учитель, почему вы так почтительно разговаривали с ним.

Ч а г а н и. Приходится терпеть.

Х у с е й н. Терпенье — прекрасное качество, но жизнь слишком коротка, чтобы долго терпеть.

Ч а г а н и. Приходится, сынок... С разных концов идут в Бухару известия, изложенные языком стрелы и меча. Семь лет назад Бограхан из рода Караханидов, захватив Бухару, не успел отдать город на разграбление...

Х у с е й н (усмехнувшись). Говорят, геморрой заставил его удалиться вместе с войском.

Ч а г а н и. Да, и по дороге он умер. Но теперь, ежели его сын Наср победит — не приведи аллах! — от него можно всего ожидать! О Махмуде, ревнителе веры, тебе тоже известно. А если возбудить против нашего государя еще и светочей ислама в Бухаре, станут ли они нас защищать от врагов?! Не станут!

Х у с е й н (задумчиво). К сожалению, так...

Плачь, ислам! Нечестивы твои богословы.

Извращают основы твои блудословы,

Несогласных кланут и поносят они.

Свою ложь до небес превозносят они.

На кого же надеяться ныне, скажи?

Как нам веру очистить от злобы и лжи?

Ч а г а н и. Чьи это стихи?

Х у с е й н. Абу-аль-Атахия.

Ч а г а н и. Того самого, из Хуфы? Подумать, почти двести лет прошло! А мне вспомнились стихи Ибн аль-Мутазза. (Вынимает из ниши книгу с закладкой, открывает.) Вот...

О душа, ужаснись и живи, вечный ужас неся.

Опасайся людей, сторонись, о душа, всех и вся.

Разве люди они? В мире хищников нету людей.

Это звери, надевшие платья людей.

Х у с е й н. Странно, что проходят столетия, а люди не меняются... Ну, мне пора, учитель. Меня мои больные ждут, я и так задержался. (Кланяется и уходит.)

Чагани запирает за ним дверь, из ниши выскальзывает Анахита.

А н а х и т а. Ах, как хорошо сказал шейху этот ваш ученик! «Истинное знание не горит в огне, а только закаляется!»

Ч а г а н и. Как?! Ты не ушла в твои царственные покои и все слышала?

А н а х и т а. Какой необыкновенный юноша! Какая память! А какие знания! Хотелось бы мне побеседовать с ним...

Ч а г а н и. С чужим мужчиной? Непозволительно!

А н а х и т а. Немного поговорить с необыкновенным человеком... Что тут непозволительного...

Ч а г а н и. Да государь мне голову отрубит!

А н а х и т а. Моему брату Абдул-Малику не до меня с тех пор, как эмиры-изменники ослепили в Нишапуре нашего старшего брата Мансура. И вы это хорошо знаете. А теперь, когда он обороняет Бухару от хана Насра, ему совсем не до меня!

Ч а г а н и. Нет, нет! Невозможно! Исключено!

А н а х и т а. А если бы еще увидеть, как веселятся они... ваш ученик с друзьями... Послушать стихи, услышать их шутки, песни... *(Молчание. Что-то решив про себя.)* Ладно, разрешите мне удалиться. *(Уходит в резную внутреннюю дверь.)*

СЦЕНА 3

Сад с виноградником. Юноши пируют вокруг дастархана, на котором — кувшин с вином, чаша, лакомства, фрукты. Веселье в разгаре. Пальцы Хусейна бегают по струнам барбата — восьмиструнного музыкального инструмента. Хуррам играет на дойре и поет.

Х у р р а м. Поцелуй любви желанный,
Он с водой соленой схож:
Тем сильнее жаждешь влаги,
Чем неистовее пьешь!..

Ш а м с *(кричит)*. Хуррам, а Хуррам! Я вижу, ты влюблен во всех красавиц на свете!

Х у р р а м. Да, я пылаю любовью к ним, как горящая свеча! *(Осушает чашу.)*

Х у с е й н *(усмехнувшись)*. Разница только в том, что свеча может догореть, ты же горишь постоянно и страдаешь оттого, что не можешь сгореть дотла.

Веселый смех, все пьют.

У б а й д (мрачно). Не вовремя мы веселимся, вот что я вам скажу! Наши воины сражаются, льется кровь...

Х у р р а м. Что ж, по-твоему, нам нужно сидеть с мрачными лицами и ждать неизвестно чего?!

Ш а м с. Надо будет — опояшемся мечами, надо будет — умрем! А пока живы, будем веселиться!

У б а й д. Неужто, Шамс, ты ни разу по-настоящему не задумывался о смерти?

Ш а м с. Как не задумывался! Вот только об одном жалею: когда умру — мой желудок умрет вместе со мной.

Смех, все пьют.

Х у р р а м (начинает громко декламировать).

«Что у тебя взамен лица, глаз и кудрей, красавица? Раз — это роза, два — нарцисс, и, в-третьих — амбра славится».

Ш а м с (подхватывает).

«Три состояния души познал искатель губ твоих: Бесславие, безволие, безумие, красавица!..»

Шумные возгласы одобрения. В «игру» вступает Хусейн.

Х у с е й н.

«Три формы у твоих кудрей — их знать обязан ученик: Кривая линия, кольцо и полукруг, красавица!..»

Когда Хусейн декламировал свой бейт, появилась А н а х и т а, переодетая мальчиком. Прячась за деревьями, она наблюдает за всеми. Ее не замечают. Хурам обходит круг, наполняет чаши.

Ш а м с. Прежде чем пить эту чашу, я вам прочту стихи о любви, прекрасней которых не было и нет. Угадайте — чьи они. Только пусть Хусейн молчит — он-то, конечно, знает.

Х у р р а м. Что верно, то верно! Аллах одарил моего друга Хусейна такой памятью, что память всех других — зола! Когда он был маленьким, лежал в колыбели и не умел еще говорить, однажды его мама мыла руки в тазу и сняла с пальца кольцо. Это кольцо упало в таз с мыльной водой, и потом мама заподозрила служанку в краже и наказала ее. Хусейн все это видел из своей колыбельки. И когда немного подрос и научился говорить, он вспомнил это и сказал маме: «А тогда ты была не права!» (К Хусейну.) Верно? Было так?

Х у с е й н (улыбаясь). Выдумки.

Х у р р а м. Нет, не выдумки! Это было, было! Ты просто

скромничаешь... (К Шамсу, который все еще стоит с поднятой чашей.) Ну читай, читай про любовь...

Ш а м с (поднимает чашу).

«За то, что на земле твои следы целую,
Безумным я прослыл — но прочь молву худую:
Лобзаю прах земной, земля любима мною
Лишь потому, что ты прошла тропой земною!
Пусть обезумел я — к чему мне оправданье?
Я так тебя люблю, что полюбил страданье!
С людьми расстался я, остался я в пустыне,
И только дикий зверь — приятель мне отныне».

Х у р р а м. Вот теперь я опьянел — не от вина, а от газели Ибн-аль-Мулаввах Маджуна! Пью в его честь!

У б а й д (раздраженно). Выдумки это! Вранье!

Х у р р а м. Что вранье? Что их написал Кайс Ибн-аль-Мулаввах?

У б а й д (отмахнулся). Да нет, я не о том... «Тобою я смертельно ранен, я от любви безумен, бездыханен!»
Такой любви нет! Выдумки пустозвонов! А о женщинах еще Абу Нувас говорил:

«Избегать со мною встречи — вот разборчивость ее,
Клеветнические речи — разговорчивость ее,
Недомолвки, пересуды — вот уживчивость ее,
Бессердечные упреки — вот отзывчивость ее».
Точней не скажешь! Все женщины таковы!

Ш а м с. Что ты понимаешь в женщинах!..

Х у р р а м. Оставь его в покое, Шамс. Просто этот бедняга, как видно, никогда и никого не любил...

Ш а м с (не в состоянии остановиться, к Убайду). Подумай! Что сделалось бы в этом мире, если бы люди, подобно тебе, не верили в счастье! Чего бы стоила жизнь?!

У б а й д. Она ничего не стоит!

«Жизнь сказала: «Поженемся?»

Я отшатнулся в испуге:

Упаси меня бог от такой многомужней
супруги!»

(Смеется.) Знаешь, кто написал?

Ш а м с. И знать не хочу!

У б а й д. Напрасно, поэт еще жив и живет в Багдаде: аш-Шариф-ар-Раади. Осушим же чаши в его честь!

Ш а м с. Не стану за него пить!

Х у р р а м. Да не ссорьтесь вы! Наполните чаши, и я вам сейчас объясню, почему Убайд рассердился на счастье. Друг мой Убайд! Посмотрите на нашего общего друга Ху-

сейна. Молчит. А почему? Вот кто мудрец, хотя... Хотя насчет женщин он тоже младенец, что-то не помню, чтоб на какой-нибудь красотке остановил взгляд. Зато он успевает сделать больше, чем все мы вместе взятые: изучает науку о звездах и математику, лечит больных, делает лекарства, да мало ли еще что, даже научился играть на барбате. А ты... Раз уж сегодня тут заговорили словами арабских поэтов, скажу тебе тоже арабским стихом:
Время больше ждать не в силах, ты ж, заботам вопреки,
Время жизни золотое разменял на медяки;
Сколько раз твердил: «Уж завтра я возьмусь за ум,
друзья!»

Только с каждым днем все ближе вечный миг небытия.
Так пусть Убайд поскорее возьмется за ум!

У б а й д (*рассердившись*). Самая большая вина виноватого, когда он не признает своей вины. С удовольствием выпью за это. А за ум возьмусь... (*подмигивает*) завтра, утром!

Все смеются, осушают чаши.

Х у р р а м. Ну, а теперь кто скажет — чей рубаи я прочел?

Все переглядываются, молчат.

Х у с е й н. Кажется... Ибн-Бурда...

А н а х и т а (*неожиданно подает голос*). Нет, это написал поэт, который был халифом всего один день!

Х у с е й н. Ах да, верно! Ибн-аль-Мутааз!

Все с удивлением разглядывают незнакомого мальчика.

Ш а м с. Пусть он сядет с нами. Кто бы он ни был, он наш гость. Как тебя зовут, мальчик?

А н а х и т а. Хасан.

Х у р р а м. Сделай нам честь, Хасан! (*Указывает место.*)

А н а х и т а (*садится*). Благодарю вас.

Хуррам подносит Анахите чашу.

А н а х и т а (*смущенно*). Я не пью... Никогда не пил...

Х у р р а м. Ну, чуть-чуть...

Х у с е й н (*к Анахите*).

«Вино враждует с пьяницей, а с трезвым дружит, право. Немного пьем — лекарство в нем, а много пьем — отраву. Не пейте неумеренно: вам будет вред безмерный. А будешь пить умеренно — вино и честь и слава!»

Х у р р а м. Тебе это говорит знаменитый табиб-лекарь! Немного, но пей!

Анахита с трудом делает несколько глотков.

Х у р р а м. А теперь угадай, мальчик, кто сочинил этот рубай?

А н а х и т а. Не знаю...

Х у р р а м. Поэт перед тобой! *(Указывает на Хусейна.)*

Х у с е й н *(улыбнувшись)*.

Пьешь изредка вино — мальчишкою слывешь;
И грешником слывешь, когда ты много пьешь.
Кто должен пить вино? Бродяга, шах, мудрец.
Ты не из троих? Не пей: ты пропадешь!

Отодвигает чашу от Анахиты. Все смеются.

Ш а м с. Откуда ты, мальчик? Раз ты знаешь Ибн-аль-Мутазза, значит, сведущ во многом.

А н а х и т а. Я приехал из Фарбара к родственникам. *(К Хусейну.)* Много слышал о вас... Вот и решил познакомиться с вами...

Х у р р а м. Хочешь лечиться у него?

А н а х и т а. Нет. Просто я учусь наукам и глубоко чту ученых людей... Мне сказали: Хусейн Абу Али в этот вечер веселится с приятелями в Джуй-Муляне и...

Х у с е й н. Кто сказал?

А н а х и т а *(слегка теряясь)*. Этот... старик из «Хранилища мудрости». Я зашел туда, чтоб спросить о вас, как вас найти. Говорили, вы там бываете...

Х у с е й н *(внимательно разглядывает Анахиту, улыбается)*. Гм... *(Глядя на Убайда, поднимает чашу.)* Друг мой, Убайд! Почему помрачнел? Все думаешь о сражении с войском хана Насра?

У б а й д. Нет, сейчас о другом... У меня не выходит из головы Ибн-аль-Мутазз. Где власть — там и кровь. Всего один день на троне халифа, и у поэта летит голова!..

Х у р р а м *(ткнул пальцем вверх)*. Там не только у поэтов, но и у других летят головы!

У б а й д. А ведь Ибн-аль-Мутазз предчувствовал... Помните?

«Я проверил друзей, я любимых друзей испытал.
Стал от них я скрываться, от встреч я увиливать стал...
Если их испытать — то нельзя подавать им руки.
Ведь в глаза все — друзья, за глаза все — враги!»

Хусейн. Да, придворных он знал. Вырос среди них. Пусть аллах возвысит место Ибн-аль-Мутазза в раю! *(Осушает чашу.)*

Шамс. Почему это шахи всех времен рубили головы лучшим людям...

Хуррам. Потому, что головы, носящие в себе знания, выше головы, носящей венец! Ну вот шахи и рубят головы, которые выше их собственных голов.

Убайд. Хасан, что у вас в Фарбаре говорят о битве с ханом Насром Илеком?

Шамс. У кого ты спрашиваешь, Убайд? Какое дело юному любителю наук до распри шахов и ханов! Он не то что шаха, но, наверное, ни одного придворного осла не видел.

Хуррам *(подскочил)*. Хусейн! Прочти твой новый рубаи про ослов! Прочти, а, Хусейн!

Хусейн *(обведя веселыми глазами друзей)*:
«В кругу двух-трех невежд, столь убежденных в том,
Что глупость их считается умом,
Старайся быть ослом. Не то они ославят
Того, кто не осел — еретиком!»

Одобрительные возгласы, смех.

Хуррам *(весело напевает, подыгрывая себе на дойре)*. Старайся быть ослом... Старайся быть ослом... *(Увидев входящего в сад Косоглазого мюрида, тихо.)* Осел пожаловал к нам...

Все оборачиваются.

Косоглазый *(подходя)*. Мир этому дому!

Сидящие, подвигаясь, освобождают гостю место.

Проходил я тут, слышу — веселый смех, музыка... Думаю — кто же эти, которые веселятся в то время, когда смута пробудилась, а благоденствие спряталось... *(Взгляд его останавливается на Анахите.)* Кто этот мальчик, подобный девушке? Клянусь, если переодеть его в девушку, все красавицы Бухары умерли бы от зависти!...

Хуррам *(подавая Косоглазому чашу с вином)*. Угощайтесь!

Косоглазый *(с отвращением отталкивает чашу)*. Неужели вы забыли о страхе перед аллахом! Грех... Великий грех...

Убайд. Каждый веселится по-своему: один за чашей

вина читает стихи, другой развлекается тем, что считает ветры своего осла.

К о с о г л а з ы й (*с угрозой*). Запомни! Плюнешь в небо — плевок попадет тебе же в лицо! Лучше послушай, что скажу: я пришел к вам как друг и брат, поверь...

У б а й д. Верю тебе, лиса, но почему петушиный хвост у тебя из пасти виднеется?

К о с о г л а з ы й. Да ты, я вижу, повредился в уме! (*Поворачивается к остальным.*) А вы чего улыбаетесь, почему молчите?

Ш а м с. Каждому болтуну отвечать — язык заболит.

К о с о г л а з ы й. Не хотите разговаривать со мной — ладно! Я пришел не к вам! Я пришел побеседовать с Хусейном Абу Али! (*К Хусейну.*) Решил предостеречь вас. Хочу — да, да, хочу, чтобы беды миновали вас. Кем вы были до того, как вылечили падишаха? Никем. Но с тех пор вся Бухара о вас говорит. А если говорит Бухара — подсчитайте, сколько это денег!

Х у с е й н. Каких денег!

К о с о г л а з ы й (*подмигивая*). Будто сами не знаете... Лечите больных, ну и лечите! Но зачем вам науки?! Все предусмотрено в книге аллаха! Не приличествует писать книги о том, чего нет в коране. Науками вы только навлекаете на себя беды, умножаете врагов. А если ваш враг даже величиной с муравья, считайте его больше слона! Поняли меня? Что на это скажете?

Х у с е й н (*усмехнувшись*). Люди бывают трех родов: одни подобны пище, без которой нельзя обойтись; другие подобны лекарству, в котором нуждаются лишь иногда; третьи подобны болезни, от которой лучше быть подальше. Так к какому из них вы принадлежите?!

Общий смех.

К о с о г л а з ы й. Насмехаетесь?! (*Вскакивает.*) Всемогущий аллах поднял уже свой меч над Бухарой! Благочестивый хан Наср воздаст еретикам по заслугам! И запомните: со смертью опасно хитрить!

Уходит.

Ш а м с. Не приведи аллах, чтобы хан Наср взял Бухару! Реку крови прольет...

У б а й д (*задумчиво*). Не знаю, разумно ли поступил наш падишах, отказав в руке своей сестры. Может быть,

через прекрасную Анахиту надвигающаяся на Бухару беда была бы предотвращена...

Шамс. Царевна сама не захотела идти за него!

Убайд. А-а! Болтовня! Если бы падишах пожелал — стал бы он слушать ее!

Хуррам. Э-э, какое нам дело до царских сестер и дочерей! Все равно, Убайд, нам с тобой они никогда не достанутся!

Хусейн. Зачем, Хуррам, так грубо? Лучше спой на прощание, повесели сердце!

Хуррам. С удовольствием... Сейчас... Сейчас... (*Крутит головой.*) Память у меня...

Убайд (*усмехнувшись*). Все жалуются на память, но никто не жалуется на свой ум.

Хуррам (*отмахнувшись*). Вспомнил! (*Поет, подыгрывая себе на барбате*).

«Расшитая, как серебром, сияньем,
Ты схожа, ночь, с прекрасным одеяньем.
О небо! Ты подобие реки,
А эти звезды — словно пузырьки».

Одобрительные возгласы.

Кто угадает, чьи слова? (*К Хусейну.*) Ты молчи!

Убайд. Ащ Шарифа Ар-Раади. Вот чьи. Мой любимый поэт. Правда, еще время есть — отрубят! (*Смех.*)

Хусейн. Друзья, пора, мы засиделись... (*Поднимается.*) Хасан — ты мой гость, не так ли, ты искал меня и пришел ко мне... Так разреши пригласить тебя к себе в дом? Побеседуем там... (*Шамс и Хуррам начинают собирать скатерть.*) До свидания, друзья! Идем, Хасан!.. (*Уходит вместе с Анахитой.*)

СЦЕНА 4

Дворик дома Хусейна. Под виноградником — кат — деревянный помост для сидения. Айван — из него дверь, ведущая во внутренние покои. В стон ворота.

Ситора и продавщица амулетов.

Продавщица амулетов. Слышали бы вы, как шейх проклинал нечестивцев! Они — слуги шайтана! — говорил он. Эй, мусульмане, говорил он, если вы чистые братья, тогда жгите книги еретиков! И пусть Хусейн Абу

Али не читает книг безбожных греков и сам не сочиняет: лечит людей, и хватит с него! А то, говорит, на том свете...

Ситора. Да перестаньте же!

Продавщица амулетов. ...на том свете, говорит, великий аллах его превратит в навозного жука!

Ситора. О господи!

Продавщица амулетов. А еще он ругал людей, которые не верят в талисманы, в святые амулеты...

Ситора. Еще и амулеты!..

Продавщица амулетов. Ах, почтенная бану, мои амулеты приносили пользу всем. Вот, к примеру, Айша-биби, вы ее знаете. По ночам, по наущению сатаны, ее мучили страшные видения, а как только она взяла амулет и... повесила на грудь, видения сразу исчезли. Святые изречения из корана переписаны рукой праведника — блаженной памяти моего мужа шейха Абу-Бакра, ведь он был истинный святой...

Ситора. Меня соседка ждет... Должна лекарства ей отнести...

Продавщица амулетов *(не слушая, продолжает)*. ...Перед смертью он мне сказал: «О Хадича, это заклинание от многих напастей, давай их всем мусульманам и дорого за них не проси, а бери, сколько пожелают дать...» *(Извлекает из шкатулки зашитые в тряпки амулеты)*. Вот: от дурного глаза, от укуса бешеной собаки, от скорпиона, от змеи...

Ситора. Мой сын запрещает мне держать в доме амулеты, понимаете?! Он не верит в них!

Продавщица амулетов. Ваш сын женат?

Ситора *(нехотя)*. Нет.

Продавщица амулетов. А невеста у него есть?

Ситора *(вздыхает, как бы про себя)*. Он ищет такую, какой нет. Да, по правде говоря, и не очень-то ищет, а погружен в свои науки... Отец мечтал увидеть Хусейна женатым, дожить до внуков...

Продавщица амулетов. Вот видите—ваш сын сам не знает, чего хочет. А у меня как раз есть амулет для удачной женитьбы.

Ситора. Да не надо мне!

Продавщица амулетов. Зря! А еще есть от колдунов, от цыган, есть и от зла завистников...

Ситора *(нетерпеливо)*. О аллах! Что за напасть!

Продавщица амулетов. А это разве не нужно вашему Хусейну: от соблазна женщин дурного поведения.

Думаете, они не могут его соблазнить? Могут! И не говорят, почтенная бану, могут! Берите!

С и т о р а (встала, отошла). Давайте, биби, кончим этот разговор.

Продавщица амулетов (тоже встала, кладет амулеты обратно в шкатулку). Я думала, что вы... Я вам добра желала... И вашего сына тоже хотела предупредить... Ладно... (Выходя из калитки, сталкивается с Хусейном и «мальчиком».) Салям алейкум, мулла Хусейн! (На Анахиту.) Кто это? (Не слушая ответа.) Я принесла амулеты от всяких напастей — вот посмотри, а твоя мама говорит, что ты не веришь в них, это правда? Тут переписаны молитвенные изречения, которые отвращают...

Хусейн. Есть ли у вас изречения, которые отвращают от соблазна покупать амулеты?

Продавщица амулетов. Что?

Хусейн. От соблазна, говорю, покупать амулеты. От такого бы я не отказался. (Анахите.) Заходи, Хасан...

Продавщица амулетов, обиженно бормоча, выходит.

Мама, это мой гость! (К Анахите.) Проходи, не стесняйся!

Анахита по-мужски кланяется Ситоре, приложив правую руку к сердцу.

Ситора. Какой красивый юноша! Видно, из благородных. Как его зовут?

Анахита. Хасан.

Ситора. И имя красивое. Добро пожаловать. Гостям мы всегда рады.

Хусейн. Из Фарбара приехал... Меня искал... Удивительный юноша! Ты бы слышала, мама, какие он знает стихи!

Ситора. Ты к больному звать приехал?

Анахита. Нет. Слава вашего сына привела меня в Бухару, я хотел познакомиться со знаменитым табибом-врачевателем.

Ситора. Очень приятно... (Хусейну.) Оставляю тебя с твоим юным другом... Соседка ждет твоё лекарство, не успела ещё ей отнести... (Скрывается в доме и тотчас выносит поднос с фруктами и сладостями.) Угощайтесь... (К Анахите.) Извините... (Уходит в калитку.)

Анахита. Уютный у вас дворик, маленький.

Хусейн (улыбнувшись). Уж конечно, не такой большой, как у вас.

Анахита (*пристально взглянув на него*). Что вы имеете в виду?

Хусейн. Снег, если его долго держать в руке, производит действие огня. Я долго держал снег в руке — долго молчал и надеюсь, что вы не обидитесь на меня, если только скажу: еще там, в саду, я понял, кто вы.

Анахита. То есть как кто?

Хусейн. Вы — царица.

Анахита (*вздвинувшись*). Царица? Какая царица?!

Хусейн. Царица Анахита.

Анахита (*расхохотавшись*). С чего вы это взяли?!

Хусейн. Загадка была не из трудных: ваша выдумка о Фарбаре могла обмануть кого угодно, только не меня. Крик петуха в одном конце Фарбара слышен в другом его конце. Кто в таком городке может знать столько стихов, а еще арабских!..

Анахита (*насмешливо*). Очень интересный ход рассуждений, продолжайте!

Хусейн. Знал я и то, что юная сестра падишаха, так же как и я, обучается у Чагани, хотя ни разу вас не видел — ведь старик прячет вас от чужих взоров, как дервиш найденный им золотой динар. Прочесть столько арабских стихов вы могли только в «Хранилище мудрости». Да и кто другой, кроме вас, был бы в состоянии так чисто произнести по-арабски?!

Анахита. Ах, какая оплошность! (*От растерянности прячет лицо в ладонях; внезапная мысль заставляет ее подскочить.*) Ах, вот как?! Вы угадали, кто я, и потому позвали меня сюда?!

Хусейн. Да нет! Что вы, царица! У меня даже и в мыслях не было того, о чем вы подумали! Не волнуйтесь! Просто много слышал о вас... И мне было приятно побеседовать с вами еще... Я не желал вас оскорбить! Уверяю!..

Анахита (*успокаиваясь*). Честней было бы сделать вид, что вы ничего не знаете. Не заставили бы меня краснеть от стыда.

Хусейн. Я так и думал поступить, царица, но мне очень захотелось понять — зачем вы все это затеяли... Неужели только затем, чтобы посмотреть, как веселятся мужчины?

Анахита (*резко*). Да, только за этим!

Хусейн. Ведь это было далеко небезопасно — вас могли узнать, и тогда...

Анахита. Ну и пусть! Я и раньше, бывало, ходила

переодетая смотреть скачки и разные праздники... (С облегчением.) И все-таки хорошо, что вы не проговорились там, в саду...

Хусейн. С той минуты, как я догадался, ваша тайна стала и моей.

Анахита. Вы спрашиваете, Хусейн, зачем я это затеяла. Но я же еще там вам сказала... (Пауза.) Пришла познакомиться с вами. Да, да! Не верите?

Хусейн. Для меня это слишком большая честь, царевна.

Анахита. Называйте меня по имени, мне так больше нравится.

Хусейн. О, как мне благодарить вас за эту милость!

Анахита. Я о вас многое знаю. Знаю, например, что вы писали книги для какого-то...

Хусейн. Абубекра Барки. Он заказал мне книги — сначала по философии, логике, а потом и по другим наукам.

Анахита. Мне называли не то имя.

Хусейн. Абу-аль Хасан Арузи?

Анахита. Кажется...

Хусейн (усмехнувшись). Ну, тот — богослов! Любитель знаний! Он заказал мне две книги, одна из них «Этика». Знаний у него пока маловато, зато денег много, и ссужает он их в рост. В книге я, между прочим, написал, что этика запрещает ростовщичество как вид грабежа.

Анахита (улыбнувшись). А вот первый заказчик доволен вашими сочинениями?

Хусейн. Не знаю. Ему нужно время, чтоб прочесть все двадцать одну книгу. Два года я писал их.

Анахита. Как можно написать столько книг за два года! Вы что, Хусейн, не ели, не спали, только писали?

Хусейн. Каждый день, и нередко ночи напролет. По тридцать и даже по пятьдесят страниц в день приходилось писать. Я изложил все известные мне науки, кроме математики. Вкратце, конечно.

Анахита. Вы удивительный, необыкновенный человек, Хусейн.

Хусейн. Не хвалите меня, царевна, а то я зазнаюсь.

Анахита. Если вы будете и дальше так работать, то для зазнайства у вас не останется времени.

Хусейн (усмехнувшись). Мир похож на малое дитя, которое то с улыбкой дарит нам что-нибудь, то, плача, тре-

Анахита (*пристально взглянув на него*). Что вы имеете в виду?

Хусейн. Снег, если его долго держать в руке, производит действие огня. Я долго держал снег в руке — долго молчал и надеюсь, что вы не обидитесь на меня, если только скажу: еще там, в саду, я понял, кто вы.

Анахита. То есть как кто?

Хусейн. Вы — царица.

Анахита (*вздрыгнув*). Царица? Какая царица?!

Хусейн. Царица Анахита.

Анахита (*расхохотавшись*). С чего вы это взяли?!

Хусейн. Загадка была не из трудных: ваша выдумка о Фарбаре могла обмануть кого угодно, только не меня. Крик петуха в одном конце Фарбара слышен в другом его конце. Кто в таком городке может знать столько стихов, а еще арабских!..

Анахита (*насмешливо*). Очень интересный ход рассуждений, продолжайте!

Хусейн. Знал я и то, что юная сестра падишаха, так же как и я, обучается у Чагани, хотя ни разу вас не видел — ведь старик прячет вас от чужих взоров, как дервиш найденный им золотой динар. Прочсть столько арабских стихов вы могли только в «Хранилище мудрости». Да и кто другой, кроме вас, был бы в состоянии так чисто произнести по-арабски?!

Анахита. Ах, какая оплошность! (*От растерянности прячет лицо в ладонях; внезапная мысль заставляет ее подскочить.*) Ах, вот как?! Вы угадали, кто я, и потому позвали меня сюда?!

Хусейн. Да нет! Что вы, царица! У меня даже и в мыслях не было того, о чем вы подумали! Не волнуйтесь! Просто много слышал о вас... И мне было приятно побеседовать с вами еще... Я не желал вас оскорбить! Уверяю!..

Анахита (*успокаиваясь*). Честней было бы сделать вид, что вы ничего не знаете. Не заставили бы меня краснеть от стыда.

Хусейн. Я так и думал поступить, царица, но мне очень захотелось понять — зачем вы все это затеяли... Неужели только затем, чтобы посмотреть, как веселятся мужчины?

Анахита (*резко*). Да, только за этим!

Хусейн. Ведь это было далеко небезопасно — вас могли узнать, и тогда...

Анахита. Ну и пусть! Я и раньше, бывало, ходила

переодетая смотреть скачки и разные праздники... (С облегчением.) И все-таки хорошо, что вы не проговорились там, в саду...

Хусейн. С той минуты, как я догадался, ваша тайна стала и моей.

Анахита. Вы спрашиваете, Хусейн, зачем я это затеяла. Но я же еще там вам сказала... (Пауза.) Пришла познакомиться с вами. Да, да! Не верите?

Хусейн. Для меня это слишком большая честь, царевна.

Анахита. Называйте меня по имени, мне так больше нравится.

Хусейн. О, как мне благодарить вас за эту милость!

Анахита. Я о вас многое знаю. Знаю, например, что вы писали книги для какого-то...

Хусейн. Абубекра Барки. Он заказал мне книги — сначала по философии, логике, а потом и по другим наукам.

Анахита. Мне называли не то имя.

Хусейн. Абу-аль Хасан Арузи?

Анахита. Кажется...

Хусейн (усмехнувшись). Ну, тот — богослов! Любитель знаний! Он заказал мне две книги, одна из них «Этика». Знаний у него пока маловато, зато денег много, и ссужает он их в рост. В книге я, между прочим, написал, что этика запрещает ростовщичество как вид грабежа.

Анахита (улыбнувшись). А вот первый заказчик доволен вашими сочинениями?

Хусейн. Не знаю. Ему нужно время, чтоб прочесть все двадцать одну книгу. Два года я писал их.

Анахита. Как можно написать столько книг за два года! Вы что, Хусейн, не ели, не спали, только писали?

Хусейн. Каждый день, и нередко ночи напролет. По тридцать и даже по пятьдесят страниц в день приходилось писать. Я изложил все известные мне науки, кроме математики. Вкратце, конечно.

Анахита. Вы удивительный, необыкновенный человек, Хусейн.

Хусейн. Не хвалите меня, царевна, а то я зазнаюсь.

Анахита. Если вы будете и дальше так работать, то для зазнайства у вас не останется времени.

Хусейн (усмехнувшись). Мир похож на малое дитя, которое то с улыбкой дарит нам что-нибудь, то, плача, тре-

Ситора. Как! Помируйте, шахзада-ханум, так быстро...

Анахита (*надевая на голову чалму*). Да, да, сейчас. Прощайте!

Хусейн. Я вас провожу, ваше высочество...

Голос сердца Хусейна (*гремит на весь зал*). Как она прекрасна!

Анахита и Хусейн уходят.

Ситора. Царевна... Не сон ли это?..С моим Хусейном!.. Как бы не случилось с ним худо... О, Всемогуций, Всемиловитый! Отврати беды от моего сына! Сделай так, чтобы все кончилось благополучно! О, Всемогуций, Всемиловитый!..

Голос сердца Хусейна (*вдали*). Как она прекрасна!..

Занавес

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Из-за занавеса выходит Омар Хайям.

Омар Хайям.

Что там, за ветхой занавеской тьмы?
В гаданиях запутались умы.
Когда же с треском рухнет занавеска,
Увидим все, как ошибались мы.

Учитель, слышишь ли ты меня? Это через сорок лет после того, как тебя скрыли могильные плиты, с тобой разговаривает твой ученик Абу-ль Фатх Омар бен Ибрахим-аль-Хайям!.. Не слышит! Видеть вперед он умел далеко, но слышать... А если бы даже и умел:

На блестку дней, зажатую в руке,
Не купишь Тайны где-то вдалеке,
А тут и ложь — на волосок от Правды,
И жизнь твоя — сама на волоске.

Ах, почему я не родился раньше, чтобы его остеречь! Высота минарета измеряется длиной его тени, высота человека — числом завистников. Он познал тайны мудрости, но спасли ли они его от людской злобы и зависти? Всю жизнь он был вынужден скитаться, спасаясь от гонителей. Некоторые его завистники еще живы, на их губах не высохла еще ядовитая слюна, а они уже примазываются к его славе: в тени его высоты они сами себе кажутся выше. Ах, если бы я мог зачеркнуть вешние строки, если б мог еще тогда, в Бухаре, сказать ему: «Будь осмотрителен!»

Будь осмотрителен — судьба-злодейка рядом.
Меч времени остер — не будь же верхоглядом!
Когда судьба тебе положит в рот халву,
Остерегись — не ешь, в ней сахар смешан с ядом!

Да что я говорю... Даже если бы я родился раньше, зная все, что знаю теперь, и остерег его, ничто бы не изменилось. Один сапожник спросил мудреца: «Следуете ли вы всем тем советам, какие даете в своих книгах людям?» — «Нет, — ответил мудрец. — Разве ты носишь все башмаки, которые шьешь?»

Нас вразумить? Да легче море сжечь!
Везде, где счастье,— трещина и течь.
Кувшин наполнен? Тронешь — и прольется.
Бери пустой! Спокойнее беречь!

Абу Али брал из жизни только полные кувшины. Значит, ему была суждена полная жизнь. Даже в юности, даже в родной Бухаре!

По знаку Омара Хайяма занавес поднимается.

СЦЕНА 5

Опять дворик дома Хусейна. У айвана на застеленном ковром кате сидит женщина с ребенком на руках, голова ребенка перевязана. Поодаль у стены на земле, в ожидании приема, сидят двое больных.

Первый (*продолжая разговор*). Когда хан Наср прислал сватов, падишаху показалось, что всех сокровищ мира мало за его сестру. А теперь расплачиваться головами будем мы.

Второй. Неужто хан Наср победит?

Первый. Откуда я знаю! Сказано в коране: «Когда аллах решит какое-нибудь дело, то только говорит — будь!»

Второй. Но если воины хана придут в Бухару, мы в один день можем лишиться всего!

Первый. Так устроена жизнь! Один — посадил, второй — вырастил, а третий говорит: «Мой сад!»

Второй. Замолчите! Не накликайте шайтана! Может быть, все-таки беда обойдет нас...

Первый (*насмешливо*). Надейтесь, надейтесь! Давно сказано: «Что проглотил — твое, а что только жуешь — еще неизвестно чье». Придут, все заберут да еще скажут: «Не я буду брать — ты сам мне в карман положи!»

Второй. Значит, боитесь?

Первый. Чего мне бояться? Я переписчик корана, а хан Наср — благочестивый мусульманин!

Второй (*удивленно глядя на собеседника*). А что вы думаете...

Первый. Воск. Чтобы пальцы не теряли упругости. Легко ли каждые две недели переписывать целый коран! (*Показывает, согнувшись, как переписывает.*)

Второй. Наверное, много зарабатываете?

Первый. Денег зарабатываю немного, а болезней заработал больше чем надо. Показался этому... *(Кивает на дом.)* Он прописал мне — как думаете, что? Поездку на верблюде до Кермине и обратно. Сначала я удивился: езда на верблюде? Когда и какой табиб прописывал такое?

Второй. И что же, ездили?

Первый. Пришлось. Туда и обратно неделя качки на верблюде. Потом — пешком семь тысяч шагов каждый день. Так целый месяц. А через месяц — снова показаться...

Второй. Ну и как, помогло? И что за болезнь у вас?

Первый. Э, не спрашивайте... Но, представьте, стало лучше, гораздо лучше...

Второй. А вот у меня...

В доме открывается дверь, выходит Ситора со стопкой бумаг и чернильницей, кладет все на столик.

Ситора *(женщине с ребенком)*. Скоро он освободится и примет вас. *(Приложив руку ко лбу ребенка.)* Сейчас дядя табиб даст тебе хорошее лекарство...

Вновь открывается дверь, появляется мужчина в накинутах на плечи халате, за ним — Хусейн в белом халате и белой круглой тюбетейке.

Хусейн. Немного запоздали с лечением, уважаемый. Но ничего, язва не опасная, мы ее вылечим... Мама!

Ситора села за столик, приготовилась писать.

(Диктует.) Окись свинца полить оливковым маслом. Сурьма, жженая медь, драконова кровь, квасцы, серебряная калимия, каждое средство в количестве, равном шестой части окиси свинца. Все смешать. *(Дальше диктует, обращаясь к больному.)* Смазывать язву через каждые три дня. *(На рецепт ставит печать, отдает мужчине.)* В лавку продавца лекарств Абуль Хайра! Он приготовит вам и пластырь.

Мужчина. Премного благодарен вам, господин табиб. *(Вынимает тряпичный кошелек, чтоб расплатиться.)*

Хусейн. Плата — три диргема — после выздоровления. Придете через неделю — посмотрю. До свидания.

Выздоровливайте! (Вслед.) И не забудьте: не наедайтесь досыта! Никогда не наедайтесь досыта: римский врач Гален еще тысячу лет назад писал: «Кто встает после еды с ощущением неполной сытости, тот всегда здоров».

М у ж ч и н а (кланяется). Дай аллах вам сто лет жизни! Х у с е й н (Ситоре, кивнув на дворик). Остались только они?

С и т о р а (кивнув). Сегодня ты опять куда-то спешишь?

Х у с е й н. Да, мама! Тороплюсь! (К женщине с ребенком.) Прошу вас!

Женщина с ребенком скрывается в комнате вслед за Хусейном.

Второй больной. Слышали? «Не наедайтесь досыта!»

Первый больной. А это он требует от всех, чем бы ни заболели! Он и мне говорил: есть досыта нельзя, вредно!

Второй. Ну и как же вы?

Первый. Что поделаешь... Приходится полуголодным ходить...

Второй. Ну, нет! На это я не согласен! (Поднимается.) Если не наедаться досыта, тогда зачем жить?! Пойду к другому табибу постарше и поумнее... (Уходит.)

Первый (подмигнув зрителям). Люди делятся на тех, кто ест, чтоб жить, и тех, кто живет, чтоб есть... Этот (кивает вслед ушедшему), как видите, принадлежит ко вторым...

Ситора, прикрывая лицо кончиком платка, занимается домашними делами, исчезает, вновь появляется. Наконец из комнаты выходят женщина с ребенком и Хусейн.

Х у с е й н. Этим будете смазывать мальчику веки. А для смягчения желудка поите его морковным или яблочным соками, а лучше всего соками полевого вьюна, если найдете.

Ж е н щ и н а. Хорошо, господин табиб. Очень благодарна вам. (Уходит.)

Х у с е й н (больному). Ну, как себя чувствуете?

Первый. Лучше, много лучше, господин табиб.

Х у с е й н. Ну и хорошо, продолжайте делать все, что я вам предписал.

Первый (жалобно). Семь тысяч шагов каждый день, да еще голодным... Разрешите мне отдохнуть от ваших лекарств!

Хусейн (прерывая его). Потерпите еще немного... Придете через неделю — тогда вас осмотрю и решим! (Подталкивает его к воротам.) Потерпите!.. (Идет к айвану, надевает халат и чалму.)

Ситора. Может быть, съешь чего-нибудь? У меня готовы бобы.

Хусейн. Нет, мама! Вернусь, тогда и поем... (Сталкивается в воротах с чернобородым мужчиной средних лет.) Рад вас видеть, высокочтимый!

Арузи (испуганно оглянувшись назад, сдавленным голосом). А я, представьте, не рад этой встрече с вами, да что поделаешь...

Хусейн (нетерпеливо). На что жалуетесь?

Арузи (со вздохом). Если бы болезни! Хуже, гораздо хуже! (Извлекает из широкого рукава книгу, протягивает Хусейну.) Как видите, свод наук, который вы для меня написали... Я должен вам вернуть при свидетеле... он вот-вот зайдет сюда... (Оглядывается.)

Хусейн. О ком вы говорите?

Арузи. Мюрид шейха Абу-Тахира, по пути он за чем-то заскочил к шейху... Я должен не просто вернуть вам книгу, а проклинать ее и каяться, что заказал ее вам. Да, проклинать и каяться! Только тогда я буду прощен и не изгнан из мечети.

Хусейн. Всемилостивый аллах, за что же?

Арузи. Сегодня во время утренней молитвы Абу-Тохир показал эту книгу молящимся, — я по простоте душевной похвастался ему, что обладаю ею, он возьми да пришли за ней своего мюрида: тоже, видите ли, хочет ее прочесть, извлечь пользу...

Хусейн. Короче! Я очень спешу!

Арузи. Так вот, показал книгу молящимся и говорит: «Вот ересь! Сочинил ее Хусейн бен Абдаллах Абу Али. Это вероотступник читал тайно сам и давал читать другим. Он оскверняет дом аллаха, надо его изгнать!» Думал ли я, что моя любовь к наукам обернется бедой?! (Оглянувшись.) А вот и свидетель... (В воротах появляется Плосконосый. Хусейну — громко.) Возвращаю вам ваше еретическое сочинение! Оно чуть не свернуло меня с пути истинного! Я проклинаю день, когда заказал ее вам! Каюсь, каюсь! Я был слеп. Я исполнен глубочайшей благодарно-

сти святому шейху Абу-Тахиру за то, что он открыл мне глаза, указал на мои заблуждения, укрепил во мне чистую веру! Отныне я не буду читать никакую книгу, кроме священного корана!

П л о с к о н о с ы й (подождал, дослушав Абу-ль Хасана Арузи). Салам алейкум! (К Арузи.) Вы поистине благочестивый мусульманин, досточтимый мовляна, я в этом никогда не сомневался. Я передам хазрату-шейху то, что слышал сейчас... (Хусейну.) А вам шейх велел сказать вот такие слова: «Я должен был,— сказал шейх,— предать твою книгу огню, но это могло породить в твоей душе злость, и ты только бы укрепился в своих заблуждениях, а это повлекло бы тебя к новым грехам. Наш пророк не жалел сил, чтобы сделать мусульманином даже одного единственного еврея! Вот почему, учитывая твою молодость, я нянчусь с тобой. Я хочу, чтобы ты сам все понял и сам сжег свою книгу! Поразмысли над моими словами, покайся, откажись навсегда от сочинительства и оставайся врачом в славу аллаха Всемогущего, Всемилостивейшего!» Вот слова шейха! Что ему передать?

Х у с е й н (гася пламень глаз). Передайте, что я подумаю... И если хазрат когда-нибудь заболеет, то я готов к услугам... Мама! Досточтимому мавляне надо вернуть его деньги!..

Арузи с негодующим видом, не прощаясь, уходит, за ним скрывается Плосконосый. Хусейн передает книгу Ситоре.

Спрячь ее! За деньгами он, конечно, придет... верни ему сорок диргемов!

С и т о р а. Хорошо, сынок!

Х у с е й н (взглянув на небо). Ну, мне пора... Скоро полдень!

С и т о р а. Что с тобой, Хусейн? Третий день все куда-то спешишь...

Хусейн улыбнулся ей, махнул рукой и скрылся за воротами. Ситора, вздохнув, поворачивается к дому. Во двор вбегает, запыхавшись, Арузи, пугливо оглянулся на ворота — не видел ли кто.

А р у з и. Достопочтенная бану!

С и т о р а (обернувшись). А-а, это вы? Как вы меня напугали! Сейчас-сейчас... (Направилась к дому.)

А р у з и (в отчаянии). Неужели Хусейн куда-то ушел?

С и т о р а. Да, сейчас верну вам сорок диргемов...

А р у з и. Подождите, бану! (Она останавливается, он еще раз оглянулся на ворота и заговорил сдавленным голосом.) У каждого на левом плече сидит Шайтан, а на правом сидит Рахман. Шайтан говорит: «Сделай так, и тебе будет выгодно». И когда человек его послушается, Рахман говорит: «Почему ты так поступил? Ты погиб!» Шайтан заставляет меня делать то, в чем Рахман заставляет раскаиваться... Верните мне книгу! (Ситора стоит, оцепенев от удивления.) Не бойтесь, я ее не сожгу, она мне нужна! (Берет книгу из рук Ситоры.) Благодарю вас! (Спрятав книгу в рукав, быстро удаляется.)

СЦЕНА 6

«Хранилище мудрости». Чагани и Анахита.

Чагани. Что с вами, царевна? Я вас не узнаю. Я вам говорю, а ваши мысли бродят где-то там... как Лейли, ищущая в пустыне своего Меджнуна. Я хочу, чтобы вы поняли: настоящая казна падишаха находится здесь!..

Открывает сундук из цветного дерева, извлекает из него сундучок поменьше.

Анахита. Тут какая-нибудь древняя книга?

Чагани. Да. Будь я падишах Бухары, я половину войска поставил бы охранять эти книги!

Из второго сундука вынимает совсем маленький сундучок.

Тут книга, которая написана до пророка! Ее подарил мне сам великий Фирдоуси. Он сидел вот тут, читал книги и говорил: «Ты, Чагани, как последний жрец, хранишь священный огонь»... (Достает книгу из сундучка, протягивает царевне.) Языку Авесты я вас учил, читайте, пока буду в мечети...

Глухо доносится голос муэдзина, призывающего к молитве. Чагани и Анахита молча дожидаются окончания призыва. Потом Чагани встает, надевает чалму и халат, идет к выходу.

Заприте дверь, царевна, читайте и, пока я в мечети, не впускайте никого! (Уходит.)

Анахита заперла дверь на щеколду, положила, не раскрывая, книгу на столик. Прислушивается, кого-то с нетерпением ждет. Условный стук. Анахита подбегает к двери, выпускает Хусейна. Он жестом спрашивает: «Ушел?» Она кивает.

Хусейн. Здравствуйте, Анахита! Благословим же призывающего к молитве, ибо только его голос способен вытянуть нашего доброго учителя из «Хранилища мудрости»!

Анахита. Я всегда так рада видеть вас, Хусейн, а сегодня что-то боюсь. Какое-то дурное предчувствие... А тут еще учитель дал мне книгу, восславляющую Ахура Мазду: плохая примета...

Хусейн (берет книгу, раскрывает). Ого! Великая книга!

Анахита. Неужели и вы, Хусейн, из тех безбожников, кто верит в Ахура Мазду и приносит жертвы огню?!

Хусейн. Нет, я мусульманин. Я верю в аллаха. Но аллах — это не какой-то там мастер, который сотворил и создал в своей небесной кузне все живое и не живое. И не старик, который сидит и с высоты взирает на наши дела. Аллах — это Первейший Всесильный Всемогущий Разум, об этом было известно еще Аристотелю. Земля и все, что на ней, существуют извечно. Великий аллах создал только людей, вернее, наделил нас частицами своего разума, чтобы мы могли познавать то, что вокруг нас. (Улыбается.) Некоторых за грехи он лишил разума: есть тут, в Бухаре, один богослов, тыкал в меня палкой — «Еретик! Безбожник!» Когда он удалился, я подумал:

«За безбожье свое перед собой одним я в ответе.

Крепче веры моей не бывало на белом свете.

Но, коль единственный в мире — и тот еретик, —

Значит, нет, говорю, правоверных в нашем столетье».

Анахита. Как хорошо сказано!.. Но я вижу — вы уже зазнались: «Единственный в мире!» Интересно, о чем все-таки эта книга? Чем она велика?

Хусейн. Тем, что в ней говорится о вас.

Анахита. Обо мне?

Хусейн. Вот послушайте... (Читает.) «Всякий может увидеть ее, Ардвисуру Анахиту...»

Анахита (прерывая его). Так и написано? Анахиту?

Хусейн протягивает ей раскрытую книгу. Анахита читает.

Ардвисуру Анахиту... Странно.

Хусейн. Что тут странного — такая прекрасная девушка, как вы, конечно — богиня. Анахита — богиня наших далеких предков, богиня плодородия и бегущих вод. (С шутивым поклоном.) Благодарю вас, Анахита, что вы к нам вернулись! Я ждал вас всю жизнь!

Анахита. Интересно, что же там написано (усмехнувшись)... про меня...

Хусейн. Про вас! Про вас! Прочту, и вы сами в этом убедитесь! (Читает.) «Всякий может увидеть Ардвисуру Анахиту в образе прекрасной девушки, знатного рода, стройной, прямой, высоко подпоясанной, в нарядном плаще с обильными складками...»

Анахита. Так приятно слушать, будто и вправду обо мне...

Хусейн (читает). «Красуется она серьгами, четырехгранными, золотокрованными...»

Анахита. Четырехгранных серег у меня нет. А жаль!

Хусейн (читает). «Ожерельем обвила благородная Ардвисура Анахита прекрасную шею. Стягивает она стан свой, чтобы дивные груди ее восстали, чтобы влеклись к ней людские взгляды...»

Анахита. Как хорошо быть богиней! (Смеется.) А где мой дворец?

Хусейн. На звездах, конечно.

Анахита. Как высоко! Дух захватывает!

Хусейн. А я — на земле и с земли обращаю свои мольбы к вам... (Читает.) «О добрая Ардвисура Анахита, о милости прошу тебя! Да обрету я, любимый тобой...»

Анахита. Так и написано?!

Хусейн. Разве я осмелился бы такое сказать от себя! (Показывает ей в книге.)

Анахита (читает). «Любимый тобой...» Слова — будто музыка. Читайте! Читайте!

Хусейн. «Да обрету я, любимый тобой, обширные царства, где варят обильную пищу, где фыркают кони, грохочут колеса, где припрятаны яства и благоухания...»

Анахита (тихо). Дарю вам все царства...

Хусейн (сияя). «Ради этих моих молитв, ради этих моих восхвалений снизойди к нам, Ардвисура Анахита, со звезд на землю...»

Стук в дверь, голос Чагани: «Это я!» Хусейн поспешно скрывается в соседнем помещении. Анахита открывает дверь, входит Чагани.

Анахита *(стараясь скрыть смущение и растерянность)*. Я вас узнала по стуку, учитель... Я тут... Со звезд на землю... Про богиню Анахиту читала...

Чагани внимательно смотрит на нее. Заметил оставленный Хусейном на столе давод (пенал). Берет его в руку и ставит обратно. С минуту молчит, задумавшись.

Чагани. Хусейн, выходи!

Появляется Хусейн. Стоит, смущенно глядя в пол. Анахита отвернулась к стене. Молчание. Чагани чуть не плачет.

И как я недоглядел!.. Ваше молчание мне говорит больше, чем если бы вы разговаривали. Я ни в чем вас не упрекаю. Случилось то, чего вы еще сами не понимаете. Как ночные бабочки, которые летят к свету и сгорают на огне... *(Умолк, от слез перехватило дыхание.)* И мой долг вам сказать... *(Снова умолк.)*

Хусейн. Я вас слушаю, учитель.

Чагани. Послушайте и вы, Анахита... *(Хусейну.)* В твои годы я служил в Нишапуре писцом в канцелярии визиря. Молодая дочь его обучалась каллиграфии у главного писца, а когда он бывал занят, ее обучал я. Мы полюбили друг друга. Да, полюбили... И поклялись, что только смерть сможет нас разлучить... *(Вытирает набежавшие на глаза слезы.)* В коране сказано: «Если ты умен, ты должен знать, что совершаемые тобой поступки — здание, находящееся на берегу реки и поблизости от пожара». Ее выдали за Гузганского эмира, а меня побили палкой и бросили в темницу за то, что я, сын какого-то муэдзина квартальной мечети, осмелился... Когда человек заболевает горячкой, к нему подходят люди навещать его и опасаются за его жизнь; а ведь сердце любящего из года в год горит в огне, и никто его не навещает и не удивляется его состоянию... Я понял и убедился: настоящая любовь приходит только один раз в жизни!.. Я проводил ночи, скорбя и стеная... Я был еще жив, но завидовал мертвым. И наверное умер бы, если бы не Фирдоуси. Он послал меня сюда и дал дело, ставшее делом моей жизни: собирать и хранить книги, уцелевшие

от костров фанатиков. С тех пор я здесь один, один...
(Умолк, покачивая головой.)

Хусейн (мягко коснувшись его плеча). Учитель...

Чагани. Я не все еще сказал... Дети мои, горько мне говорить вам, но вашей мечте не дадут расцвести. Мне не меньше, чем вам самим, хотелось бы видеть вас... Но... Все, что пережил я, предстоит теперь переживать вам. Хотите верьте, хотите нет, повторяю, только один раз в жизни приходит к человеку любовь. А к некоторым и совсем не приходит. Только раз в жизни человек может надеяться на счастье. На что можешь надеяться ты, Хусейн? С начала веков и доньше какой смертный соединялся с солнцем? Против тебя вооружится зло, и окружают тебя беды. И наихудшая беда — ты когда-нибудь поймешь это: у тебя не будет дома, ты не услышишь смеха твоих детей. Ты обречен всю жизнь скитаться... Один, один...

Внезапно послышался далекий топот, шум, крики. Кто-то колотит кулаком в дверь.

Г о л о с. Хусейн! Хусейн!

Чагани открывает дверь, на пороге — Х у р р а м.

Х у р р а м. Хусейна здесь нет?

Х у с е й н. Что случилось?

Х у р р а м. Беда! Большая беда! Войско хана Насра ночью обошло наше войско, неожиданно пришло из степи и ворвалось в город!

А н а х и т а. Что?

Х у р р а м. Вдруг появилось под Бухарой и ворвалось через Наубехарские ворота...

А н а х и т а. Падишаха предали! О, бедный мой брат!..

Убежала с воплями через внутреннюю дверь. Топот, шум, крики явственнее.

Х у р р а м. Скорей, Хусейн!

Х у с е й н. Учитель! Пойдемте! Я укрою вас в моем доме!

Чагани (качая головой). Мой дом здесь.

Хусейн обнимает старика, идет к дверям.

Чагани. Хусейн! *(Хусейн оборачивается.)* Я должен сказать... Я давно думаю об этом... Эти постоянные смуты, войны... Быстротечное время... То, чем мы живем, чем дорожим, того завтра уже нет, покрылось прахом... Если что случится с Хранилищем мудрости...

Хусейн. Будем надеяться на милость аллаха!

Чагани. Ты не дослушал меня. Когда я увидел и убедился, что помнишь книги наизусть, я подумал: мой ученик, вот кто спасет великое хранилище книг, что бы с ним не случилось! Вот кто, если будет нужно, его воскресит!

Хусейн. Это невозможно, учитель!

Чагани. Почему?

Хусейн. Надо десять человеческих жизней, чтобы записать все!

Чагани. Зачем все?.. Разве нельзя записать из всех книг сразу все, что известно о каждой науке: в одну — о звездах, в другую — о тварях земных... Чего ты улыбаешься? Написал же ты для Абубекра Барки двадцать одну книгу, в которых изложил науки вкратце. А ведь можно и не вкратце? Ведь можно?

Хусейн. Наверное, можно... Но зачем думать о плохом?

Чагани. Ты забыл слова Абу-Тахира, а он своих слов не забывает. Теперь, когда хан Наср в Бухаре, он со своими мюридами постарается Хранилище сжечь!

Хусейн. Аллах еще не лишил его разума: не поднимется у него рука на такое злодеяние!

Чагани. А если поднимется?! *(Хусейн молчит.)* Ежели аллахом нам будет послано это испытание, поклянись воскресить и исцелить великое Хранилище книг! Поклянись посвятить книге исцеления всю свою жизнь! Это — мое тебе завещание!

Хусейн. Клянусь, учитель! Да хранит вас аллах!..

Опять обнимает старика, уходит. Внезапно появляется на пороге, указывает глазами на резную дверь, куда убежала Анахита.

Чагани. Не беспокойся, сынок. Я ее спрячу, ей помогу! Уходи! И да будет с тобой милость аллаха!

Хусейн исчезает за дверью.

СЦЕНА 7

И опять дворик дома Хусейна. Утро.

Ситора. Что делать... Спрятать коврики? Или забрать их и уехать в наш кишлак, в Афшану, к моему брату? Почему не отвечаешь, Хусейн? Ты не слышишь меня?

Хусейн *(думая о своем)*. Да, конечно... в Афшану, к дяде... Мама! Я пойду к Чагани, она должна прийти туда!

Накидывает на плечи халат, висевший на айване, надевает чалму. Вбегает Шамс.

Шамс. Хусейн! Что делается, что делается!.. На базаре громят лавки, поджигают дома... Тебе, Хусейн, из Бухары надо бежать!

Хусейн. Зачем мне бежать? Ценного имущества, на которое солдаты могут позариться, у нас нет.

Шамс. У тебя книги. Это хуже, гораздо хуже! По приказу хана Насра еще ночью начали хватать еретиков — ты слышал? Но ты наверное не знаешь, что ханские солдаты ворвались в дом Убайда, обнаружили книги и сожгли! Говорят, там была и твоя книга... Есть у тебя книга про музыку?

Хусейн. Только что написанная...

Шамс. Так вот, ее тоже сожгли... Беги, Хусейн, пока не поздно! А я... Меня мать ждет — не дождется... Будь счастлив, Хусейн! *(Убегает.)*

Вдали показались клубы дыма, далекое зарево.

Ситора. Пожар! И, кажется, в цитадели...

Хусейн *(смотрит)*. О аллах всемогущий, неужели? Не книгохранилище ли?.. *(Бросается к воротам.)*

Ситора. Подожди, Хусейн, там сейчас всюду ханские солдаты...

Хусейн не оглядывается, убегает. Ситора подскочила к воротам, кричит: «Хусейн!..» Потом медленно прикрывает ворота, идет к дому. Не успела войти в дом, как ворота распахнулись вновь, влетает Хуррам.

Хуррам (в крайнем волнении). Хусейн, «Хранилище мудрости» горит!.. (К Ситоре.) Где Хусейн?

Ситора. Он уже там.

Хуррам. Подождли!.. Какие-то проклятые негодяи подожгли!..

Ситора. А где Чагани?

Хуррам. Он... (Заплакал.) Сгорел. Пытались его спасти. Он кричал: «Не хочу жить, если сгорят книги!..» Сгорел вместе с ними... (Шагнул к воротам.) Расскажите все Хусейну. А я... С утра не был дома — пойду... Может, ограбили уже...

Ситора (идя за ним). А с падишахом что, не знаете?

Хуррам. Падишах? Разве не слыхали? Большое несчастье постигло его и его родичей. Попали в плен.

Ситора (ужаснулась). В плен?

Хуррам. Только молодая царевна Анахита, сестра падишаха, говорят, сумела скрыться. Сам хан, говорят, зарится на нее, по его приказу ее всюду разыскивают...

Ситора руками ухватила за воротник своего платья, как делается на Востоке при страшном известии.

Хуррам. Ну, я домой... (Бегом скрывается за воротами.)

Ситора от волнения не может найти себе места — хватает на айване столик, чтоб унести, но, не донеся до двери, ставит его, бежит к воротам и выглядывает; отбежав на середину дворика, задирает голову на гаснущее зарево пожара; потом скрывается в доме, тотчас же выскакивает, опять бежит к воротам; только отошла от них, как в воротах появляется и робко входит во дворик фигура, укутанная с головы до ног в старушечью, ветхую, с заплатами, паранджу, лицо ее закрыто волосяной сеткой — чашваном.

Ситора. Вам табиба?

Рукой женщина отодвигает чашван. Ситора видит — это царевна Анахита.

Анахита. Здравствуйте, бану. Хусейн дома?

Ситора. Шахзада-ханум, дорогая... (Поклонилась ей, затем обняла ее и заплакала.) Какое горе! Для всего

народа горе! Пожалуйста, проходите... Хусейн скоро вернется...

Анахита (останавливается). Его нет?.. Тогда я пойду... (Поворачивается назад к воротам.)

Ситора (устремляясь за ней). Куда вы, шахзадаханум? Я все про вас знаю... Знаю, что вас ищут... И никуда вас не отпущу!

Анахита. Лучше я подожду там... (Продолжает идти к воротам.)

Ситора. Нет, Нет! Хусейн никогда мне этого не простит! Я вас спрячу...

Анахита. Если меня здесь найдут — ваш дом сожгут. И могут... (Голос ее задрожал.) Они все могут сделать!

Ситора. Ничего!.. Ничего не сделают... Сейчас запру ворота...

Бросается к воротам. Но в них появляется Абу-Тахир с двумя мюридами.

Абу-Тахир. От кого это вы собираетесь запереть ворота, уважаемая бану?

Ситора молчит, растерянная.

Анахита одним махом опустила чашван на лицо, богослов не обратил на «старуху» внимания; входит во дворик, сопровождаемый мюридами.

Абу-Тахир. Мы пришли к Хусейну.

Ситора. Его нет. (Разводит руками.) Уехал...

Абу-Тахир (насмешливо). Значит, уехал? (Тычет посохом в дом, и по этому знаку Косоглазый и Плосконосый мюриды устремились к айвану, скрылись в доме).

Ситора. Да, уехал. Его пригласил ко дворцу Хорезмшах. Ночью прискакал гонец от него и Хусейна увез... Пока уехал на месяц...

Абу-Тахир (все так же насмешливо). Значит, уехал ночью? А кто, по-вашему, поджег «Хранилище мудрости?»

Ситора. Как кто?

Абу-Тахир. Вы воспитали дурного сына, бану! Нечестивец он и еретик! Он совершил великий грех: поджег державное Хранилище книг.

С и т о р а. Что?! В своем ли вы уме, хазрат?! Какой шайтан вам нашептал?..

А б у - Т а х и р. Он поджег — я знаю. И многие уже знают. А завтра, попомните меня, будет знать вся Бухара! Поджег, чтобы никто, кроме него, не мог изучить науки, которые он сам изучил...

С и т о р а (с негодованием). Вы спутали моего Хусейна с кем-нибудь... Да и как он мог поджечь, если уехал ночью?!

А б у - Т а х и р (наставительно). Значит, сначала поджег, а потом уехал.

Из дома выбегают ученики Абу-Тахира.

К о с о г л а з ы й м ю р и д. Мы перерыли весь дом, хазрат... Его нет...

А б у - Т а х и р. Ладно, идемте! Вылетела из лука стрела, и теперь уже ничего не сделаешь... (*Шагнул к воротам, повернулся к Ситоре.*) Сказано в коране: «Скрываются от людей, но не скрываются от аллаха».

Уходит с учениками. Ситора закрывает за ними ворота и без сил опускается на землю. К ней подбегает Анахита, хочет помочь.

С и т о р а. Ничего, ничего... (*Тяжело поднимается, идет, поддерживаемая царевной, к дому.*) Только бы он не попался им по дороге...

А н а х и т а. Аллах милостив...

С и т о р а (*на айване пошатнулась, схватилась рукой за грудь, садится на край ката*). Ничего, сейчас будет лучше... Мой сын сделал мне лекарство...

Достает завязанный в кончик платка какой-то шарик.
Анахита убегает в дом, выносит чашку с водой.

А н а х и т а. У дверей кувшин... Там ведь вода?

С и т о р а (*одними губами*). Спасибо...

А н а х и т а. Вы настоящая мать!

С и т о р а (*опомнившись*). Ой, что же это я? Для меня вы пошли за водой! Совсем позабыла... Свое горе перебежало дорогу вашему горю... Поверьте мне, шахзадаханум, не поджигал он Хранилища!

Анахита. Да я знаю! Наверное, этот старикашка и его ученики с пакостными лицами и подожгли.

Ситора. Какое горе для Хусейна! Сгорел его учитель!..

Анахита вдруг села на кат и заплакала.

Ситора. Что вы, шахзада-ханум? Вам плохо?

Анахита (глотя слезы). Чагани — не только его учитель, но и мой...

Ситора (обнимая царевну). Сейчас я вас спрячу так, что никто...

Анахита. Не надо... Старое покрывало моей кормилицы... самое лучшее укрытие...

Кто-то рванул ворота.

Ситора (царевне). Хусейн...

Голос Хусейна. Мама!

Ситора. Иду! Иду!

Где только взялись силы — Ситора побежала к воротам, выпустила сына. Анахита прикрыла чашваном залитое слезами лицо.

Вошел мрачный Хусейн.

Ситора (кивая на ворота). Тебя никто не видел? Хусейн. Что случилось?

Ситора. Сегодня ночью приехал гонец хорезмшаха, и ты сразу уехал... Ничего, что я так сказала?

Хусейн. Кому?

Ситора. Они хотят обвинить тебя, что ты поджег «Хранилище мудрости». Тебе надо бежать!..

Хусейн. Ах, ничего мне теперь не надо!.. (Покосился на «старуху».) Ко мне?

Ситора. К тебе! К тебе! (Подбегает к царевне, отодвигает рукой чашван с ее заплаканного лица.)

Хусейн. Анахита! (Подбегает к ней.) Как хорошо, что вы пришли!

Анахита (едва слышно.) Я убежала ночью...

Хусейн. Почему же сразу к нам не пришли?!

Анахита. Страшно... Темно... Всюду солдаты... Нигде не пройдешь... Пришлось спрятаться среди могил...

Хусейн. На кладбище?!

Анахита (кивнула, продолжает). Мне помог бежать из дворца Чагани... А его... А он... (Вновь зарыдала.)

Хусейн. Знаю. Все знаю... (*Взял ее руки в свои.*)

Ситора поглядела на них и, сторбившись, ушла в дом.

Хусейн (*тихо*). Как шутит жизнь!..

Анахита. Без жалости!

Хусейн. Вчера он говорил: «Ты обречен всю жизнь скитаться один...» А сегодня мы вместе, а его нет...

Анахита. Да, еще вчера он говорил: «Дети мои»... (*Захлебнулась слезами.*)

Хусейн. Да... «Дети мои»... (*И умолк.*)

Молчат. Анахита вздрагивает от беззвучных рыданий. Перед ее памятью, словно издалека, возникает тихий голос Чагани. Магнитофонная запись.

Голос Чагани. Дети мои, горько мне говорить вам, но вашей мечте не дадут расцвести. Мне не меньше, чем вам самим, хотелось бы увидеть вас...

Хусейн (*встрепенувшись*). Вам надо бежать, Анахита! Нельзя терять ни минуты!

Анахита. Нет, это вам надо бежать, Хусейн!

Хусейн. Значит, бежим?

Анахита. Куда?

Хусейн. Мама кому-то сказала «в Хорезм» — может быть, в Хорезм?

Анахита. Да-да! Хорезмшах, наверно, не откажет мне в приюте. Он был дружен с моим отцом и братом.

Ситора (*предупредив покашливанием, выходит*). Хусейн! Я решила. Тебе и ей надо бежать.

Хусейн и Анахита переглядываются.

Ситора. А я уеду в Афшану к брату. Нам нельзя терять времени!

Звуки труб.

Хусейн. Глашатай!

Трубы умолкли, возник голос глашатая, хотя и не близкий, но слова отчетливо слышны.

Голос Глашатая. Великий Хан Наср Илек, да будет над ним благодать и милость аллаха, повелевает: если царица Анахита не вернется во дворец до полуден-

ного азана, то государь Абуль Малик и его брат Абу Ибрахим Исмаил будут казнены... Повторяю: если царевна Анахита не вернется до полуденного азана, ее братья будут казнены!..

Глашатай умолк. Анахита выпрямляется, смотрит на Хусейна.

Анахита. Я должна идти.

Хусейн. Но... *(Под ее взглядом недоговаривает и опускает голову.)*

Анахита. Должна спасти братьев.

Хусейн *(еле слышно)*. Понимаю.

Анахита. А вам надо бежать.

Хусейн *(в отчаянии)*. Зачем?! *(Поднимает глаза на нее.)* Без вас я не смогу.

Анахита *(величественно)*. Вы должны спасти «Хранилище мудрости», должны его исцелить. Оно все у вас в голове. Это не я вам говорю, это говорит вам учитель. Там, в Хорезме, вы сможете это сделать!

Вдали вновь зазвучали трубы глашатаев и их голоса, но слов уже не разобрать.

Анахита *(взглянув на солнце)*. Мне надо успеть дойти до дворца раньше, чем закричит муэдзин. Прощайте, Хусейн!

Протягивает ему обе руки, он держит их, не выпускает.

Хусейн *(одними губами)*. Прощайте...

Анахита освобождает руки, быстрыми шагами идет к воротам, возле них останавливается, оборачивается. Хусейн подбегает к ней.

Анахита *(тихо)*. Я люблю вас. И буду любить всю жизнь, что бы мне ни послала судьба! *(Опускает на лицо покрывало и уходит.)*

Хусейн *(оставшись один, тихо)*. Я буду верен вам всю жизнь, Анахита...

Ситора *(подойдя сзади к сыну)*. Как она прекрасна!..

Она говорит что-то еще — по жестам догадываемся, торопит сына, пора и ему уходить. Но ее голоса мы вместе с Хусейном не слышим, вместе с ним мы слышим другое.

Г о л о с А н а х и т ы . Я люблю вас...
Г о л о с Ч а г а н и . Ты обречен всю жизнь скитаться...
Один... Один...

И опять голос Анахиты: Я люблю вас.

З а н а в е с

Из-за занавеса выходит О м а р Х а й я м .

О м а р Х а й я м .

Вовлечь бы в тайный заговор Любовь!
Обнять весь мир, поднять к тебе, Любовь,
Чтоб, с высоты упавши, мир разбился,
Чтоб из обломков лучшим встал он вновь!

К о н е ц

УЧЕНЫЙ АДХАМ

*Драма в трех действиях,
девяти картинах*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

У ворот дома верховного судьи. Старый карагач, под ним суфа. Рах им подметает. Появляется Абдусалям.

Абдусалям. Рахимджан!

Рах им. А, саям алейкум, ака Мирзо. Только что я подумал о вас, а вы тут как тут.

Абдусалям. Что, соскучился?

Рах им. Конечно. Две недели не видел вас. Уезжали куда?

Абдусалям. В Самарканд.

Рах им. С благополучным возвращением! По делу ездили?

Абдусалям. И по делу и просто прогуляться. В нашем благословенном городе с тоски помереть можно. Ну, что нового в Бухаре?

Рах им. А что здесь может быть нового... Впрочем, одна новость есть. Я, кажется, начинаю осваивать русский язык. Все ваши задания выполнил. *(Посмотрев по сторонам, вынимает из-за пазухи свернутые листы бумаги и протягивает их Абдусаляму.)* Вот, проверьте, если хотите...

Абдусалям. Хорошо, хорошо, потом. И когда ты только успеваешь учиться? Хозяин тебя, как вижу, без работы не оставляет. Вечно ты то с ведром, то с топором, то с метлой...

Рах им. А я ночью читаю, а днем на работе повторяю.

Абдусалям. Да, тяжелая у тебя жизнь.

Рах им. Э, ака Мирзо, это еще ничего. А вот один мой земляк в хлеву живет, со скотом вместе. Он «Толкование муллы» при свете луны читает. Недаром в медресе у нас говорят: без лишений, без страданий муллой не станешь.

Абдусалам. Учителя в медресе тебя хвалят. Говорят, что ты самый понятливый.

Рахим. А мой хозяин, досточтимый верховный судья, совсем иного мнения обо мне. Только и слышишь: никудышный, деревенщина, упрямый баран, лодырь, бестолочь... И еще похлеще.

Абдусалам. Плюнь ты на эти слова. Считаю, что почтенный судья, блюститель шариата, наделил тебя кое-какими из своих качеств, и ты будь благодарен ему за это.

Рахим. Ну что ж, если посмотреть под таким углом... Тогда от избытка благодарных чувств я буду помалкивать, как и подобает перед их высоким саном. Ака Мирзо, а я ведь вас искал. Есть очень серьезная к тому причина...

Абдусалам. Какая?

Рахим. Домулло Кияметдин подстрекает против вас людей...

Абдусалам. Читаю русские книги, ношу рубашку с воротничком... Я знаю, Рахим.

Рахим. Нет, это уже старо.

Абдусалам. Да? А что же нового?

Рахим. Он утверждает, что вы учите русскому языку свою жену.

Абдусалам. Это правда, и мне нечего скрывать.

Рахим. Будьте осторожны, ака Мирзо. Домулло Кияметдин страшный человек. Он настраивает против вас очень многих.

Абдусалам. Я все понимаю, Рахим, но, как говорится, боишься воробьев, не сей просо. Надо брать пример с алломы Адхама. Как только ни клеветают на него невежественные муллы, а он их не боится...

Из дома выходит верховный судья, за ним — слуга и помощник со свернутым под мышкой ковриком.

Верховный судья. Эти судебные разбирательства мне надоели. Каждый божий день приходят ко мне по пятнадцать-двадцать оборванцев с тяжбами и мучают меня. Сегодня никого принимать не буду, иду преподавать.

Абдусалам. Ассалям алейкум, блюститель шариата.

Верховный судья. Ваалейкум-ассалом. Ты кто?

Абдусалям. Я — Абдусалям, почтенный.

Верховный судья. А-а, Мирзо — знаток русского языка?

Абдусалям. Да, почтенный, он самый.

Верховный судья. Ну, и у кого же ты научился русскому языку?

Абдусалям. У самих русских, в Оренбурге.

Верховный судья. А-а, в Оренбурге... Говорят, что ты и писать на их языке умеешь?

Абдусалям. Слава аллаху, и этому научился.

Верховный судья. Благодарись аллаха за то, что знаешь язык и письмо неверных?!

Абдусалям. Я только научился языку и письму русских, а не принял их веру, почтенный.

Верховный судья. Язык и письмо неверных неразделимы с их религией, поэтому мусульманину...

Абдусалям. Язык и письмо русских древнее, чем их религия.

Верховный судья. А ты, похоже, стал много знать. Сразу видно, что ученик алломы Адхама.

Абдусалям. Извините, господин, мою непочтительность, но разрешите спросить.

Верховный судья. Ну?

Абдусалям. Вы признаете, что аллома Адхам обладает большими знаниями?

Верховный судья. Аллома Адхам — ученик шайтана и колдун. С помощью колдовства он заранее предсказал затмение луны.

Абдусалям. Аллома Адхам доказал, что о затмении луны можно узнать при помощи науки астрономии. Ну ладно, оставим эту тему. Так что вы все-таки скажете о знаниях этого человека, блюститель шариата?

Верховный судья. Не буду отрицать, в Бухаре нет другого такого ученого, который достиг бы столь высокой степени образованности.

Абдусалям. Так вот этот ученнейший из ученых говорит, что всем туркестанцам, бухарцам необходимо знать русский язык, и не только говорить на нем, но и писать. Как сказал великий Фирдоуси, «Ищи путь к пониманию речей знающих людей». Я вот и ищу путь к пониманию речей алломы Адхама...

Верховный судья. Ну, хватит, совсем заморочил мне голову.

Абдусалам. Есть, почтеннейший, и такая пословица, не лишенная мудрости: «Дыня от дыни заимствует цвет, сосед от соседа берет пример». А кто наш сосед? Россия. У русских развиты науки. А ведь без них нам просто нельзя.

Рахим. Благослови ваши слова, ака Мирзо, лучше не скажешь!

Слуга. Пошел прочь, проклятый!

Рахим убегает и скрывается за воротами.

Верховный судья (Абдусаламу). А ты знаешь по-арабски? Ну-ка, скажи.

Абдусалам. В той степени, в какой учат в медресе?

Верховный судья. Я тебя спрашиваю, знаешь или нет?

Абдусалам. Если быть точным, то не знаю, почтеннейший.

Верховный судья. Мусульманин и не знаешь языка своего пророка! А между тем изучил русский язык и еще гордишься этим!

Абдусалам. В медресе я десять лет зубрил арабский, а вчера повстречался с путешественником арабом и не мог с ним вымолвить ни слова. По словам устода Адхама...

Верховный судья. Опять этот ученый Адхам!

Абдусалам. Так вот, как говорит аллома Адхам, мы изучаем язык в медресе многие годы, тогда как в русских университетах...

Верховный судья. Снова русские! Вас, последователей неверных, надо вешать, клянусь аллахом! Подождите, придет день расплаты!

Появляется Кияметдин с муллами и учениками медресе. Муллы и ученики падают к ногам верховного судьи с воплями: «О, ислам! О, шариат!» «Избавьте нас от нечестивых, досточтимый!»

«Спасите от ереси наше медресе, прибежище шариата!»

Верховный судья. В чем дело, Кияметдин?

Кияметдин. Лучше мне ослепнуть, чем видеть эту мерзость!

Помощник судьи расстилает коврик на суфе. Верховный судья садится.

Верховный судья. Рассказывайте, что произошло?

Кияметдин. В городе, не знаю из какой преисподней, появились русские, муж и жена. Оказалось, это друзья ученого Адхама. Он вышел из медресе им навстречу, взял руку русской женщины и поцеловал!

Верховный судья. Как?! Поцеловал?! Руку нечестивой женщины?!

Кияметдин. Да, почтеннейший! Аллома, в чалме, со своей благородной бородой, на глазах у всех нас склонился и... поцеловал руку нечестивой!..

Слуга и помощник верховного судьи воздевают руки, падают на колени и начинают шептать молитвы.

Верховный судья. И что же было потом? Где они сейчас?

Первый мулла. В медресе. Ученый Адхам показывает им наше медресе!..

Второй мулла. Что же это такое, блюститель шариата? С начала ислама и до сего дня нечистая нога женщины, да еще нечестивицы, не ступала ни в мечеть, ни в медресе!

Первый мулла. Какое святотатство! Может ли наша вера и шариат допустить такое?!

Муллы и ученики медресе. О, ислам! О, шариат!

Кияметдин. Неверный в нечистых ботинках, которые, возможно, сделаны из свиной кожи, спокойно расхаживает по мечети и медресе! Как мы можем терпеть такое?!

Первый ученик медресе. Ученого Адхама надо немедленно посадить в тюрьму, блюститель шариата!

Второй ученик медресе. Велите наказать его!

Верховный судья. Этот ученый Адхам послан нам как наказание за наши грехи. Это гнев аллаха направлен на нас в его облике. Мы легко бы справились с ним, если проклятый не был знаком со знатными русскими. Съездив в их столицу, он прославился как сведущий в разных науках. Его знают ученые люди Петербурга. Он беседовал с самим императором...

Первый ученик медресе. А вот он сам идет, со своими русскими.

Первый мулла. Похоже, он ведет русских к себе

в дом. Мужчина — это известный знаток Востока Пашков, а женщина — его жена, художница.

Появляются ученый Адхам и Пашковы. За ними — Негмат, воспитанник жены ученого Адхама.

Верховный судья (*встает, идет им навстречу*). Добро пожаловать!

Ученый Адхам (*Пашкову*). Это господин верховный судья, главный законник страны, блюститель шариата, он же первый враг науки и просвещения... ах, простите, я хотел сказать, ереси и богохульства. А это господин Кияметдин — известный богослов, примерный мусульманин. Он учит своих учеников в медресе девятнадцать лет, после чего они выходят оттуда невежественными муллами, о, проклятый мой язык, я хотел сказать, образованными.

Пашков. Я и моя супруга приехали к вам, чтобы повидать нашего дорогого друга, большого ученого, почтенного господина Адхама, а также осмотреть древний город. Очень польщены знакомством с вами, господин верховный судья, и со всеми здесь присутствующими.

Второй мулла (*тихо первому мулле*). Русский, а как хорошо знает наш язык.

Первый мулла. Он знает еще турецкий и арабский, и не хуже.

Первый ученик медресе (*второму ученику*). Мы смотрим на лицо его жены, не грех ли это?

Второй ученик. Не грех, когда сам блюститель шариата пожирает ее глазами!

Ученый Адхам (*Пашкову*). Позвольте представить вам еще одного из самых образованных людей нашего города Мирзо Абдусалама.

Абдусалам (*кланяется Пашкову*). Я имею честь быть учеником устода Адхама.

Ученый Адхам. Мирзо хорошо знает ваш язык, вы можете говорить с ним по-русски.

Пашков (*жене*). Он знает русский язык!

Пашкова. Вы говорите по-русски?

Абдусалам. Немного.

Пашкова. Наконец-то хоть с одним бухарцем я буду разговаривать без переводчика.

Пашков. То есть без меня.

Пашковы отходят в сторону и разговаривают с Абдусалямом.

Верховный судья. Вы познакомились с ними, вероятно, в России, махдум?

Ученый Адхам. Да, в Петербурге. Среди благ, вывезенных мной из России, были и знакомства с несколькими учеными той страны, почтеннейший. Благодаря общению с ними и всему увиденному в этом путешествии я узнал, что за пределами нашей страны есть мир, где живут люди, которые знают куда больше нас и видят намного дальше нас.

Верховный судья. Уважаемый махдум, здесь не место для подобных речей, для прославления России. Проводите своих гостей, и тогда мы с вами поговорим. У нас есть предмет для разговора, и очень серьезный!..

Ученый Адхам (Пашковым). Простите, вас проводит в мой дом Негмат, а я приду несколько позже. Негматджан, проводи гостей ко мне, прямо в верхнюю комнату.

Негмат. Хорошо. (Пашковым.) Прошу вас, пойдете. (Уходят.)

По знаку верховного судьи муллы и ученики медресе уходят, кроме Кияметдина. Абдусалым стоит в стороне. Рахим, скрываясь за воротами, слушает.

Ученый Адхам. Прошу вас, блюститель шариата. (Указывая на Кияметдина.) Вот вам истец и вот ответчик. (Указывает на себя.) Можете начинать разбирательство. Чтобы выяснить истину, вам не придется много трудиться, почтеннейший, так как ответчик признает свою «вину». Я действительно поцеловал руку женщины-нечестивицы. Можете вынести сразу приговор.

Верховный судья. Извольте шутить, махдум?

Ученый Адхам. Шутовство здесь началось еще до меня, господин.

Верховный судья. Если вы правоверный мусульманин, почему тогда поцеловали руку неверной?

Ученый Адхам. По их обычаю мужчина так выражает свое уважение к женщине. Если, предположим, на ее месте была бы жена кого-либо из вас, то я мое уважение к ней выказал бы, конечно, по-иному.

Рахим за воротами смеется.

Верховный судья. Рука женщины была обнажена или же закрыта рукавом?

Ученый Адхам. Как вы могли видеть, рукава у нее короткие.

Верховный судья. Ваши губы коснулись ее кожи?

Ученый Адхам. Да, почтеннейший, я прижался к руке губами.

Верховный судья. Если целовать было необходимо, надо было бы закрыть руку платком и поцеловать через платок. Тем, что вы целовали руку неверной, а потом звали ее в мечеть и в медресе, вы нашу веру и шариат...

Ученый Адхам. Унизил?

Верховный судья. Да, унизили, оскорбили! Я не удивлюсь, если из-за этой мерзости на нас обрушится несчастье! Мир охватит смута, народ погибнет, наша благословенная Бухара будет растоптана!..

Ученый Адхам. Ах, да как же это я сам не смог догадаться! Оказывается, для гибели Бухары достаточно было поцелуя руки женщины иной веры! Просто чудеса творятся! А я-то, невежда, думал, что несчастье народа происходит от существования святош, мракобесов, торговцев верой и шарлатанов.

Верховный судья. Богохульство! Ересь! Покайтесь, махдум!

Абдусалам. Устод — прославленный ученый нашего времени, почтеннейший. Если он неверный, тогда во всей Бухаре нет ни одного мусульманина!

Ученый Адхам. Кроме господина блюстителя шариата, а его одного достаточно для всей страны.

Верховный судья (гневно). Идите, вы свободны. Мы с вами поговорим в другом месте, по-другому поговорим!

Ученый Адхам (насмешливо). Слушаюсь и повинуюсь.

Уходит вместе с Абдусаламом.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Рабочий кабинет ученого Адхама. Глобус на треножнике, на стене карта звездного неба, таблицы, астрономические приборы, полки с книгами. В глубине комнаты большой низкий стол, на нем письменные принадлежности, бумага, книги, готовальня, циркуль и т. п. За столом на бархатных одеялах, лежащих на ковре, сидят Пашков и Абдусалам.

Абдусалам. Лягушка думает, что ее болото и есть весь мир. Пока я не прочел книгу ученого Адхама, я тоже, извините, был такой лягушкой. Эта книга перевернула все мои мысли и представления. Я понял, до какой степени убога и истерзана наша родина, какой несчастный, нищий и угнетенный у нас народ. Ученый Адхам сорвал личину с эмира, визирей, раисов и судей, муфтиев и богословов, и все они предстали перед моими глазами как стая волков и шакалов. А Россия! Какой мы, бухарцы, представляли ее! Страной заблудших, темных людей, исчадием ада. Ученый Адхам показал нам Россию, и мы увидели, что там живут люди просвещенные, искусные в делах, мастера строить дома, мосты, корабли... В Ташкенте один бухарский купец взял меня к себе писцом, и я поехал с ним в Оренбург. Там у него был дом и торговая контора... *(Негмат приносит чай.)* Прошу, зеленый чай.

Пашков. Кук чой?

Абдусалам. Да, по-узбекски кук чой.

Пашков. По-таджикски чои кабуд? Но почему кабуд, ведь узбекское кук по-таджикски сабз.

Абдусалам. Кабуд означает не только синий, но и зеленый. По-нашему зеленая трава зовется кабуди. Но вы, может быть, не пьете зеленый чай? Хотите черный?

Пашков. Нет, нет, я люблю зеленый чай, привык к нему в Ташкенте. В вашем жарком климате это поистине лучший освежающий напиток. Итак, вы поехали в Оренбург, что было потом?

Абдусалам. Вам не скучен мой длинный рассказ?

Пашков. Нет, нет, напротив, очень интересно. Я полагал, что господин Адхам одинок на своей родине, как дерево, выросшее в пустыне, что это феномен, редкое явление, а теперь вижу, что он не так уж одинок: у него есть ученики и последователи.

Абдусалам. Есть, конечно. Правда, мало, можно на пальцах сосчитать. Так вот, в Оренбурге служба у купца

не отнимала у меня много времени. Я жил беспечно и весело, узнал дорогу в пивные и в игорные дома. Однажды, по пути в Петербург, в Оренбурге остановилось посольство Эмира, и среди них был ученый Адхам. Я удостоился встречи с ним. Личное знакомство с этим удивительным человеком внесло в мою жизнь большие перемены. Узнав о моем образе жизни, устод отругал меня хорошенько и потребовал, чтобы я изменил поведение и начал изучать русский язык. Никогда не забуду его слова: он сказал, что судьба связала нас с Россией, и если мы хотим идти по пути процветания и совершенствования, то нам необходимо учиться у этого народа.

Пашков. Прекрасно, очень мудрые слова. (*Задумчиво.*) Да, если бы порядки в нашей России... были такими, каких мы хотим, тогда и польза от нее другим странам была бы неизмеримо больше... И она, наша Россия, станет иной, непременно станет!

Абдусалям. Что значит иной, устод?

Пашков. О, это уже другая тема. Об этом мы поговорим в другой раз.

Абдусалям. Ученый Адхам познакомил меня в Оренбурге со своим приятелем аптекарем, тот и стал моим учителем русского языка.

Пашков. Жаль, что сам господин Адхам не имел возможности выучить русский язык.

Абдусалям. Устод рассказывал, как однажды в Петербурге он был во дворце и разговаривал с императором. Через переводчика император сказал ему: «Нам очень хвалили вас за ученость. Вы не раз были в нашем государстве, жили здесь, почему же не выучили наш язык?» Устод так ответил: «Слуги вашего величества день и ночь возили нас повсюду, показывали достопримечательности вашего удивительного города. Я не мог отказаться от лицезрения их, и у меня не оставалось времени заняться изучением русского языка».

Пашков. Да, господин Адхам рассказывал мне об этом.

Абдусалям. Устод просил меня перевести для него кое-что. Вот из этой книги, подаренной ему вами в Ташкенте, я переводил для устода некоторые статьи об Иране, о волжских татарах.

Пашков. И каково же мнение устода об этих статьях?

Абдусалям. Очень высокое. Он сказал: «Я с детства много общался с татарами и персами, но только сейчас понял, что, оказывается, очень мало знал их».

Входит ученый Адхам.

Ученый Адхам. Извините меня, я задержался на вечерней молитве в мечети. Вы не скучали?

Пашков. Нет, нет, господин Абдусалям вел со мной очень занимательную беседу.

Ученый Адхам. Госпожа, ваша супруга, на женской половине разговаривает с женщинами. Там тоже идет оживленная беседа. И знаете, у нее есть переводчица. Это Хабиба, жена Абдусаляма. (Абдусаляму.) Хабиба бойко говорит по-русски, умница. Я даже позавидовал. Когда вы успели так многому ее научить?

Абдусалям. У нее отличная память. Один раз услышит или прочитает и запоминает.

Ученый Адхам. Если б можно было открыть в нашем городе школу русского языка! Думаю, желающих было бы немало. По этому поводу я написал письмо эмиру. Прошел почти месяц, а ответа все нет.

Абдусалям (Пашкову). Вы представляете! Целый месяц глава ученых ждет ответа на простой вопрос. Ученый Адхам, которого повсюду знают как выдающегося астролога, математика, художника, поэта, врача...

Пашков. И критика, критика всего отжившего, вредного.

Ученый Адхам. Однако некоторым знаниям, которыми я овладел с большим трудом, нет спроса на моей бедной родине, господин Пашков.

Пашков. Какие, например, знания?

Ученый Адхам. Все, кроме умения писать красивым почерком и рисовать. Ну, может быть, еще сочинять. Цель моих сочинений — разъяснить моим любознательным соотечественникам некоторые истины, донести до них некоторые знания. Я пытаюсь делать все, чтобы они по неведению не принимали бусины на сброе осла за жемчужины и не считали бы его светлость верховного судью Платоном нашего времени.

Пашков. А врачевание? Разве такая наука не может здесь пригодиться?

Ученый Адхам. Я лечу только себя самого и членов своей семьи. Мне запрещено лечить. Невежественные

наши лекари посчитали, что я покушаюсь на их кусок хлеба, ославили меня самозванцем, чуть ли не колдуном, добились у верховного судьи запрета заниматься врачеванием.

Пашков. Как бы там ни было, эти знания с вами. И если сегодня ваши соотечественники пока еще не в состоянии оценить вас, то, несомненно, завтра они узнают вас лучше, а послезавтра — еще лучше. За вами будущее. *(Раскрывает книгу.)* Аллома Адхам, я получил огромное наслаждение, посмотрев ваши превосходные работы. Вы настоящий художник, каллиграф и живописец.

Ученый Адхам. Этим я только и существую. Особенно после того, как был изгнан из дворца эмира.

Пашков. И много у вас любителей красиво переписанных книг с иллюстрациями?

Ученый Адхам. Немало. Многие из них образованны и имеют хороший вкус. Не думайте, что в нашей темной Бухаре потушены все светильники. Благодарение аллаху, кое-где все еще горят светильники, которые освещают хотя бы свое подножие.

Пашков. А я никогда так не думал. Совершенно невозможно, чтобы свет, зажженный Рудаки, Авиценной, Бируни, Фараби, Улугбеком, погас совсем.

Ученый Адхам. Он не погас, конечно, но он как бы в пустыне, и ветры невежества, дикости его постоянно задувают.

Пашков. То, что существуете вы, аллома, есть доказательство того, что светильник не погас... Вы сказали, что эмир изгнал вас из дворца. И какая же была причина?

Ученый Адхам *(невесело усмехаясь)*. Причина простая — мои знания. «В науках и искусствах не смей быть выше властителя», — так говорил поэт.

Негмат приносит поднос со свежим тутом.

Прошу вас, господин Пашков, это из нашего сада.

Пашков. Очень вкусно. У вас так много сочных, сладких фруктов. И климат теплый, животворный...

Ученый Адхам. Да, природа щедро одарила нас. Я много раз предлагал покойному эмиру выписать из России специалистов, машины и построить в Бухаре фабрику, производящую сладости и напитки. Тогда владельцы садов, государственная казна имели бы новый

источник доходов, а бедняки получили бы работу, а следовательно, и средства к жизни. Эмир и его приближенные отвергли мое предложение, как пустое мечтание. Недавно я опять написал об этом новому эмиру. Прошу, кушайте. О тутовнике еще Авиценна писал, что он укрепляет сердечную мышцу, лечит пороки сердца. Моя дочь страдала такой болезнью, я кормил ее тутом два летних месяца, и ей стало лучше... Негматджан, а ты показал ханум свои рисунки?

Негмат (застенчиво). Да... показал.

Ученый Адхам. И что она сказала? (Негмат молчит.) Ну, так что же она сказала?

Абдусалям. Молчит. Видно, работа его не понравилась ханум.

Ученый Адхам. Думаю, наоборот. Если бы не понравилась, он бы сказал нам. (Негмату.) Возьми чайник, он остыл, завари свежий.

Негмат. Хорошо. (Уходит с чайником.)

Ученый Адхам. Я учу его рисовать. У него большие способности.

Пашков. Он ваш родственник?

Ученый Адхам. Да, сын сестры моей жены. Он сирота.

Входят Пашкова и Хабиба.

Хабиба (кланяется). Ассалям алейкум.

Пашкова. Здравствуйте.

Абдусалям. Здравствуйте, Евгения Павловна. (Пашкову.) Познакомьтесь, моя жена Хабиба.

Хабиба кланяется Пашкову.

Пашков. Такая красивая ханум, а не закрывает лицо от посторонних?

Хабиба (указывает на Абдусалю). А мне разрешено не закрывать от вас лицо, господин.

Пашков. О, вы очень любезны, благодарю вас.

Хабиба (указывая на ученого Адхама). Устод для меня как отец.

Пашкова. Это ваш рабочий кабинет?

Пашков. Ханум спрашивает...

Ученый Адхам. Я понял, ханум спросила, кабинет

ли это. Да, ханум, эта комната для работы и для приема гостей.

Пашков. Ты, жена, находишься в бухарской академии наук и искусств. Правда, в ней пока представлены не все науки, а только астрономия, география, архитектура, медицина, словесность, а из искусств — каллиграфия и живопись. (*Ученому Адхаму.*) Я говорю ханум, что она попала в академию, в такое место, где собраны науки и изящные искусства Бухары. И всеми науками и искусствами владеет один человек. (*Пашковой.*) И хозяин всему этому — наш друг. (*Указывает на ученого Адхама.*)

Ученый Адхам. Вы сильно преувеличиваете мои познания, дорогой друг! Вы так добры ко мне, что видите во мне даже то, чем я не владею. (*Пашкова с интересом осматривает кабинет.*) Этот глобус, эта карта неба, ханум, на Фитирбурх русски учони мне подарка дал. Русски учони мой друг есть. Я на звезда пасматрел, и карта неба я сам делал.

Абдусалам. Прекрасно, устод, вы отбиваете у меня хлеб. Искусно скрывали, что можете изъясняться по-русски.

Пашкова. И в самом деле, я нахожусь как будто в маленькой академии наук.

Ученый Адхам. Ханум, вы беседовали с Хабибой? Научилась она говорить по-русски?

Абдусалам. Он интересуется моей ученицей: говорит она по-русски?

Пашкова. О, да. Мы друг друга понимали. Мне было приятно познакомиться с вашей супругой и вдвойне приятно разговаривать с ней по-русски.

Абдусалам. Вы — первая русская женщина, с которой она познакомилась и разговаривала.

Пашков. А я, вероятно, первый русский мужчина — ее знакомый. Ханум, как дается вам русский язык?

Хабиба. Трудновато, но у меня хороший учитель. (*Указывает на Абдусалама.*)

Пашков. Я верю, что хороший. Вам повезло. Вы здесь, в Бухаре, первая ласточка — вестница весны. От всего сердца желаю вам успеха и счастья.

Абдусалам. Поняла, что сказал уважаемый ученый?

Хабиба. Что такое исчастье?

Абдусалям. Счастье — это то, по чему страстно тоскуют сердца наших женщин и девушек.

Х а б и б а (кланяется Пашкову). Спасибо.

Негмат приносит чай и сладости.

Ученый Адхам. Ханум, вы видели рисунки моего ученика? Понравились они вам?

Пашков тихо переводит Пашковой.

Пашкова. Да, он показал мне свои работы. А одну, вот эту (вынимает из сумки рисунок и показывает его), он подарил мне, и я не посмела отказать от подарка. (Пашкову.) Посмотри, как он изобразил слепого старика с посохом.

Пашков и другие рассматривают рисунок.

Ученый Адхам. Этот слепой старик живет в нашем квартале, он народный сказитель.

Пашков. Слепой идет ощупью, а перед ним — пропасть, он весь — осторожность. Подведет вдруг посох, один неверный шаг — и старик полетит в пропасть.

Абдусалям. Но он этого неверного шага не сделает и посох его не подведет, не так ли?

Пашкова. Верно вы заметили: старик шагает осторожно, но уверенно, он видит дорогу внутренним взором. У мальчика несомненный талант. Если бы поучиться ему в какой-нибудь европейской школе живописи. Я уверена, из него вышел бы настоящий художник.

Пашков. Рисунок очень понравился ханум.

Ученый Адхам. Да, это один из лучших его рисунков.

Пашков. Ханум говорит, что мальчик талантлив. Дать бы ему возможность поучиться в европейской школе живописи. Ханум говорит, он станет большим художником.

Ученый Адхам. Я тоже надеюсь, что он станет живописцем, равным Мони и Бехзаду, но у нас в Бухаре даже понятия не имеют о том, что бывают школы живописи. В Петербурге, конечно, есть такие?

Пашков. Есть Академия художеств, ханум преподает там.

Ученый Адхам. Ах, так?.. А можно было бы Негмату там учиться?

Пашков (тихо переговорил с Пашковой, затем учено-
му Адхаму). Ханум говорит, что она думает об этом.
Негмат (входит, ученому Адхаму). Пришел человек
из дворца, спрашивает вас.

Не дожидаясь разрешения, быстро входит дворцовый слуга. Хаби-
ба закрывает лицо платком.

Дворцовый слуга. Ассалам алейкум. Вас вызы-
вают во дворец, торопитесь. У меня коляска.

Ученый Адхам. Кто вызывает?

Дворцовый слуга. Его величество. Поспешите,
коляска ждет. (Выходит.)

Ученый Адхам. Может быть, эмир прочел, на-
онец, мое письмо. Но скорей всего причина приглаше-
ния — почтенный верховный судья. Извините меня. (Аб-
дусаламу.) Мирзо, будьте здесь за хозяина.

Негмат подает ему чалму и халат.

Еще раз извините. (Уходит.)

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Комната во дворце эмира в Бухаре. Входят эмир и Кушбеги,
за ними верховный судья и Кияметдин. Разговаривая, эмир
и Кушбеги усаживаются. Верховный судья и Кияметдин остаются стоять.

Эмир. Вы пришли со странной просьбой, блюститель
шариата. Разве мало у нас своих дел, чтобы мы еще
занимались выяснением того, почему аллома поцеловал
руку русской женщине? Вы — верховный судья, у вас
в руках власть, вот и поступайте так, как предписы-
вает шариат в таких случаях!

Верховный судья. Дело не только в целовании
руки, мой эмир. Ученый Адхам — колдун, друг неверных,
он не скрывает своей приверженности ко всему русскому.

Кияметдин. Не проходит дня, чтобы от него не
исходило какое-нибудь кощунство, ваше величество. А эта
ересь так влияет на других...

Верховный судья. Если я накажу его в соответ-
ствии с шариатом, то представитель России сразу же
напишет об этом в Петербург. Несомненно, на помощь
к нему придет и господин Пашков, его знакомый востоко-
вед. Он разнесет в Петербурге и в Москве слух о том,
что невежественный верховный судья Бухары наказал

ученого Адхама за то, что он водил дружбу с русскими! Меня заботит, как бы не возвели вину за это на ваше величество. Правители России — царь и его вельможи внешне поддерживают с нами дружбу, но в действительности они — наши враги. Стало быть, они могут подозревать нас в том, что мы преследуем сторонников России.

Эмир. Раз уж вы оказались в состоянии это понять, блюститель шариата, то зачем же тогда взваливаете на нас это разбирательство?

Кушбег и. Если, предположим, вы не в силах справиться с самим алломой Адхамом, то с его-то сторонниками и учениками вы ведь можете справиться. Они все в вашей власти. Не можете срубить дерево, отрубите ему ветки, тогда и ствол потихоньку сам засохнет.

Кияметдин. Очень умная мысль, почтенный Кушбег и. (Верховному судье.) Надо оголить* дерево, господин!

Верховный судья. Хорошо было бы самого аллому удалить из столицы под каким-нибудь предлогом.

Эмир. Это тоже в ваших руках. Назначьте его судьей в каком-нибудь отдаленном месте. Таким образом он станет вашим подчиненным, и вы будете держать его в узде.

Верховный судья. Повинуюсь, но согласится ли он?

Эмир. Подготовьте прошение, мы приложим печать, тогда он не посмеет отказаться.

Верховный судья. Повинуюсь.

Эмир. Куда его можно послать? Где есть незанятое место судьи?

Верховный судья. Можно отправить его в Нарпай. Судья Нарпая смертельно болен.

Эмир. Хорошо, освободите его от должности и на его место назначьте аллому Адхама.

Верховный судья. Повинуюсь.

Эмир. Пусть будет подальше от столицы!.. Ну, что у вас еще?

Верховный судья. Я пришел только с этим, мой эмир.

Эмир. Хорошо, вы оба свободны.

Кияметдин (уходя вместе с верховным судьей, говорит ему). Оголить дерево, почтенный, срочно оголить дерево. (Уходят.)

Эмир. Одно беспокойство от этого алломы. (Выни-

мает из ящичка письма.) Вот его письма. Нам необходимо, видите ли, пригласить из России разных специалистов, учителей... И без этого полно всяких русских представительств, а их глава, губернатор Туркестана, замучил нас все новыми и новыми предложениями. Уничтожить наши темницы! Построить новые тюрьмы, подобные русским и европейским! Не держать в темницах узников без суда, установить сроки заключения в тюрьме! Даже требует выдавать узникам пищу и одежду. И еще многое другое! Выходит, мы должны из казны выделять арестованным пищу и одежду! Но ведь эмир — полновластный правитель, самодержавный монарх страны. Кого захочет, бросит в темницу, захочет — убьет, повесит или освободит. Что за властитель без темниц и виселиц! Кто будет его бояться? Вот уже десять месяцев я эмир, а ни дня не прошло без перепалок. От моего покойного родителя осталось сто пятьдесят законных и незаконных жен. Мне пришлось, перенеся много скандалов и ссор, всех их удалить из дворца. Поселив во дворце моих жен и невольниц, я немного успокоился. Но двадцать из них уже постарели, им перевалило за двадцать лет.

Куш беги. Мир праху вашего родителя, они, как только невольнице исполнялось 18 лет, удаляли ее, отдавая в жены какому-нибудь слуге, а на ее место брали 14-летнюю.

Эмир. Нам тоже не избежать этого, иначе нельзя.

Слуга (входит). Ученый Адхам прибыл и готов повиноваться.

Эмир. Пусть войдет.

Ученый Адхам (входит). Ассалам алейкум. (Эмир важно кивает.) Ваше высочество милостиво соизволили вспомнить о человеке, который возносит за вас молитвы. (Садится на курпачу — узкое одеяло у входа.)

Эмир. Какие новости, махдум?

Ученый Адхам. В дверях я столкнулся с господином верховным судьей, он многозначительно посмотрел на меня и сказал: «Идите и ответьте его высочеству за свои поступки». Из этого ясно, что мой ответ не удовлетворил верховного судью.

Эмир. Вы богохульствовали.

Ученый Адхам. А я слышал, что ваше высочество в Петербурге и Москве тоже целовали руки господам русским, и никто это не называл богохульством.

Эмир. Вы слишком смелы: равняете нас с собой?!

Ученый Адхам. Равнять себя с султаном не подобает ничтожному подданному, мой эмир. Однако по совести нужно признать, что мы оба равно повинны: оба целовали руку нечестивой женщины. И если, не дай аллах, от этого целования руки погибнет священная Бухара, как изволит утверждать верховный судья, то в ответе будем и вы, и я.

Эмир. Ваша дерзость была нестерпима еще нашему покойному родителю, и они вынуждены были изгнать вас из дворца. Но вы не только не присмирели, нет, вы еще больше отточили свой язык.

Ученый Адхам. Я действовал по совету шейха Саади, который наставлял:

Пока еще живешь и разум чист,
Живи и говори с отрадой и любовью, брат.
А завтра, как раздастся смерти свист,
Ко входу поспешишь небесных врат.

Кушбег. «С отрадой и любовью», сказал шейх! А не с горечью и змеиным ядом...

Ученый Адхам. Виноваты здесь как мой язык, так и правда.

Кушбег. Что это значит?

Ученый Адхам. Правда, она ведь всегда горька.

Эмир (*разворачивая лист бумаги*). Что это за вздор, о котором вы пишете в своем прошении? Пустить воду из Амударьи...

Ученый Адхам. Да, ваше величество, с помощью русских специалистов.

Эмир. Открыть школы русского языка, пригласить учителей из России... Строительство фабрик...

Ученый Адхам. Все это необходимо, ваше величество, действительно необходимо.

Пауза.

Эмир. Наш покойный родитель жаловались: два раза мы посылали аллому в Россию, говорили они, а он по возвращении давал нам наставления. Теперь вы и нам собираетесь давать наставления?

Ученый Адхам. Ваш покойный родитель были вправе сетовать на меня хотя бы потому, что были старше меня по возрасту, а вы...

Послушай, юноша, старейшины совет,
В нем жизни долгой мудрый свет.

А вы, ваше величество, еще совсем молоды.

Эмир. Хафиз вам не заступник!.. Ваша приверженность ко всему русскому дошла до того, что вы желаете уже открыть русские школы и превратить мусульман в русских. Правду говорят, что вы и в самом деле стали источником ереси и богохульства!.. А еще фабрики! Вода из Амударьи... Тысячи лет Бухара пьет воду Зеравшана, обходится без фабрик и живет, не погибла, небо не обрушилось на нее! Вы случайно не курильщик опиума, махдум?

Кушбег. Махдум! Предположим, что мы начнем рыть каналы от Амударьи, вознамеримся строить фабрики, кто возьмет на себя затраты? Кто будет платить русским специалистам?

Ученый Адхам. Казна легко может понести эти расходы. А когда эти сооружения будут закончены, через год-другой затраты с лихвой возместятся. Так говорят русские, знающие это дело, я разговаривал с ними в Петербурге и в Ташкенте.

Кушбег. Откуда русские знают, сколько денег в казне его величества? Может быть, вы им об этом сказали? Выдали чужестранцам государственную тайну?

Ученый Адхам. Почтеннейший, государственная тайна эмирата подобна тайне того верблюда, который взобрался на минарет и закричал оттуда: «Эй, люди, я спрятался здесь, никому не говорите об этом!»

Кушбег. Чем вы докажете справедливость вашего утверждения?

Ученый Адхам. Нет у меня доказательств. Я только знаю, что в русских и европейских газетах пишут не только о том, сколько денег поступает ежегодно в казну эмирата, но даже о том, какой доход получает миршаб нашего города от взимания взяток.

Кушбег. Откуда они знают о таких вещах?

Ученый Адхам. Господин Кушбег может запереть двенадцать ворот города, но как он завяжет рты многочисленным чиновникам и слугам?

Эмир. Чтобы там ни было, но я не стану опустошать казну ради ваших вздорных мечтаний. Казна принадлежит мне, у нее есть хозяин. (Бросает письма ученому Адхаму.) Возьмите ваши письма и впредь не беспокойте меня такой чепухой!

Ученый Адхам. Да-а, казна, в которую стекаются деньги бедняков и которая должна принадлежать народу, в нашей стране имеет единоличного хозяина.

Эмир. Что за речи вы произносите в нашем присутствии? Дерзость тоже имеет границы! Не возбуждайте наш гнев! Если впредь вы не прекратите своих выходов, не оставите приверженность всему русскому, пеняйте на себя. Мы не посмотрим на вашу ученость и заигрывание с Россией!

Ученый Адхам (встает). Увы, очень жаль, что в наше время нет ушей, которые слышат, и глаз, которые видят. Ничего другого не остается, как держать при себе свои знания, доверять их бумаге, самому читать и самому плакать. (Уходит.)

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Ночь. Гостиная в доме верховного судьи.

Перед верховным судьей груды монет.

При свете лампы он считает их и складывает в мешок.

Стук в дверь.

Верховный судья. Что там случилось?

Голос. Домулло Кияметдин пожаловали.

Верховный судья. Хорошо, сейчас.

Поспешно складывает деньги в сундук, запирает его на ключ. Затем берет четки, подходит к двери, откидывает цепочку.

Кияметдин (входит). Ассалам алейкум. Прошу прощения, блюститель шариата, что беспокоил вас в такой поздний час.

Верховный судья. Проходите сюда.

Кияметдин. Я сделал, как вы велели. (Понизив голос.) Вот жалоба мулл на проклятого знатока русского языка. Подписались десять человек.

Верховный судья (надевает очки, берет у Кияметдина бумагу, читает). Блюстителю шариата, его светлости верховному судье благословенной Бухары... Подлинные свидетели доносят, что Мирзо Абдусалам держит в своем доме еретические богохульственные книги с картинками и без картинок. Оскверняя правозверную религию ислам, он эти книги постоянно читает, а также учит русскому языку свою законную жену... (Продолжает читать про себя, шевеля губами.) Очень хорошо. Сразу ли удалось все это сделать?

Кияметдин. Муллам, которые учатся у меня, достаточно только намекнуть. Они и заявители, они и свидетели.

Верховный судья. Этого документа, я думаю, достаточно, чтобы сделать обыск в доме Абдусалама. Если действительно у него обнаружатся русские книги...

Кияметдин. Конечно, обнаружатся, господин. А я и еще что-то принес. (Вынимает из-за голенища сапога сложенный лист бумаги, протягивает его судье.)

Верховный судья. Что это?

Кияметдин. Страница из какой-то русской книги. Верховный судья. А зачем это?

Кияметдин. Сейчас объясню. Обратите внимание на картинку, господин.

Верховный судья. Это корова, это курица, а это что? Что за животное?

Кияметдин. Свинья, почтеннейший.

Верховный судья. Свинья?!

Кияметдин. Она самая.

Верховный судья (*брезгливо берет листок двумя пальцами и отбрасывает*). Нечистый дух! Значит, она такая? Я никогда ее не видел. А зачем ты принес мне эту нечисть?

Кияметдин. Вы дадите это своему слуге, а он, когда пойдет обыскивать дом Абдусалима, незаметно положит листок в какую-нибудь мусульманскую книгу.

Верховный судья. Во-он как! А вы, оказывается, очень коварны, мулла Кияметдин. Но ведь так делать нехорошо.

Кияметдин. Почему же? Если коварство ради защиты ислама и шариата, то это совсем не грех. Зачем я вам это говорю, вы ведь и сами это знаете лучше меня.

Верховный судья. А где вы нашли этот проклятый листок?

Кияметдин. У Мардонкула, продавца наса. В Самарканде ему случайно попаласть откуда-то старая русская книга. Вот он и вырывает из нее листы, чтобы заворачивать в них нас, когда его продает.

Верховный судья. Но завернутый в такую бумагу нас оскверняется, он не допускается к употреблению.

Кияметдин. Э, господин, а разве сам нас дозволен шариатом?

Верховный судья. Тогда почему же вы его употребляете?

Кияметдин. А я делаю его дозволенным: на ночь кладу между страницами какой-нибудь божественной книги.

Верховный судья. В таком случае все ваши книги осквернены... А если крупца наса попадет в отхожее место, то и оно тоже станет поганым.

Кияметдин. Ладно, пусть так, но эта бумажка, в которую Мардонкул завернул нас, сослужит нам службу: она выпадет из книги Абдусалима, и для Кушбеги будет повод, чтобы начать обрубать ветки дерева. Глупо было бы не использовать это, господин.

Верховный судья. Ладно, оставьте бумагу у меня, а там посмотрим.

Кияметдин. Больше не буду утруждать вас, блюститель шариата. Начнем с этого любимого ученика алломы Адхама, а там вонзим меч в сердце самого приспешника русских. Он и вззоет! Да поможет нам аллах! (*Уходит.*)

КАРТИНА ПЯТАЯ

До поднятия занавеса слышатся музыка и пение. Комната в доме Абдусалаяма, отделанная орнаментами и лепными украшениями. На двух больших полках много книг, лежащих одна на другой. На других, меньших, — фарфоровая и серебряная посуда. На полу скатерть, уставленная едой. Вокруг нее сидят ученые Адхам, Пашков, Пашкова, Абдусалам и Хабиба. Ученый Адхам играет на танбуре, Хабиба — на бубне, Абдусалам — поет.

Пашков. Bravo! Вы прекрасно поете, господин Абдусалам. Вы угощаете нас не только вкусными блюдами, но и чарующей музыкой и пением. Сердечно вас благодарим.

Абдусалам. Не стоит благодарности, устод. Мы с женой сегодня безмерно счастливы, что принимаем в нашем скромном доме таких высоких гостей. Это большая честь для нас.

Хабиба. Жилище наше скромное что тот дворец сияет,

Оно гостей сегодня милых принимает.

Пашков. Прекрасно, ханум. Спасибо за экспромт. Абдусалам. Какой для мира прок от золота

скальыг?

Будь щедростью души и в нищете велик!

Пашков. Bravo, bravo, Мирзо! (*Тихо пересказывает Пашковой содержание стихов. Ученому Адхаму.*) У ваших поэтов можно найти стихи на все случаи жизни. В вашем городе я сам видел и слышал, как даже простолюдины говорили изящными стихами.

Ученый Адхам. Да, Бухара знаменита этим с древних времен. Абубакар Наршахи еще десять веков назад писал о том, что бухарцы знают много стихов и очень находчивы и остроумны в разговоре, и даже подметальщики улиц и водоносы говорят изящным слогом.

Пашков. Да, да, и эта традиция жива и сегодня.

Хабиба (*Пашковой*). Пожалуйста, кушайте. Вы — наша дорогая гостья.

Пашкова. Спасибо, дорогая Хабиба, я ем. А как это называется?

Хабиба. Самбуса.

Пашкова. Ваша самбуса, эти треугольнички — очень вкусные.

Хабиба (*указывает на ученого Адхаму*). Вот учитель тоже мой самбуса... как это...

Абдусалям. Нравится.

Хабиба. Да, нравится.

Пашкова. Да, вы мастерица печь самбусы.

Хабиба (*тихо Абдусаляму*). Принести?

Абдусалям. Принеси.

Хабиба выходит. Пашкова с интересом рассматривает комнату, что-то говорит Пашкову.

Пашков (*ученому Адхаму*). Ханум очень нравится комната. Она говорит, что в ней много красок. Настенные орнаменты, книги, блеск фарфора и серебра радуют глаз, доставляют большое удовольствие.

Ученый Адхам. Это понятно. Ханум художница, потому она и смотрит на все это с особым вниманием.

Хабиба (*входит узелком, развязывает его*). Извините, мы хотели бы сделать дорогим гостям маленькие подарки на память.

Надевает Пашковой на голову вышитую золотом бухарскую тюбетейку, кладет ей на колени кусок атласной ткани. На Пашкова надевает халат и тюбетейку. Гости благодарят, шумно радуются подаркам. Смех, веселье.

Раздается сильный стук в дверь. Абдусалям выходит.

Голос за дверь ю. Обыск. Приказ господина верховного судьи.

Абдусалям. Какой приказ? Какой обыск? У меня гости. Приходите позже.

Голос. Как это позже? У меня приказ от господина верховного судьи. Женщины пусть выйдут или закроют лица!

Абдусалям возвращается, за ним входят на иб верховного судьи и служители с палками.

На иб (*увидев ученого Адхаму и Пашковых, немного умеряет пыл*). Ассалям алейкум. Прошу прощения, но в этом доме тайно хранят еретические книги, и господин блюститель шариата приказали сделать обыск. Нам нужно обыскать дом. (*Ученому Адхаму*.) Прошу прощения, домулло, вам нужно покинуть этот дом.

Ученый Адхам. Мы не уйдем отсюда. Интересно посмотреть, что вы собираетесь здесь учинить.

Абдусалям. Господин наиб, прошу вас, отложите обыск до другого времени. Я не убегу, и дом останется на том же месте. Дайте мне проводить гостей как подобает.

Наиб. Да? Предоставить вам время, чтобы вы успели спрятать богохульственные книги? Нет, Мирзо, вы нас не проведете.

Ученый Адхам. Какие же книги вы считаете богохульственными, наиб?

Наиб. Русские.

Ученый Адхам. Всем известно, и верховному судье также, что Абдусалям знает русский язык, что он умеет читать и писать по-русски; что же удивительного, если у него есть русские книги? Какой это дурак запретил читать русские книги?

Наиб. Стало известно, что у этого человека есть русские книги с картинками.

Ученый Адхам. Разве верховный судья и вы сами не видели мусульманских книг с картинками?

Наиб. В книгах этого человека, говорят, есть изображение свиньи.

Хабиба. Изображение свиньи? Это ложь! Клевета!

Наиб. Мы выполняем приказ верховного судьи Бухары. Обсуждать его у нас нет времени. (Служителям.) Обыскать дом!

Наиб и служители начинают обыск.

Наиб. Действительно, русских книг здесь немало. (Незаметно вынимает из кармана сложенный лист бумаги и кладет его в одну из книг.) О, аллах! Вот вам и изображение свиньи! В священном коране!..

Абдусалям (подходит к нему). Это вы сейчас сами вложили в книгу!

Наиб. Ничего подобного. (Указывает на служителей.) Вот они все — свидетели.

Абдусалям. Нет, вы самовложили! Это же подлость!

Наиб. Ваша виновность доказана. Теперь хоть двести ангелов за вас заступятся — не поможет. Выполняя приказание верховного судьи, я обязан доставить вас к его светлости. Пойдете с нами, собирайтесь!

Хабиба. Руки прочь! Негодяи!..

Ученый Адхам (Пашкову). Вы видите? Ну, где искать защиты от притеснителей и тиранов?

Служители пытаются силой увести Абдусаляма.

Абдусалям. Простите, друзья, что ваше пребывание в моем доме отравлено этим безобразным происшествием. Я — жертва коварства и клеветы. Хабибаджан, будь твердой, держи себя достойно, дорогая. Все выяснится, меня скоро освободят. (Абдусаляма уводят.)

Пашков. Какое злодеяние!..

Ученый Адхам. Не беспокойтесь, я сейчас пойду к Кушбеги или к самому эмиру. Я заставлю их освободить Абдусаляма.

Торопливо надевает чалму, халат и уходит.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Рабочий кабинет ученого Адхама. Ученый Адхам в одной рубашке, босой, обхватив голову руками, погруженный в думы, сидит на ковре, привалившись спиной к стене.

Входит Негмат.

Ученый Адхам (не поднимая головы). Это ты, Негматджан?

Негмат. Я. Пришел господин Пашков.

Ученый Адхам. Пашков? Где он? Почему не впустил его сюда?

Негмат. Я сказал, чтобы они вошли, а они сказали: «Спроси сначала».

Ученый Адхам быстро набрасывает на плечи халат и выходит. Возвращается вместе с Пашковым.

Ученый Адхам. Прошу вас, господин Пашков, проходите.

Пашков. Благодарю... Какие вести, махдум?

Ученый Адхам. Абдусалям в тюрьме.

Пашков. В тюрьме?

Ученый Адхам. Кушбеги не принял меня, эмир тоже не принял.

Пашков (взволнованно). Что же будет?

Ученый Адхам. Беда... Я чувствую, что верховный судья, Кияметдин и муллы плетут вокруг Абдусаляма гибельную паутину... Его жизнь в опасности.

Пашков. Жизнь?!

Ученый Адхам. Да, да, жизнь. Эти охотники за людскими душами так легко не выпустят свою добычу. Мошенник верховный судья не даром затеял всю эту игру с изображением свиньи. Если муфтии дадут фатву, то есть

вынесут по шариату постановление о том, что Абдусалам впал в неверие и стал кафиром, а девяносто процентов за то, что фатву они дадут, ибо большинство из них подхалимы и угодники верховного судьи, тогда... Знаете, что делают в благословенной Бухаре с человеком, обвиненным в неверии?

Пашков. Могу себе представить, на какие муки он будет обречен.

Ученый Адхам. Легчайшее наказание — ему отрубят голову, как барану.

Пашков. О, боже! Вы говорите, легчайшее наказание?

Ученый Адхам. Да. Скорее же всего — побьют камнями.

Пашков. Что я слышу! Неужели это возможно?

Ученый Адхам. В нашем проклятом эмирате возможно.

Пашков. Какая дикость! Но почему же в это не вмешаются российские власти в Туркестане, наш политический представитель, который находится в Кагане? Почему не воспрепятствуют этому? Ведь царское правительство называет себя наставником и покровителем Бухарского эмирата!..

Ученый Адхам. Русские должностные лица не хотят портить отношения с нашими муллами. Вам, наверное, известно, что муллы имеют очень большое влияние, представляют большую политическую силу.

Пауза.

Пашков. Каков результат ваших писем эмиру, махдум? В тот день, когда вас вызвали в Арк, был ли об этом разговор?

Ученый Адхам. Да, мы побеседовали об этом. Конечно же, все мои предложения отклонены. (Помолчав, с болью.) Ох, господин Пашков, я одинок, я так одинок! Двадцать пять лет стараюсь своими советами хоть немного исправить этих кровожадных эмиров, невежественных визирей, ленивых раисов, кровью сердца пишу письма эмиру, сочиняю трактаты о том, как устранить беспорядки. Но выясняется, что это все равно что бить кулаком по глинобитной стене или же играть на танбуре для ослос. Была у меня какая-то надежда на молодого эмира. Он казался мне образованным, понимающим человеком, но когда узнал его поближе, убедился, что он достойный сын своего отца. Я совсем отчаялся, господин Пашков,

на старости лет у меня опустились руки... Если удастся, то остаток жизни я посвящу написанию еще одного трактата, в котором опишу все, что видел и узнал, чтобы потомки могли прочесть и воспользоваться им.

Пашков. Нет, нет, вы не должны терять надежду аллома Адхам! Посеянные вами семена несомненно взойдут. Если вы сами не соберете урожай, то это сделают ваши потомки. У вас ведь есть ученики, единомышленники.

Ученый Адхам. Есть, но они живут в постоянном страхе перед коварством мулл, эмирской тюрьмой, над их головами занесен топор палача...

Слышен плач за стенами дома. Негмат открывает дверь и выпускает Рахима.

Рахим (плачет). Несправедливость! Жестокость! Забывшие бога муфтии дали фатву, объявили неверным. Было судебное разбирательство, приговорили к побиванию камнями. Кровопийцы! Дикие звери!..

Ученый Адхам. Ты говоришь про Абдусаляма?

Рахим. Его побьют камнями. О, ака Абдусалям!.. Он ни в чем не виноват! Он не виноват!.. У кого искать защиты?.. Кто спасет несчастного Абдусаляма?..

Ученый Адхам. Случилось то, чего я боялся. Сбылось мое худшее предположение. О, злосчастная судьба!.. (Срывает с себя чалму.)

Пашков. Какое варварство! Разум отказывается верить. Я сейчас же отправлюсь к политическому представителю России. (Быстро уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Кабинет политического представителя царской России Приклонова.
Входят Приклонов и его советник.

Приклонов. Я посоветовал Кушбеги не доводить дело до побивания камнями. Оказывается, он и верховный судья не смогли противостоять давлению мулл-фанатиков.

Советник. Первый фанатик сам верховный судья.

Приклонов. Черт побери, если это известие получит огласку, русские либералы и зарубежная печать снова поднимут крик, что царское правительство покровительствует Бухарскому эмирату и защищает там азиатскую дикость. Весть эта может распространиться в России и за границей через господ Пашковых.

Советник. К сожалению, это так. Но во всяком случае, как вы советовали, Александр Васильевич, виновного судили до некоторой степени законным образом. Я позвонил верховному судье и узнал об этом: были назначены обвинитель и защитник, заслушаны показания свидетелей, речи всех были занесены в протокол, а протокол подписан, как и должно быть.

Приклонов. Формально закон соблюден, но фактически это обман: обвинитель, защитник, свидетели — все это их люди. Ну, хорошо, вернемся к господину Пашкову, Сергей Никанорович, какие сведения вы получили о нем?

Советник. Сведения получены вчера из Ташкента. *(Раскрывает папку, читает.)* Пашков Петр Иванович, 51 год, профессор востоковедения, политически неблагонадежен...

Приклонов. Неблагонадежен?

Советник. Да. В молодости был знаком с Добролюбовым, участвовал в тайных студенческих кружках, был связан с обществом «Земля и воля», квартира его дважды обыскивалась полицией. В 1868 году в Ташкенте служил переводчиком в администрации генерал-губернатора. Открыто критиковал генерал-губернатора и наших чиновников, обвиняя их в том, что они препятствуют развитию экономики и культуры народов Туркестана. За это был выслан из этих краев. В русской и западноевропейской печати иногда появляются его страновед-

ческие статьи и путевые заметки. Предполагают также что под псевдонимом он печатает и политические статьи в заграничных оппозиционных газетах с критикой политики правительства России.

Приклонов. Политические статьи?

Советник. Да.

Приклонов. Добролюбов... «Земля и воля»... Все ясно! А мы встретили этого господина с почетом, поместили его в своей гостинице! С кем он, кроме ученого Адхама, встречался в Бухаре?

Советник. Несколько раз встречался с этим самым Абдусаломом, приговоренным к побиванию камнями, который является учеником и близким другом ученого Адхама.

Приклонов. Этому вашему алломе Адхаму я не доверяю. Считаю его другом России, но еще неизвестно, другом какой России он является: нашей или России господ Пашковых?

Письмоводитель (входит). Пришел господин Пашков, просит принять его как можно скорее.

Приклонов (удивленно). Что значит как можно скорее?

Письмоводитель. Не могу знать, но господин Пашков именно так выразился.

Приклонов вопросительно смотрит на советника. Советник пожимает плечами.

Приклонов. Ну, хорошо, пусть войдет.

Входит Пашков.

Пашков. Здравствуйте.

Приклонов. Здравствуйте, Петр Иванович. Присядьте, прошу вас.

Пашков (садится). Я думаю, что вам известен приговор верховного судьи, по которому должен быть подвергнут побиванию камнями невинный человек?

Приклонов. Да, известен.

Пашков. А известно ли вам также, что этого человека хотят убить главным образом за знание русского языка и чтение русских книг?

Приклонов. Мы попросили у верховного судьи Бухары объяснение, и он нам официально написал, что виновный осквернил священный коран. Его вина подтверждена показаниями свидетелей и неоспоримыми уликами.

Пашков. Это оговор! Абдусалам — жертва коварства и клеветы!

Приклонов. Мы не можем не принять к сведению объяснение верховного судьи. Он ведь, Петр Иванович, важное должностное лицо...

Пашков. Абдусалам совершенно не виновен. Но если бы даже мы на минуту допустили, что он виноват в чем-то, то и в этом случае человеческая совесть не может допустить этот дикий приговор верховного судьи. Вас, как политического уполномоченного правительства России, я настоятельно прошу и, если хотите, умоляю немедленно вмешаться и властью, данной вам императорским величеством, приостановить это варварство.

Приклонов. Я понимаю вас, Петр Иванович, и как человек сочувствую вам, но, к сожалению, мое право вмешательства во внутренние дела эмирата ограничено, так что, как бы я ни желал, но ничего поделать уже не могу.

Пашков. Помилуй бог, Александр Николаевич! Какие ограничения, когда речь идет о спасении человека, попавшего в беду!

Приклонов. Дорогой Петр Иванович, вы лучше меня знаете, что мусульмане имеют свод традиционных законов, называемый шариатом и освященный их религией и историей. Эти законы, если их можно именовать законами, глубоко засели в плоть и кровь народа, мулл и эмирского правительства. Затронуть шариат — значит настроить против себя народ. Разве мы можем пойти на это? Мы должны вести себя очень осторожно, корни невежества и дикости вырывать постепенно. Мы, русские, на этой земле уничтожили торговлю рабами, нам удалось даже в шариат внести некоторые элементы законности и справедливости. Ведь благодаря нам этого Абдусалама судили с участием обвинителя и адвоката, с допросом свидетелей.

Пашков. Итак, вы не хотите вмешаться?

Приклонов. Я же вам объясняю: политические соображения, осторожность...

Пашков. Ваша осторожность на деле защищает варварство и дикость. Наша колониальная администрация претендует на то, что она насаждает в этой стране европейскую культуру, а в действительности она просто-напросто мирится со средневековой дикостью.

Приклонов (разгневанный, встает с места). Госпо-

дин Пашков! Здесь вам не кружок «Земля и воля», и я не позволю, чтобы клеветали на верных слуг нашего государя. Я не желаю больше вести с вами этот спор.

Пашков. Да, спорить бесполезно. Но я это дело так не оставлю! Я напишу в Министерство иностранных дел, обращусь в печать. Пусть мировая общественность узнает... Какой позор! (Уходит.)

Приклонов. Вы посмотрите, он нам еще и угрожает!

Советник. Дело усложняется, Александр Николаевич.

Приклонов. Вы думаете, он осуществит свою угрозу?

Советник. Я в этом не сомневаюсь. В министерстве у него есть друзья, единомышленники, он связан также и с заграничной печатью.

Приклонов. Тогда... из этого следует, что...

Советник. Да, Александр Николаевич. Представьте себе такое положение: в какой-нибудь заграничной газете появляется по этому поводу статья. Министр, другие петербургские чины в гневе. Пойдет телеграмма в Ташкент: немедленно объясните, что случилось. И что сделает в таком случае генерал-губернатор? Чтобы защитить свою честь, сохранить столь дорогое ему кресло, он постарается успокоить важные чины в Петербурге. А для этого, конечно же, найдет «козла отпущения».

Приклонов. И этот «козел» я? (Взволнованно ходит по кабинету, затем звонит в колокольчик, входит письмоводитель.) Прикажите приготовить экипаж.

Письмоводитель. Хорошо. (Уходит.)

Приклонов. Поеду в Бухару, повидая Кушбеги или самого эмира. Черт побери, эти господа Пашковы могут в самом деле наделать шума, взвалить всю вину на меня.

Советник. Согласятся ли бухарцы изменить приговор, подписанный эмиром?

Приклонов. Конечно, это трудно, но...

Пауза.

Советник. Есть ли средство?

Приклонов. Я вам открою один секрет. Этот Кушбеги тайно от эмира — не знаю на каких условиях и взамен чего, может быть, за взятку, — добился у прежнего политического представителя гарантии, что если эмир каким-либо образом лишит его этого поста и захочет

конфисковать его имущество, то наш представитель возьмет его под свою защиту. Тайна его мне известна, и, стало быть, он в моих руках. Думаю, что Кушбеги добьется согласия эмира изменить приговор.

Советник. Вы хороший политик, Александр Николаевич.

Письмоводитель *(входит)*. Экипаж готов.

Приклонов и советник уходят. Слышен топот конских копыт и звон колокольчика.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Городская площадь. Толпа народа: простолюдины, муллы, ученики медресе с камнями в подолах одежды. Появляются верховный судья, его наиб, Кияметдин, высокопоставленные муллы. Стражники выводят Абдусалыма со связанными спереди руками и привязывают его к столбу посреди площади. Хабиба с криком бросается к нему, но ее силой удерживают. Паранджа падает с ее головы, волосы растрепаны.

Хабиба. Спасите, помогите! Мусульмане, моего мужа убивают по клевете! О, безжалостный судья! Пусть аллах пошлет тебе судьбу моего мужа! Спасите, умоляю!

Рахим. За что? Он не виновен! Это все подстроено. Люди, да что же вы делаете?! Это же ака Абдусалым! Разве вы забыли, что он всем делал только добро?!

Рахима ударами отгоняют прочь.

Кияметдин *(верховному судье)*. Ваш слуга, господин? Его-то какая муха укусила?

Верховный судья. Тоже заразился ересью от этого проклятого. *(Указывает на Абдусалыма.)* Не мешало бы и его побить камнями. Оказывается, тайно учился у него русскому языку. Сегодня утром узнал об этом: слуги нашли его тетрадь и показали мне.

Наиб. По священному шариату, по велению высшего духовенства и приговору верховного судьи Бухары неверного Абдусалыма сына Абдулвахоба, надругавшегося над исламом, надлежит побить камнями! Каждый правоверный должен внести свою лепту в это справедливое дело и бросить хотя бы один камень в презренного! *(Слуга с камнями в подоле дает по камню верховному судье, его наибу, Кияметдину и другим муллам.)* Блеститель шариата, кто первый бросит камень?

Верховный судья. Обвинители, первый камень бросят обвинители.

Кияметдин. Нет, господин судья, первый камень — от вас. Затем господин Кушбеги желают присоединиться к праведному делу: Они пожелали, чтобы за них вы бросили камень, господин.

Абдусалым. Бросай, сатана! Бесовский предводитель с чалмой на голове! Невинных чернишь клеветой, а очерненных обеляешь за взятку! Бросай, кровожадный зверь, мракобес, враг просвещения! Вы — летучие мыши, благословляющие мрак, совы, пирующие на развалинах страны! Придет день, когда эти камни полетят в ваши головы, и это будет высшей справедливостью. Я умру один раз, но тысячу раз воскресну и встану из могилы, чтобы отомстить, схвачу вас за горло, потащу за ноги, вырву бороды! До конца своей поганой жизни будете вы дрожать от страха! Бросайте! Я вас не боюсь, это вы должны бояться меня!

Кияметдин. Бросайте ваш камень, господин судья, заткните ему рот! До каких пор мы будем слушать его болтовню!

Верховный судья. Бисмилохурахмонаррахим, за благополучие его величества эмира!

Собирается бросить камень, но вдруг слышится громкий голос ученого Адхама и появляется он сам.

Ученый Адхам. Это против закона! Кровь прольется несправедливо! Остановитесь! Вы пошли на обман, верховный судья! Вы опорочили шариат в своих корыстных целях! Дьявольское коварство! (*Народу.*) Перед богом и его пророком клянусь, что он невиновен! Он жертва клеветы! Отступитесь от этого подлого дела!

Верховный судья. Довольно пустой болтовни, махдум. Всем известно ваше пристрастие к неверным. Вина этого нечестивца подтверждена правоверными свидетелями.

Ученый Адхам. Ложь! Клевета! Бесовское коварство! (*Загораживает собой Абдусалыма.*) Тогда и меня побейте камнями.

Верховный судья. Что вы делаете, махдум! Не подвергайте сомнению шариат, не заступайтесь за неверного, ибо и сами станете неверным.

Кияметдин. Он и есть неверный! Колдун, предсказатель, приспешник русских!

Первый мулла. Он сам достоин побивания камнями!

Второй мулла. Бей его!

Абдусалам. Отойдите в сторону, устод, умоляю вас, отойдите! Эти мракобесы и в самом деле принесут вас в жертву.

Верховный судья. Народ возбужден, махдум. Я не ручаюсь за вашу жизнь!

Ученый Адхам. Не уйду! Убейте нас обоих! Унесите отсюда два тела! И может быть, тогда вы что-то поймете, люди...

Верховный судья. Оттащите его!

Стражники бросаются к ученому Адхаму, но в это время раздается стук лошадиных копыт и звон колокольчика. Голоса из толпы: «Кушбеги! Кушбеги!»

Появляются Кушбеги и дворцовый слуга. Народ кланяется Кушбеги.

Кушбеги. Что здесь происходит, блюститель шариата?

Верховный судья (*указывает на ученого Адхама*). Препятствует исполнению приговора.

Кушбеги (*тихо*). Временно приостановить! (*Делает знак дворцовому слуге.*)

Дворцовый слуга. Новый приказ его величества. Муфтии сделали заявление, что по шариату над виновным сначала необходимо совершить ташхир — с позором провести по городу, а после этого — побивание камнями. Виновный будет содержаться в тюрьме до завтрашнего дня, пока его величество не прочтет заявление муфтиев и не вынесет свой приговор. (*Стражникам.*) Отведите его в тюрьму!

Стражники уводят Абдусалама, толпа идет за ними. Кушбеги и Верховный судья остаются.

Верховный судья. Что это значит, господин?

Кушбеги. Вы же слышали приказ его величества!

Верховный судья. Вы хотите, чтобы я поверил этому?

Кушбеги. Поверьте и не копайтесь в этом деле, блюститель шариата. Завтра вам скажут, как поступать дальше.

Занавес

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Рабочий кабинет ученого Адхама. Ночь. Ученый Адхам в очках читает книгу при свете лампы, делает заметки на бумаге. Он неспокоен, откладывает книгу и перо, встает и ходит по комнате. Входит Негмат, на нем новый халат, на ногах сапоги, в руках узелок.

Ученый Адхам (*разговаривает с Негматом, но мысли его заняты другим*). Ты готов, Негматджан?

Негмат. Я давно готов... Они еще не пришли, дядя? Не уехали?..

Ученый Адхам. Они не уедут, не простившись со мной... Без тебя не уедут.

Негмат. До сих пор не могу поверить, что поеду вместе с ними... А они не откажутся от своего обещания?

Ученый Адхам. Они боятся, что ты можешь отказаться.

Негмат. Я? Никогда!

Ученый Адхам. Ты рад, что едешь?

Негмат. Еще бы, дядя! Когда вы расхваливали Петербург и Москву, я думал про себя: хоть бы разок съездить туда, посмотреть на эти города!

Ученый Адхам. Оставляешь меня одного и еще радуешься, что уезжаешь!

Негмат. Да вы же сами сказали, чтобы я ехал... Я никогда не забуду вас, хоть сто лет пробуду в тех местах. Я... Я ведь вернусь к вам... Но, если вы скажете: «Не уезжай», я не поеду...

Ученый Адхам. Я пошутил, Негматджан. Ты поедешь в Петербург и будешь учиться в большом медресе живописи, научишься говорить по-русски... Эти люди воспитают тебя... Станешь настоящим живописцем... (*За сценой тихий плач женщины.*) Хабиба!.. Иди, Негматджан, позови ее, пусть придет сюда.

Негмат выходит и возвращается с плачущей Хабибой. За ними —
Рахим.

Хабиба (*падает к ногам ученого Адхама*). Что мне делать, учитель, они убьют его!.. Куда мне тогда идти?.. Хоть бы аллах меня прибрал!

Негмат. Не плачьте, не надо. (*Помогает Хабибе встать. Затем отходит в сторону, беседует с Рахимом.*)

Ученый Адхам. Возьми себя в руки, Хабиба... Терпи... Терпи... Нам нужны горы терпения.

Хабиба. Он, бедный, в тюрьме... Каждую минуту ждет, что вот сейчас придут, выведут и убьют... И за что! Побьют камнями за то, что знает русский язык! Без всякой вины... О, аллах, камнями побивают бешеных собак. Неужели человек может быть так унижен, учитель, что это за мир? Почему земля не разверзнется под ногами этих бесчеловечных судей, муфтиев вместе с эмиром и его визирями, почему дворцы не обрушатся на их головы?!

Пауза. Снаружи доносятся звуки шагов.

Негмат. Они пришли!

Поспешно выбегает и через минуту возвращается вместе с Пашковыми.

Пашков. Ассалам алейкум.

Ученый Адхам. Ваалейкум-ассалом.

Пашков. Попрощаемся, дорогой саркор. «Звон колокольчика на верблюде возвещает, что пора привязывать седла».

Ученый Адхам. «Даже камень издает стон во время прощания друзей...» Какие новости, господин Пашков?

Пашков. Абдусалама отправили в тюрьму? Это так?

Ученый Адхам. Да... Но какова причина, в чем кроется тайна, мне неизвестно.

Пашков. Сейчас я вам скажу. Если верить тому, что сегодня вечером мне сказал политический представитель, то приоткрылось окошечко для надежды — надежды на спасение Абдусалама. Но не знаю, может быть, это мои домыслы, поэтому не хочу обнадеживать. Политический представитель посетил меня в моей комнате в гостинице в Кагане и сказал, что встретился с Кушбеги, объяснил ему опасные последствия этого зверского убийства и припугнул его. Кушбеги еще чего-то боится, кажется, какого-то документа, находящегося в руках представителя, но какого, не знаю: он мне не сказал. Кушбеги вошел в свою канцелярию и долго говорил по телефону с эмиром, затем вышел, и тут представитель сказал ему всего несколько слов, непонятных, но утешительных: «Будем считать, что вы покаялись, и найдем выход». Больше ничего не сказал.

Ученый Адхам. «Найдем выход»?

Пашков. Да... Я хотел бы остаться еще на день, другой, чтобы узнать, какой же выход, но нет времени. Кроме того, ханум торопится: она очень взволнована этим ужасным событием и хочет как можно скорее покинуть ваш город.

Ученый Адхам. Поразительное известие! Неужели бог, наконец, послал им разум, и из этого может что-нибудь выйти? Приоткрылось окошечко для надежды.. О, если бы окно для надежды широко распахнулось!.. Хабиба! (Пашков тянет его за рукав, чтобы он повременил сообщать Хабибе эту новость, но Хабиба услышала зов и обернулась.) Хабиба, ты... не печалься, дочка... Наберись терпения.

Пашков (меняет тему). Ну как, Негматджан, собрался в путь? Уложил вещи?

Негмат. Собрался, господин.

Пашков. Моя супруга намерена сделать из вас большого художника.

Негмат. Я буду очень стараться.

Пашков. Ну, ну, посмотрим, как вы оправдаете надежды вашего великого учителя и воспитателя. (Указывает на ученого Адхама.)

Негмат. Ради моего учителя... клянусь... буду стараться изо всех сил!..

Тихий стук в дверь, Негмат открывает, появляется Абдусалам.

Ученый Адхам. Абдусалам?!

Абдусалам. Я. Ассалам алейкум... Хабиба!

Хабиба. О, аллах, неужели я не сплю! (Бросается к Абдусаламу.)

Абдусалам. Пришел домой, дверь заперта. Хорошо, что застал тебя здесь.

Ученый Адхам. Вас освободили?

Абдусалам. Я сам удивлен. Как стемнело, тюремщик вдруг вывел меня наружу, развязал руки, ноги и сказал: «Иди на все четыре стороны!» Я не поверил, а он вытолкал меня за ворота. В переулке рядом с тюрьмой стоял какой-то человек, прикрыв лицо концом чалмы. Он сказал: «Этой же ночью беги из города, спасай свою жизнь!» Сказав это, скрылся.

Ученый Адхам (Пашкову). Выход для Кушбеги?

Пашков. По всему видно, что это так.

Ученый Адхам. Если за всем этим не скрывается хитрый обман...

Пашков. Если господину Абдусаламу удалось бежать и спастись, то хитрый обман исключается. *(Пашковой.)* Его неожиданно выпустили и приказали немедленно, этой же ночью, бежать из города, скрыться.

Пашкова. О, боже, он спасен, спасен!

Пашков. Выходит, политический представитель и в самом деле чем-то припугнул господина Кушбеги. *(Ученому Адхаму.)* Я не удивлюсь, если завтра Кушбеги накажет тюремщика, обвинив его в беспечности, из-за которой узник бежал.

Пашкова. Он вырвался, спасен, это главное! *(Абдусаламу.)* Поздравляю вас. И вас тоже, дорогая Хабиба. *(Обнимает и целует Хабибу.)*

Абдусалам. Боюсь, что еще рано поздравлять нас, Евгения Павловна. *(Пашкову.)* Вы говорите, Кушбеги припугнули? *(Ученому Адхаму.)* Господин Пашков говорит, что представитель сумел освободить меня, припугнув Кушбеги?..

Ученый Адхам *(указывает на Пашкова)*. Благодаря господина, он вынудил политического представителя вмешаться в твоё дело. *(Смотрит на часы.)* Через час закроют ворота города, тебе надо поторапливаться.

Абдусалам. Я никуда не пойду. Мне некуда идти, и я совсем не хочу бежать.

Ученый Адхам. Нет, ты должен спастись. Кияметдин жаждет твоей крови.

Абдусалам. Бежать? Но куда? Темной ночью, один, как вор...

Хабиба. Уйдем вместе, я пойду с вами. Скроемся от этих злодеев, жаждущих людской крови.

Ученый Адхам. Ты тоже?.. Бросив дом и хозяйство?

Хабиба. А пропади оно... Главное — вы живы!

Пашков в стороне переводит Пашковой разговор. Ученый Адхам сильно взволнован. Негмат плачет.

Пашкова *(Пашкову)*. А что, если он поедет с нами?

Пашков. Верно! С нами! *(Абдусаламу.)* Трудность разрешена: вы поедете с нами. Наш экипаж ждет на улице. Сначала в Каган, оттуда в Самарканд.

Ученый Адхам. Соглашайся. О Хабибе я позабочусь, будь спокоен за нее. Надень вот это. *(Снимает с себя халат и набрасывает на плечи Абдусаламу.)*

Пашков. Прощайте, дорогой саркор. (Обнимается с ученым Адхамом.)

Ученый Адхам. Счастливого пути, мой дорогой, бесценный друг! Пусть ваше путешествие будет благополучным. Одного прошу я у аллаха, чтобы мы еще свиделись. (Целует руку Пашковой.) Доброго пути, дорогая бану. (Обнимает Абдусалюма.) Тебе повезло, дай бог, чтоб везло и впредь.

Рахим. Прощайте, ака Мирзо!

Абдусалюм. Хабибаджан, как только я устроюсь в Самарканде, сразу сообщу тебе, и ты приедешь. Будь спокойна, дорогая, и не печалься.

Ученый Адхам (обнимает и целует Негмату в лоб). Поезжай и будь счастлив, мой родной, не забывай мои советы. Я вручаю тебя моим друзьям! Ты будешь жить лучше нас. Я в это верю!

Все прощаются. Ученый Адхам провожает уезжающих до выхода и возвращается. Смотрит в темноту ночи через окно. Оттуда доносятся топот лошадиных копыт и звуки колокольчика. Постепенно они удаляются и замолкают. До сих пор ученый Адхам с трудом сдерживал слезы, теперь же они потекли по его лицу. Он вынимает платок, прижимает его к глазам и плачет...

З а н а в е с

ВОСЭ

*Драма в трех действиях
и девяти картинах*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Восэ.

Аноргуль — его жена.

Гулизор — его дочь.

Назир.

Назим.

Одина.

Аюб.

Ризо.

Хикмат.

Гулькурбон.

Заир.

Сангали.

Сайдали.

} повстанцы, соратники Восэ

Мухаммадали.

Касим — младший брат Восэ.

Хаким — правитель Балджувана.

Аллаяр — старшина рода кочевых локайцев.

Алайкбахш — бай.

Хаджи Якуб — мулла, мударрис.

Давлят — военачальник.

Дахбаши — десятский, слуга правителя.

Абдукаюм — сборщик налогов.

Закатчи — главный налоговый чиновник.

Карабай — батрак-локаец.

Повстанцы, сарбазы (солдаты), слуги правителя, шут,
тюремщик, палач.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Балджуванская крепость. Одна из богато обставленных комнат правителя Балджувана Хакима. Хаким и Аллаяр курят кальян, разговаривают.

Хаким. Я пригласил вас, додхо, чтобы обсудить с вами одно важное дело. Вы купили у меня зерно из Сарихосора за семь тысяч таньга, не так ли?

Аллаяр. Так, господин.

Хаким. Об этом узнали бай, и у них слюнки потекли.

Аллаяр. Да?

Хаким. Бай Алайкбахш собирается купить зерно из Ховалинга. Сейчас он будет здесь.

Аллаяр. А сколько составит подать с Ховалинга, господин?

Хаким. Примерно столько же, сколько и с Сарихосора.

Аллаяр. Господин Хаким, Алайкбахш никогда не даст семь тысяч таньга.

Хаким. Напротив! Разве вы не знаете поговорку: «У скупого двойной расход». Я надеюсь выжать из этого скряги гораздо больше.

Аллаяр. Каким образом?

Хаким. С вашей помощью, додхо.

Аллаяр. Это как же?

Хаким. Очень просто. Маленькая ложь и больше ничего.

Аллаяр. То есть вы хотите, чтобы я сказал, что заплатил вам не семь тысяч, а больше?

Хаким. Хвала вашей проницательности! Я скажу Алайкбахшу, что додхо Аллаяр дал мне десять тысяч таньга, а вы это подтвердите. Ну, чуть-чуть солжете во благо и с одобрения, только и всего.

Аллаяр. Не чуть-чуть, а на целых три тысячи таньга.

Дахбаши (входит). Бай Алайкбахш пожаловал.

Х а к и м. Пусть войдет.

А л а й к б а х ш (входит). Ассалам алейкум!

Х а к и м. Ваалейкум-ас-салом! Прошу вас, бай, садитесь.

А л а й к б а х ш. О, и додхо здесь! Боюсь, что он уже вырвал у меня изо рта кусок хлеба!

А л л а я р. Да будет ваш хлеб всегда вашим, а мне не дай аллах нуждаться в том, кто скуп.

А л а й к б а х ш. Дай аллах вам побольше ума, а мне — побольше денег!

Х а к и м. Додхо сыт зерном Сарихосора, а ваше останется вам.

А л а й к б а х ш. Жертвой вашей мне стать.

Х а к и м. Ну, чем могу служить?

А л а й к б а х ш. Прежде всего хочу засвидетельствовать свое почтение, господин.

Х а к и м. Хорошо, хорошо, почтение принято, а дело какое ко мне? Зерно из Ховалинга, да?

А л а й к б а х ш. Жду вашего слова, господин.

Х а к и м. Я согласен.

А л а й к б а х ш. Дай бог вам занять еще более высокий пост, господин.

Х а к и м. Как вы знаете, по приказу эмира подать с урожая этого года взимается деньгами. Но откуда у крестьян деньги? Так что вы завяжите в пояс три-четыре тысячи таньга и завтра же отправляйтесь в Ховалинг вместе с моим сборщиком налогов. Когда он объявит крестьянам, что будет взимать подать деньгами, им придется продать зерно любому, кто заплатит.

А л а й к б а х ш. Да пошлет вам аллах изобилие, господин! Сколько же будет стоить рабу вашему эта ваша милость, господин?

Х а к и м. Десять тысяч таньга.

А л а й к б а х ш. Десять тысяч?!

А л л а я р. О, аллах, да он сейчас умрет с перепугу!

Х а к и м. Не хотите, не надо. Додхо Аллаяр купит у меня подать из Ховалинга. Он охотно заплатил мне десять тысяч таньга за зерно из Сарихосора.

А л а й к б а х ш (Аллаяру). Это правда?

А л л а я р. Пусть сгорит мой дом, если лгу!

А л а й к б а х ш. Десять тысяч!!

А л л а я р. Когда щедрый тратит, скупого трясет.

А л а й к б а х ш. Десять тысяч — это очень много, господин, у меня поясница переломится.

А л л а я р. А что я говорил? Этот бай готов десять дней спорить из-за одной монеты.

Х а д ж и Я к у б (*входя, слышит эти слова*). Это вы про бая Алайкбахша? Да он поймает рыбу в сухом русле реки и выжмет масло из песка. (*Смеется.*) Ассалям алейкум.

Х а к и м. Ваалейкум-ас-салом. Милости прошу, до-
мулло.

Х а д ж и Я к у б (*усаживается, Алайкбахшу*). Не обижайтесь, бай, это шутка. (*Хакиму.*) Коль речь зашла о скупых, напомним вам слова одного мудреца: «Спросил я одного юношу: сынок, почему твой отец всегда ест только в темноте? А он ответил: «Бойтся, что при свете его тень протянет руку к миске с едой». (*Смеется.*)

А л а й к б а х ш. «Еще никому не довелось увидеть ног муравья, молока птицы и хлеба муллы», — сказал тот же мудрец. (*Смеется.*)

Входит Давлят.

Д а в л я т. Ассалям алейкум.

Х а к и м. Ваалейкум-ас-салям. С чем пришел, караул-беги?

Д а в л я т. Господин, из Бухары прибыл главный налоговый чиновник, с ним есаулы и солдаты.

Все встают.

Х а к и м (*направляясь к двери*). О волнениях среди крестьян — ни слова! В области все спокойно.

В дверях появляется бухарский чиновник — З а к а т ч и.

З а к а т ч и. О, да тут есть и кальян.

Хаким хлопает в ладоши, вбегает слуга.

Х а к и м (*слуге*). Беги, смени воду и заложь свежий табак, быстро!

З а к а т ч и. Потом, потом, пока и этот сойдет. (*Слуге.*) Давай сюда.

Алайкбахш быстро берет из рук слуги кальян и подает чиновнику.
Закатчи курит.

Х а к и м (*Дахбашу*). Приготовить зал для приема гостя, да побыстрее.

Дахбаши выходит.

З а к а т ч и. Повинуясь высочайшему повелению, мы спешно тронулись в путь, так что не успели предупредить. *(Смотрит на присутствующих.)*

Х а к и м *(представляет ему присутствующих)*. Это домullo Хаджи Якуб, старший мударрис. Наш постоянный собеседник. Пользуется большим авторитетом. Мы всегда посылаем его, когда нужно дать наставление народу.

Х а д ж и Я к у б *(подходит к Закатчи и здоровается с ним)*. Господин Хаким порицает и наказывает, а мы увещеваем и наставляем... Добро пожаловать. Да будут наши души вам жертвой, а голова, что у нас на плечах, да будет прахом у ваших ног.

Х а к и м. А это старейшина локайского племени, полковник, додхо Аллаяр.

А л л а я р *(подходит, здоровается)*. Господин, сегодня утром у меня дрожало правое веко, и я подумал: будет мне какая-то радость. Оказалось, это было к встрече с вами.

Х а к и м. А это один из почтеннейших людей Балджувана бай Алайкбахш.

А л а й к б а х ш *(здоровается очень учтиво)*. Жизнь моя и все состояние — ваши. Если бы мы знали о вашем прибытии, то встретили бы вас еще в пути.

Х а к и м. А это — начальник стражи, караулбеги Давлет.

Д а в л я т. Ваш покорный слуга — сторожевой пес у дверей его величества эмира. Где бы ни подняли головы враги моего эмира, вот этим мечом изрублю их на куски.

З а к а т ч и. Искусаю, изорву зубами...

Д а в л я т *(не поняв насмешки)*. Искусаю? Как это, господин?..

З а к а т ч и. Но вы же себя назвали чем-то таким у дверей эмира. *(Смеясь, хлопает Давлета по плечу.)* Молодец, молодец...

Х а к и м. Дорогих гостей прошу садиться. *(Все усаживаются.)* Здоровы ли его величество?

З а к а т ч и. Благодарим всевышнего.

Х а к и м. Дай аллах, чтобы так было всегда, да не уменьшится высочайшая милость над нами.

З а к а т ч и. Здоровье его величества и высочайшее покровительство э-э-э... зависят от того, поступят ли в срок и в достаточном количестве налоги и подати. Э-э-э... Зная цену вашим заслугам, э-э-э... признаюсь вам, что

его величество призвали раба своего э-э-э... и приказали: поезжай в горы с ревизией, э-э-э... все проверь и узнай, почему так медленно и так помалу поступают в казну подношения нам, а также налоги и подати... Э-э-э... Ну вот я и прибыл. Э-э-э... Впервые в горном краю. Да здесь одни таги, повсюду камни и тропинки узкие, как глаза скупого. Хлеб, значит, сеют на склонах гор. Э-э-э... По дороге сюда кое-где заметили мы крестьян на жатве. Но, завидев нас издали, они разбегались. Э-э-э... Что за дикий народ здесь. Они что, никогда не видели всадников?

Д а в л я т. От страха перед чиновником и стражниками, господин.

З а к а т ч и. Страх — это хорошо. Чернь должна бояться власти, э-э-э... голову должна перед ней склонять, на все отвечать: «Как изволите, господин!»

А л а й к б а х ш. Господин сказали, что, здесь таги, а что они имели в виду?

Х а д ж и Я к у б. Это по-узбекски значит горы. Бухарцы их тоже называют так.

А л л а я р (Алайкбахшу). Пятьдесят лет живете бок о бок с нами, узбеками, а не знаете, как у нас зовутся горы? Как вам только удалось разбогатеть с таким умом?

А л а й к б а х ш. Ну, а вы дожили до седых волос и не знаете, что богатство от бога, ум тут ни при чем.

А л л а я р. Bravo! Да я ведь об этом и веду речь.

А л а й к б а х ш (Закатчи). Додхо постоянно оттачивает свой язык о мой брусок. (Смеется.)

З а к а т ч и. Ладно, значит, э-э-э... о чем же я сейчас говорил? Да, о горцах. Его величество, э-э-э... беседуя со своим рабом, обмолвились: наши предки мечом покорили горный край и горцы — наши пленники, мужчины — рабы, женщины — рабыни. Э-э-э... Они без звука должны отдавать нам все, что мы потребуем.

Х а к и м. Без всякого сомнения.

З а к а т ч и. А что вы сделали с Восэ, господин Хаким?? Еще не схватили его?

Х а к и м. Тысяцкому Кизилмазара Саидкулу было приказано его выследить. Бог даст, не сегодня-завтра его все же схватят.

З а к а т ч и. Кто он такой, этот Восэ? Чем занимается?

Х а к и м. Вор он и бунтарь, господин. Собрал вокруг себя дружков и разбойничает на дорогах.

З а к а т ч и. Его величеству донесли: в горах беспокой-

но. Будто бы крестьяне уклоняются от налогов и податей, бунтуют, убивают чиновников и сборщиков налогов. Э-э-э... Правители областей вынуждены посылать к крестьянам солдат. Его величество эмир повелели: для устрашения народа в каждой области схватить и повесить несколько бунтовщиков. Э-э-э... Надо пустить кровь!

Да х б а ш и (входит). Угощение подано.

Х а к и м (Закатчи). Прошу в зал. Там все готово для гостей. (Все встают.)

С л у г а (входя). Прибыл амлякдар, сборщик налогов из Ховалинга, говорит, ему нужно видеть господина Хакима по срочному делу.

А б д у к а ю м (входит, не дождавшись разрешения, очень взволнован). Ассалам алейкум.

Х а к и м. Ну, что случилось, Абдукаюм?

А б д у к а ю м. О, если бы я мог принести добрую весть этому высокому собранию!

Х а к и м. Говори же!

А б д у к а ю м. Бунт, господин. Выехал я на взимание податей. И вдруг в деревне Дарай-Мухтор объявился этот смутьян Восэ. Напал на меня врасплох. Два солдата убиты, четверо ранены. А нечестивцы прихватили ружья убитых и раненых и скрылись в горах. Сам я едва спасся бегством, господин!

Закатчи смотрит в упор на Хакима, Хаким опустил голову.

З а к а т ч и. Странные дела у вас творятся, Хаким! (Абдукаюму.) Так вы говорите, Восэ?

А б д у к а ю м. Сущая правда, господин: Восэ, сын Шакара! Тысяча проклятий на его голову!

З а к а т ч и (Хакиму). Так вы понимаете, что надо пустить кровь? Кровь!..

З а н а в е с

КАРТИНА ВТОРАЯ

Ховалинг. Площадь перед небольшой крепостью. На площади народ. Появляется Давлят, за ним — два сарбаза (солдата) с ружьями. Они пересекают площадь по направлению к крепости. Давлят идет сквозь толпу с надменным видом. Кое-кто из крестьян низко кланяются ему, почтительно с ним здороваются. Особенно подобострастно ведет себя Сангали.

Давлят. А, это ты, Сангали. Ну, как поживаешь?

Сангали. Здоровья вам, господин караулбеги. Ска-

жите, а налоговый чиновник его высочества эмира будут говорить с народом?

Давлят. Он сюда для того и приехал.

Сангали. А что они скажут? Может, объявят какой-то приказ эмира?

Давлят. А тебя какой приказ эмира устроит?

Сангали. Господин, кое-кто говорит, что эмир решил поступить по справедливости — не взимать подать два года подряд. Ведь в прошлом и позапрошлом году был неурожай от засухи.

Давлят. Многого ты хочешь, как я погляжу. Ну, ну, постой, послушай. *(Удаляется.)*

Первый крестьянин. Он что, знакомый Сангали?

Второй крестьянин. Сангали когда-то служил в доме Хакима. Как же им не быть знакомыми?

Давлят *(на пути его встал Гулькурбон)*. А, хафиз! Почему не здороваешься? А ну, прочь с дороги!

Гулькурбон. Проходи, проходи, начальник. Сначала сам бы поздоровался, как младший.

Давлят. Преградил мне путь да еще хочет, чтобы я первый с ним здоровался!

Гулькурбон. Будь моя воля, так я бы тебе все пути перегородил.

Давлят. Ого! Это почему же?

Гулькурбон. А потому, что поганые ноги твои оскверняют землю, по которой ступают.

Хикмат. Истинную правду говоришь, Гулькурбон, слава твоему языку.

Давлят бросает взгляд на сарбазов. Те угрожающе приближаются к Гулькурбону, но на пути их встают крестьяне и закрывают собой народного певца.

Давлят *(указывая на Хикмата)*. А этот пес кто?

Хикмат. Пес тот, кто облизывает тарелки с обедками Мангитов¹.

Давлят. Проклятый голодранец!

Хикмат. Ах-ах, напугал? У меня нет сада в Чагане, который ты мог бы разорить. Мне терять нечего...

Давлят. Ну, погоди, попадешься ты мне!

Проходит в ворота крепости.

Хикмат *(Сангали насмешливо)*. Видел? Помолись за

¹ Бухарские эмиры происходили из узбекского рода Мангитов.

эмира, может, он уменьшит подать. (*Гулькурбону.*) А еще родственник Восэ! Увидел эту собаку и начал кланяться, землю бородой подметать!.. (*Сангали.*) Ты — позор рода Восэ!

Первый крестьянин. А кем он доводится Восэ?

Хикмат. Зятем. Сестра Восэ замужем за ним.

Второй крестьянин (*Сангали*). Кто это тебе сказал, что эмир уменьшит подать?

Сангали. Как говорится, мир полон надежд. Новый эмир, говорят, справедливый.

Гулькурбон. А другую поговорку не слышал?

Сангали. Какою?

Гулькурбон. Новый правитель — новая беда, новые мучения беднякам.

Хикмат (*Мухаммадали*). И ты здесь, Мухаммадали? Ну, стал ты старостой деревни или еще нет?

Крестьяне смеются.

Первый крестьянин. А разве его хотели сделать старостой?

Хикмат (*насмешливо*). Его уже давно должны бы поставить старостой. Мало разве угощал он чиновников? Мало давал взятки сборщику налогов? Бедняга зарезал последнего петуха, чтобы накормить его, а теперь его курицы остались без петуха.

Гулькурбон. Старой корове снится жмых, а молодому Мухаммадали — чин старосты.

Смех.

Мухаммадали (*беззлобно*). Чего смеетесь? Не грех ведь и помечтать. А у тебя, Хикмат, дурная привычка всех высмеивать.

Второй крестьянин. А хорошо быть старостой, а, Мухаммадали?

Мухаммадали. Да разве плохо — тут тебе и слуги, и писари, все готовы услужить. Только икнешь, а они уже: «Что вы сказали, господин?» Собираешься вскочить на коня — спешат подержать стремя. Эх, хоть бы год побыть старостой! А этот подлый сборщик съест угощение, а на другой день даже и не здоровается. Ненавижу этих чиновников. У меня зуб на них. (*Посмотрел вокруг.*) Ей-богу, уйду к Восэ, вот уж тогда отомщу этим мерзавцам за все.

Из ворот крепости выходят Зака т чи, Ха к им, Дав л я т, Аб ду ка ю м, Ха д жи Я ку б и Ал ла я р, с ними сар ба зы с винтовками и слуги с палками. Два сарбаза и палач ведут Аю ба и За и ра, у которых руки связаны спереди. Их ставят на колени в стороне. Народ удивлен и взволнован. Голоса: «Что такое?», «Что они собираются делать?» Палач бросает табак (нас) под язык и начинает точить нож.

Дав л я т. По высочайшему повелению эти два вора и разбойника из банды Восэ будут казнены во славу его величества эмира благословенной Бухары!

За ка т чи. Смотрите и извлекайте для себя урок, подданные! Так всегда будут наказывать врагов нашего повелителя. Э-э-э... Город не без ворот, а государство не без хозяина! Э-э-э... Кем вы были прежде, жители гор? Диким народом, только понаслышке знавшим о вере мусульманской, о шариате, э-э-э... Что это такое — вы даже и не ведали. Не так ли, домулло?

Ха д жи Я ку б. Воистину так, досточтимый. Этот народ погряз в неверии и ереси. Теперь же, благодарение богу, настало благословенное время, когда он под покровительством справедливого эмира приобщился к шариату, стал пользоваться благами нашей веры.

Ха к им. Людьми они стали, правильно говорит домулло!

За ка т чи. А вы, вместо того чтобы благодарить его величество и восхвалять в своих молитвах, э-э-э... выказываете неповиновение его чиновникам, уклоняетесь от уплаты податей и налогов, установленных э-э-э... для подданных государства. Так поступают только неблагодарные, неверные люди...

Ха к им. Сейчас вы увидите, как наказывается неблагодарность и неповиновение! (Указывает на пленников.)

За ка т чи. Священный меч справедливости не затушился! Как подданные его величества, э-э-э... вы должны уплатить все подати и налоги за прошедшие два неурожайных года, э-э-э... а к этому прибавите еще и налоги этого года!

Ха д жи Я ку б. По шариату, имущество подданных так же, как и их души, принадлежат падишаху. Падишах страны берет у своих подданных все, что пожелает и сколько пожелает, ибо, что бы и сколько он ни взял, он берет из принадлежащего ему.

Ал ла я р. Досточтимые господа, разрешите и мне сказать слово.

За ка т чи. Говорите, доджо.

Аллаяр. Эй, подданные, кто я такой? Вы знаете меня! Я — старейшина локайского племени, додхо, полковник, чиновник его величества эмира, имею высочайшую грамоту. Только шевельну усами, и две тысячи храбрых всадников сбегутся ко мне в ожидании приказа. Если у высокородного Хакима не хватит воинов, чтобы схватить бунтарей-приспешников Восэ, я помогу ему. (Закатчи.) Пусть будут спокойны его величество эмир, верный раб его додхо Аллаяр всегда готов служить своему повелителю!

Аюб. Кровопийцы! Палачи! Убивайте, захлебнитесь нашей кровью! А вы, люди, что же вы смотрите?! До каких пор мы будем терпеть насилие, издевательства!..

За сценой слышен топот конских копыт, шум, крики.

Голоса из толпы. Восэ!.. Восэ!..

Чиновники и стражники в смятении. Народ заволновался. За сценой стрельба. Чиновники пытаются бежать. Закатчи, раненный выстрелом, падает, его поднимают приближенные. Палач, оставив связанных пленников, убегает. Народ освобождает их. Появляются повстанцы во главе с Восэ, они вооружены палками, ружьями, саблями.

Восэ. Бейте их, друзья! Бейте мангитских волков!

Рукопашный бой повстанцев с сарбазами. К повстанцам Восэ присоединяются люди из толпы — Хикмат, Гулькурбон и другие.

Восэ (освобожденным пленникам). Аюб! Заир! Бейте этих кровопийц!

Аюб и Заир выхватывают ружья у стражников и вступают в бой. Повстанцы убегают со сцены, преследуя бегущих врагов. Через некоторое время на сцену возвращаются Восэ, Назир, Назим, Саидали, Одина. Вокруг них собирается народ. Ризо ведет пойманного Абдукаюма.

Назим. Где ты его схватил, Ризо?

Ризо. На берегу речки. Хотел спрятаться в стоге сена, но я его вытащил за ноги.

Хикмат. Кончить надо этого мерзавца!

Аюб, Заир и другие бросаются на Абдукаюма. Восэ удерживает их.

Восэ. Не время еще, потом с ним поговорим. А пока посадите его в крепости под замок. (Абдукаюма уводят.) Братья! Бедняки! Поднимайтесь на священную борьбу! Я обнажил меч против притеснителей. Угнетение перешло все границы, страна разорена, народ обнищал. Эмир,

Хаким и его чиновники нас за людей не считают, грабят, убивают. В своей стране мы — скитальцы бездомные. Все как один на борьбу за свободу, бедняки!

Назир. Вы слышите, люди? Богатырь Восэ — наш глава, наш предводитель! Все, у кого есть честь и достоинство, вперед! Встанем на борьбу! Пусть мангитские звери почувствуют нашу силу!

Мухаммадали. Хороши твои речи, Назир!

Саидали. Бей чиновников и сарбазов! Отбирай у них добро! Я, Саидали, пока не отомщу за свой разоренный сад в Чагане, не успокоюсь, братья мои!

Назим. Отомстим за поруганную честь тиранам, люди!

Восэ. Бери в руки меч, а не найдешь меча, бери палку, топор!

Назир. Отцы и деды наши говорили: «Приходит время, когда рука должна взять острый меч».

Одина. Пролить кровь угнетателей нам дозволено шариатом!

Восэ. Если тиран — волк, стань львом. Если тиран — огонь, стань горным потоком. Тот, кто спит, пусть проснется, а кто проснулся — садись на коня! Поднимайся на священную войну, народ!

Уходит, все идут за ним.

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Уголок небольшого сада. В глубине двора виднеется крыша дома. Аноргуль собирает в корзину плоды тутового дерева. С улицы входит Гулизор.

Гулизор. В домах соседей и на улицах только и разговору что об отце. Говорят даже, что Хакима убили.

Аноргуль (*испуганно*). Неужели?!

Гулизор. Говорят, почему отец не возвращается? От него самого бы все узнали. Прислал бы хоть Ризо!

Аноргуль. Не знаю, что и подумать. Вот уже четыре дня, как от них нет вестей.

Слышен стук копыт.

Гулизор. Мама! Ты слышишь? Это отец!

Аноргуль. Откуда ты знаешь, что это отец?

Гулизор. Сердце мне подсказывает. (Выбегает за калитку и вскоре появляется вместе с Восэ. У него на боку сабля, одной рукой он обнимает за плечи Гулизор.) А что я тебе говорила, мама? Папиного коня я узнаю по стуку копыт за полверсты!

Восэ. Здравствуй, моя Аноргуль.

Аноргуль. О боже, ты вернулся!

Восэ. Вернулся, родная. Волновались?

Аноргуль. Четыре дня места себе не нахожу. В сердце — страх, глаза устремлены на калитку, уши ловят людскую молву. После того как ты разбил и разогнал чиновников с сарбазами, где ты был? О боже: сабля, шаровары!.. Кто этот человек? Отец моих детей — предводитель войска, храбрый воин?

Восэ. И тот, и другой, и третий, и даже четвертый.

Аноргуль. Кто же еще?

Восэ. Крестьянин, бедный маслобойщик. Как дети? Здоровы? Где Хасанджан, Давлятджан? Как ты, Гулизор? Я так по вас соскучился!

Гулизор. Все хорошо. Братишки здоровы. Ты скоро увидишь их, отец.

Аноргуль. Сядь, Восэ. Отдохни с дороги. И расскажи, что там было, в Ховалинге?

Восэ. Терпения больше нет, родная Аноргуль, лопнуло терпение. Надо выбирать: честь и свобода или смерть от горькой доли. Но чем умирать от нищеты и унижений, так лучше погибнуть в борьбе против наших притеснителей... Мы обратили в бегство чиновников со стражниками, захватили их ружья и сабли и пошли в Сарихосор. Там к нам присоединился охотник Назир с бедняками. На обратном пути остановились в Боги Зогон и взяли с собой Саидали. А в Ховалинге стали ждать прибытия эмирского налогового чиновника. Когда Закатчи прибыл, мы напали на канцелярию Ховалинга. Хаким приказал казнить Аюба и Заира, но мы их освободили. Закатчи ранен или убит, точно не знаю, а Хаким бежал. К нам в руки попал сборщик налогов Абдукаюм. Я посылал человека в Куляб к локайцу Тугаю Юлчи, он обещал присоединиться к нам.

Аноргуль. Не понимаю, какой помощи можно ждать от этого конокрада и разбойника.

Восэ. Пусть он разбойник, но и от его помощи отказываться нельзя. Как говорится, от медведя хоть шкура. Локайцы Куляба недовольны Хакимом, точат зуб на

него: под предлогом поимки воров и поисков краденого он погнал их стадо баранов в Хингоб и присвоил.

А н о р г у л ь. Боюсь я, Восэ, очень боюсь за тебя.

Восэ. Не бойся, родная моя. Ты же смелая дочь Дар-ваза.

А н о р г у л ь. А где Ризо? Он тоже был с тобой?

Восэ. Да, он был со мной. Сейчас придет. Недаром я приютил этого безродного сироту и назвал своим сыном, он — отважный парень. *(Смотрит на Гулизор, та смущенно отворачивается.)* Это он схватил Абдукаюма. А сейчас я велел ему найти и привести Касима. *(Сурово.)* Касим... У меня к нему есть разговор!.. *(Пауза.)* Я пришел проститься с вами, в ущелье меня ждут друзья. Нам нельзя здесь долго оставаться. За мной по пятам ходит Саидкул из Кизил-Мазара. Помнишь, его еще прозвали Комок глины? Да и Хаким держит сарбазов наготове.

Гулизор. Отец, возьми меня с собой.

А н о р г у л ь. Что такое? Ты с ума сошла, Гулизор?

Восэ. Моя дочь. *(Целует ее в лоб.)* Хочешь сражаться? Не испугаешься?

Гулизор. Ты помнишь, как я схватила за узду коня надзирателя за урожаем и не испугалась? Или забыл?

Восэ. Да, помню. Наш сосед Шариф видел это и до сих пор всем рассказывает. Говорит: «Восхищаюсь дочерью Восэ: надзиратель выхватил из рук братишек Гулизор пшеничные колосья и помчался на коне по полю. А дочь Восэ побежала ему наперерез, схватила коня за узду и стала звать отца. Этот подлец так и не смог ничего поделать, пока не подросел Восэ»...

Входят Ризо и Касим. У Ризо на плече ружье. Касим с опущенной головой.

Р и з о. Ассалям алейкум, тетушка.

А н о р г у л ь. Ваалейкум-ас-салим. Как поживаешь, Ризоджан?

Р и з о. Здравствуй, Гулизор.

Гулизор молча кивнула, глаза ее сверкнули, и она стыдливо отвернулась.

Восэ *(Аноргуль и Гулизор)*. Идите в дом, мне нужно поговорить с Касимом. *(Аноргуль и Гулизор уходят.)* Касим! Когда мы сражались в Ховалинге, друзья спрашивали меня: «Восэ, где твой брат? Почему он сбе-

жал по дороге?» И я не знал, что ответить... Как ты это объяснишь?

К а с и м. Я хотел проведать своих... Жена осталась одна с ребенком...

В о с э. А разве у других не остались дома жены и дети?

К а с и м. У других? Какое мне дело до других? У меня свои заботы...

В о с э. У тебя свои заботы? А другие пусть за тебя кровь проливают? *(В гневе кулаком сбивает его с ног.)* Негодяй! Подлец! Вставай и тотчас же отправляйся к охотнику Назиру! Я определяю тебя в его отряд. Будешь делать все, что прикажет Назир! Иди! А если опять сбежишь, убью! Отправляйся сейчас же!

Касим уходит. Восэ идет к дому, ему навстречу выходит Гулизор.

Гулизор. Пойду возьму корзину, она там осталась.

В о с э. Побудь здесь, дочка, я хочу поговорить с матерью. *(К Ризо.)* Подожди меня.

Идет к дому. Ризо и Гулизор стоят молча. Потом Гулизор шутливо строит ему рожицу. Ризо смущенно улыбается.

Гулизор. Посмотрите, какой важный стал. Ружье повесил на плечо! Где ты его взял?

Р и з о. Кто ищет, тот находит.

Гулизор. Ты что, сражался?

Р и з о. А как ты думаешь?

Гулизор. Почему не хвастаешься, что поймал Абдукаюма?

Р и з о. Где надо, там похвастаюсь.

Гулизор. А передо мной не похвастаешься?

Р и з о. С тобой у меня другой разговор.

Гулизор. Какой?

Р и з о. Сама знаешь.

Гулизор. Откуда же мне знать, если ты не говоришь? Ну, так какой разговор?

Р и з о. Если бы ты не рассердилась... не убежала бы, как тогда... если бы ответила мне на мои слова... я бы...

Гулизор. Если бы у тети была борода, она была бы мне дядей. Из «если бы» выросло «кабы». «Кабы» посеяли, да оно не взошло. Ну а без «если бы да кабы» что ты скажешь?

Оба весело смеются.

Ризо. Тогда бы я так сказал. Рассказал бы сначала, что живет в горной стране одна девушка. Она красивее всех девушек на свете, и похитила та девушка сердце одного молодого бродяги. Из-за нее лишился он разума и каждый день тысячу раз становится жертвой ее нежного стана, красивого лица, больших блестящих глаз, черных кос, плавной поступи...

Гулизор принимается собирать ягоды с ветки тутовника. Молчание.

Гулизор. Ризоджан, ты, наверное, знаешь много двустиший, а?

Ризо. Не больше, чем ты.

Гулизор. Давай посостязаемся, кто больше знает стихов! Отец с матерью еще долго будут разговаривать.

Ризо. Согласен, ты начинай.

Гулизор (*задумывается*).

О черный мрак разлуки, подобный тьме ночей!
Во мраке вижу кудри — и мрак еще черней.

Ризо. Как тьмой не быть объатым, когда свечу желанья
Зажечь не в силах сердце от призрака страданья?

Гулизор.

Не знает тот, кто не был хоть раз любовью пьян,
Вина, что опьяняет сильнее, чем дурман.

Ризо. Во зле повинны люди, в корысти — зла причина.

Во всех моих печалях красавица повинна.

Гулизор.

Вопить из-за колючки — таков удел людей.
Из-за прекрасной розы рыдает соловей.

Ризо. Любовь, как зной пустыни, томит влюбленных жаждой.

Отправиться в пустыню отважится не каждый.

Гулизор замешкалась.

Ризо. Я не дерзну губами твоих коснуться ног,
Но дай мне в изголовье, как милость, твой порог!

Гулизор. Ты выиграл, Ризо! Дарю тебе мой город.

Ризо. С тем условием, что ты сама будешь в том городе.

Гулизор, схватив корзину, бежит в глубь сада, Ризо — за ней. Появляются Восэ и Аноргуль. Аноргуль плачет.

Восэ. Не плачь, любимая, будь мужественной. Не буду скрывать от тебя: дело, за которое я взялся,— кровавое дело. Если погибну, не убивайся сильно, ведь погибну за счастье народное. Останется жив Ризо, отдай за него дочь, а нет — возьми в зятя другого честного человека. Сыновей наших вырасти. Расскажи им и внукам нашим, если тебе посчастливится их увидеть, обо мне и делах моих. Пусть всегда помнят своего отца и деда. Пусть всегда будут честными, отважными, пусть не мирятся со злом, притеснением, несправедливостью. Вот уже двадцать лет, как полюбил тебя. От тебя видел я всегда любовь и заботу и сам всегда жалел тебя. Любовь к тебе и после смерти не покинет мое сердце, дорогая моя. А если, бог даст, я одержу победу над врагом, вернусь живым, мы опять будем вместе, проживем в любви нашу жизнь, достигнем исполнения того, чего желаем для наших любимых детей. Пока существует мир, существует и надежда. Может, и для нас, бедняков, настанет время, когда счастье улыбнется нам. Ведь на смену темной ночи всегда приходит светлый день. Недаром говорят: светильник несправедливости гаснет, когда приходит рассвет.

Аноргуль. Опечалил ты меня, Восэ, растревожил мое сердце. Дай бог тебе вернуться живым и невредимым. Да сгорит дом злодеев, что навлекли на наши головы эту разлуку при жизни, это горе и страдания! Но ты не думай, что я на тебя обижаюсь, Восэ. Если бы я была женщиной, то я тоже подняла бы меч на притеснителей. Где бы ты ни был и что бы ни выпало тебе на долю — печаль ли, радость ли, знай: я всегда с тобой. Душа моя, сердце мое, все помыслы мои всегда будут с тобой.

Появляются Ризо и Гулизор.

Восэ. Прощай, дочка, будь счастлива. Береги мать и братишек; смотри, Гулизор, на тебя оставляю их.

Гулизор (плачет, обнимает отца). Счастливого пути, отец. Уходишь здоровым, невредимым, возвращайся таким же. Дай бог тебе победить всех врагов!

Ризо. Прощайте, тетя. Прощай, Гулизор.

Аноргуль. Доброго пути, Ризоджан, храни тебя бог!

Восэ и Ризо уходят. Топот конских копыт постепенно затихает в отдалении.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Прибежище повстанцев в долине Кизил-су на берегу реки, у подножия перевала Хайдар, близ Балджувана. Скалы, деревья. Под большим тутовником у скалы — место Восэ. Тут же Хикмат кипятит воду в чайнике, раскладывает лепешки. Заир большой иглой сшивает упряжные ремни. Вдали видна Балджуванская крепость. Хафиз Гулькурбон играет на домбре и поет.

Восэ. Молодец, брат! Твое пение вселяет силу в наши сердца. (С Назиром, Назимом, Саидали, Одиной, Аюбом и Мухаммадали Восэ подходит к тутовнику у скалы. Хикмат берет его чакман и вешает на дерево. Льет воду ему на руки из глиняного кувшина.) Коней напоил, Заир?

Заир. Напоил, ака Восэ, и овса дал.

Восэ. Что ты шьешь?

Заир. Упряжные ремни на швах разорвались.

Восэ. Ты хороший конюх, Заир. (Все усаживаются вокруг разостланной скатерти с едой.) Пока отдыхаем, отставшие подоспеют. После полудня двинемся. Пойдем прямо на Балджуван, нападём на крепость. Познакомь их с планом, Назир.

Назир. План такой, друзья. Восэ идет впереди с всадниками. Вместе с ним я и Саидали. А вы, Назим и Мухаммадали, поведете за нами пеших с вилами и рогати-нами. Согласны?

Назим. Согласны.

Назир. Предводитель — Назим. (Мухаммадали делает движение, выражающее недовольство.) Одина поведет вслед за Назимом пеших с дубинками. А ты, Аюб, как хороший охотник, возьми людей с ружьями и поднимайся с ними на мазар Ходжи Балджувана. Там засядете и будете внимательно наблюдать за крепостью. Как только оттуда выйдут сарбазы, стреляйте. Ваша цель — расстроить их ряды. Бери, Аюб, лепешки с толокном и двигайся. Время дорого, братишка.

Аюб. Слушаюсь. (Уходит.)

Восэ. А ты чего нахмурился, Мухаммадали?

Назир. Ясно, почему: обиделся, что предводителем будет Назим, а не он.

Восэ (Мухаммадали). Командовать людьми с вилами

и рогатинами — это ведь не чиновный пост, из-за которого можно было бы обидеться.

Одина. Для Мухаммадали и это обидно.

Восэ. Назим — предводитель, а он — его помощник. Чего тут обижаться?

Мухаммадали. Раздели людей с вилами и рогатинами на два отряда. Один возьмет Назир, другой — я.

Одина (смеется). А я что говорил? Ему только то и надо, чтобы стать предводителем и командовать.

Мухаммадали. Попал в самую точку: это мне и надо.

Восэ (шутливо). Возьмем Балджуван, назначу тебя, Мухаммадали, сборщиком налогов в Ховалинге.

Мухаммадали. Смотри, сдержи свое слово, Восэ. А Балджуван ты непременно возьмешь и сделаешься его правителем. Сам Ходжа Хизр тебе помогает.

Назир. Откуда тебе известно о помощи Хизра?

Мухаммадали. Народ говорит.

Восэ. А что он говорит?

Мухаммадали. Рассказывают, что на свадьбе сына Аллаяра ты объезжал только что взнузданного норовистого коня, и он тебя понес. У деревни Хуроб ты оказался у самой пропасти. Вдруг появился святой Хизр и схватил коня за узду. Если бы не схватил, конь бы непременно свалился в пропасть вместе с тобой. А потом Хизр будто бы сказал тебе: «Воюй, Восэ, ты победишь».

Восэ (смеется). Там, на краю пропасти, я сам удержал коня, никакого Хизра... *(Назир тихонько потянул Восэ за рукав, и Восэ, поняв его, продолжил.)* Да, появился какой-то благообразный старец... взял коня под уздцы...

Два повстанца с дубинками гонят перед собой Сангали. Голоса: «Поймали Сангали!» Шум, крики. Кроме Восэ и Назира, все пошли к толпе.

Назир. Твоего зятя поймали.

Восэ. Я сам приказал. Клевещет на меня, проклятый.

Назир. Что ты с ним сделаешь?

Восэ. Прикажу убить!..

Назир. Не советую. Поведи себя умнее. Пусть людской суд его накажет. Это будет поводом и тебе произнести речь, чтобы вселить в сердца людей уверенность и силу.

Оба встают и подходят к группе повстанцев.

Первый повстанец. Восэ! Мы поймали Сангали.
Второй повстанец. Схватили его на перевале.
Восэ. Сбежал? (Сангали молчит.) Струсил?

Сангали (вдруг язвительно). Да, струсил! Да и как не струсить, если желание стать эмиром затуманило тебе голову, если для тебя кровь бедняков все равно что вода? Объявил, видите ли, священную войну! Ведешь людей на смерть. У эмира и правителей — войско, а у тебя что? Мужики с дубинками? Где твое войско? Вот эти босые бедняки? Что они могут? Ты сложишь и свою голову, и их всех погубишь!..

Повстанцы молча смотрят на Восэ.

Восэ. Я тебе отвечу. Пустые слова ты сказал, Сангали. Сразу видно, что ничего ты не понимаешь. Во-первых, я не стремлюсь стать эмиром. Бедняки выбрали меня эмиром газавата, эмиром войны. Даст бог, мы захватим Балджуван и призовем прежнего эмира Куляба и Балджувана Сарихана, который бежал в Афганистан от эмира Музафара. Пусть вернется в свою крепость и управляет народом, а мангитских чиновников и солдат прогонит с нашей земли. Сарихан происходит из нашего народа, он был справедливым. А если народ не захочет Сарихана, пусть выберет своего эмира. Еще ты, Сангали, спросил, что могут бедняки, вооруженные дубинками? А я скажу, что если люди с дубинками смело и отважно пойдут на священную войну, то их дубинки будут не хуже пушек и ружей. У афганцев есть поговорка: «Самое лучшее оружие то, которое у тебя в руках». Кто разбил и обратил в бегство сарбазов в ущелье Мухтор? Кто разгромил Мингбаши Кулуха? Кто погнал из Ховалинга Хакима и его войско? Вот эти бедняки с дубинками. Мы победим войска эмира. От них страдаем не только мы, таджики, но и другие бедняки. Я считаю, что эмирские слуги и солдаты подобны вора, а воры всегда трусливы, сердца у них овечьи. Когда хозяин дома узнает, что к нему залез вор, он зовет соседей, хватает дубинку и бросается на вора. Вор от страха бежит или же сдается. Разве это не так, друзья?

Голоса из толпы. Так!.. Твоя правда, Восэ!

Восэ. И еще я так скажу, друзья, а вы послушайте: сборщики налогов и сарбазы эмира — презренные воры, кровожадные грабители, нет у них ни стыда, ни совести, ни чести! Когда они столкнутся с простыми честными

людьми, то не выдержат и отступят. Позор падет на их головы, и они будут разбиты!

Голоса из толпы. Они будут разбиты! Твоя правда, Восэ! Хороша твоя речь! Ты высказал то, что у всех нас в душе, Восэ! Это наши слова!.. Пророк Хизр взял Восэ под свое покровительство! Святой Ходжа Балджуван, святой ходжа Аюб Ансор надели на Восэ одежду мудрости!

Восэ. Сангали, взойди на этот большой камень! Взойди на него и громко скажи народу: «Я малодушный и подлый человек. Вы идете воевать со злодеями, а я не иду с вами. Пусть эмир и его чиновники отнимут у меня все в счет налогов и неправых поборов, пусть сделают меня рабом, а жену мою и дочерей рабынями, пусть до смерти заморят всех голодом,— я не двинусь с места, спокойно примирюсь с этим, ибо нет у меня ни совести, ни чести». Скажи все это этим беднякам, и я отпущу тебя, чтобы ты продолжал вести свою собачью жизнь!

Голоса из толпы. Выйди и скажи! Взойди на камень!.. Подлец!.. Надень женское платье!.. Поважи голову платком, проклятый!..

Ризо. Ака Восэ, со стороны крепости едут два всадника.

Назим (смотрит туда). Кто это может быть?

Назир. Узнаю его белую чалму, это богослов Хаджи Якуб.

Одина. А другой — бай Алайкбахш.

Появляются Хаджи Якуб и Алайкбахш.

Хаджи Якуб. Эй, ты, Восэ, ты, который против священной, данной шариатом власти Балджувана зажег огонь бунта! Его величество эмир благословенной Бухары приказали нам, двоим правоверным мусульманам...

Восэ. ...пойти и спросить, зачем пришли к крепости Балджувана бедняки?

Хаджи Якуб. Именно это.

Восэ. Конечно же, они пришли не на прогулку.

Хаджи Якуб. Эмир повелели спросить: эти бедняки, которые подняли бунт...

Восэ. Ну, ну?

Хаджи Якуб. Чего они хотят? Какие у них намерения?..

Восэ. Разве Хаким до сих пор не понял наших намерений?

Хаджи Якуб. Господин Хаким... справедливый и благосклонный к подданным... своей милостью...

Алайкбахш (тихо ему). Да что вы жуете каждое слово, домулло! (Восэ.) Хаким согласен наполовину уменьшить налог двух будущих лет.

Хаджи Якуб. Но при двух условиях.

Восэ. Есть еще и условия?

Алайкбахш. Во-первых, ты, Восэ, должен отдать оружие, взятое у Мингбаши Кулуха.

Восэ. Мингбаши не давал нам оружие, мы захватили оружие в бою.

Хаджи Якуб. Вы в ущелье мазара Додарак убили Мингбаши...

Восэ. Такова участь поднявшего меч против народа.

Хаджи Якуб. В уплату за невинную кровь Мингбаши, а также за невинную кровь сборщиков налогов его величества вы отдадите назад упомянутое оружие.

Восэ. А кто заплатит за кровь убитых невинных бедняков?

Алайкбахш. Такой разговор не приведет к исполнению желаний эмира, Восэ.

Восэ. Когда исполнятся желания бедняков, тогда и разговор будет окончен.

Хаджи Якуб. Второе условие...

Восэ. Я не принимаю никаких условий, я сам ставлю вам условия.

Алайкбахш. Наше дело — довести до твоего сведения условия Хакима, а там — твоя воля. Второе условие: ты распустишь людей и отошлешь их в свои кишлаки.

Восэ. Сначала пусть Хаким распустит своих солдат.

Алайкбахш. Подумай, Восэ, господин Хаким идет на большие уступки подданным.

Восэ (повстанцам). Что скажете, бедняки?

Шум, крики: «Мы не верим Хакиму!», «Не попадемся больше в ловушку», «Все это хитрость и коварство!», «Обман!»

Алайкбахш. Это не обман, домулло Хаджи Якуб и я ручаемся...

Назир. За что ручаетесь?

Алайкбахш. За правдивость слов Хакима.

Назир. А за правдивость твоих слов кто поручится?

Алайкбахш. Я сам, моя вера, наша религия...

Хикмат. У лисы спросили: «Кто твой свидетель?» Она ответила: «Мой хвост».

Все смеются.

Алайкбахш. Напрасно смеетесь, я желаю добра беднякам. Мне ведь тоже жаль вас, несчастных.

Аюб. Пусть аллах убережет нас от таких сострадающих!

Гулькурбон. Пусть лучше тигр разорвет своими когтями, чем шакал погладит лапой!

Назир. Вместе с волком он ест овцу, а вместе с пастухом проливает слезы!

Смех.

Хаджи Якуб. Оставьте непокорность, смиритесь, правоверные. Неразумные люди подстрекают вас на преступление, на бунт. Вернитесь на праведную дорогу!..

Алайкбахш. Не подвергайте опасности свои жизни, подданные. У эмира и Хакима огромное войско, но они не хотят проливать кровь мусульман!

Хикмат. Проливать кровь они не хотят, а пить кровь хотят?

Толпа шумит. Вдруг, обогнув ее, сидя на осле задом наперед, выехал шут, одетый, подобно Хакиму, в халат и чалму. Погоняя осла, он подъехал ближе и остановился. Между ним и одним из повстанцев происходит такой разговор:

— О, господин Хаким, как поживаете?

— Не спрашивай лучше, народ прогнал меня, ощипал, как курицу, и пустил голым!

— Куда же вы теперь, господин Хаким?

— Куда же еще? В Бухару, конечно!

— И что вы будете делать в Бухаре?

— Обращусь за милостью к его величеству эмиру. В прошлый раз я подарил его величеству свою дочь и получил высокую должность. На этот раз подарю жену, может быть, его величество сделают меня правителем другой области.

— Очень хорошее намерение, господин Хаким!

— Но Бухара очень далеко: еду уже две недели и никак не доеду.

— Как же вы доедете, господин, если ваш осел едет в сторону Бадахшана!

— Вот глупый! Пусть мой осел едет в Бадахшан, зато я сам еду в Бухару! Кто отправился в путь, я или мой осел?

— Вы, вы, господин, а если сделаете наоборот, то еще быстрее доедете.

— Как это?

— А так: сами пойдете пешком, а осел сядет на вас верхом.

— Хороший совет, любезный. Ты не дурак. Я так и сделаю.

Толпа смеется.

Хаджи Якуб. Насмешка негодяя из слона сделает осла. Эй, Восэ, что за издевательство устроили твои люди? (Повстанцам.) Постыдились бы! Аллаха вы не боитесь! Так насмехаться над высокочтимым Хакимом? Господин Хаким — верный слуга его величества, а его величество — тень аллаха над мусульманами.

Хикмат. Его величество — тень аллаха, господин Хаким — тень тени аллаха, а почтеннейший домулло — тень тени тени аллаха.

Смех.

Хаджи Якуб. О, аллах!

Восэ. А теперь выслушайте наши условия и сообщите своему Хакиму. Первое: все налоги двух неурожайных лет отменяются. Второе: в событиях в Дараи Мухтор, Ховалинге и Мазари Додарак виновных нет. Третье: убрать от нас всех сборщиков налогов, а на их место пусть Хаким назначит людей, которых захотят его подданные. Четвертое: освободить из темниц всех бедняков, брошенных туда за неуплату налогов.

Хаджи Якуб и Алайкбахш переглядываются.

Хаджи Якуб. В таком случае тебе, Восэ, надо послать своих послов в крепость. Пусть они передадут твои условия Хакиму, выслушают ответ и сообщат тебе.

Восэ и Назир отходят в сторону и совещаются.

Назир. Мы знаем, что Хаким — лицемер и обманщик, но ты, Восэ, все же не отказывайся от переговоров. Конечно, не дай бог, но если борьба наша закончится поражением, народ упрекнет тебя.

Восэ и Назир возвращаются к посланцам Хакима.

Восэ. Согласен. Я отправлю своих послов. Гулькурбон! Одина! Поедете в крепость. Знаете наши требования?

Гулькурбон. Знаем.

Восэ. Идите и сообщите их Хакиму. Будьте тверды, не поддавайтесь на обман и хитрость.

Гулькурбон и Одина. Хорошо.

Восэ. Ризо! Иди вместе с ними, присмотришь за их лошадьми.

Ризо. Ладно.

Абдукаюм. Восэ, да стану я жертвой за тебя, пошли и меня вместе с ними. Честное слово, клянусь могилой святого Ходжи Балджувана, я буду держать твою сторону перед Хакимом. Все скажу. В самом деле, притесняют подданных. И у меня сердце не камень, я знаю, как тяжело беднякам. Но я человек подневольный, из страха был вынужден выполнять приказания Хакима. Ей-богу, был вынужден. Прости меня на первый раз и испытай. Если я обману, вот тебе моя шея для твоей веревки. И бороду мою хоть отрежь, хоть вырви. Я раскаиваюсь в содеянном, зарекаюсь наперед...

Хикмат. Зарекался игрок, когда денег уже не было...

Абдукаюм. Да стану я жертвой за тебя, Восэ.

Восэ (*подумав*). Ладно, иди.

Абдукаюм. Да стану я прахом у твоих ног, дай бог дожить тебе до ста лет!

Восэ (*Хаджи Якубу*). Идите с ними. А бай останется здесь. Когда вернутся наши послы, тогда мы его отпустим.

Гулькурбон, Одина, Ризо, Абдукаюм и Хаджи Якуб уходят. Алайк-бахш отходит в сторону и садится.

Назир. Зачем ты отпустил сборщика налогов, Восэ? Неужели поверил его клятве?

Восэ. Теперь для нас он никакой ценности не представляет. Его не стоит даже оставлять заложником, ибо Хаким никогда не станет выкупать сборщика, который не справился с порученным делом, да еще и попал в плен. (*Смотрит вслед ушедшим.*) Посмотрим, с чем они вернутся.

З а н а в е с

КАРТИНА ПЯТАЯ

Уголок внутри Балджуванской крепости. В стороне, под одной из башен стоит суфа, покрытая ковром, на котором лежат курпачи (ватные матрасы). Хаким и Давлят смотрят в подзорную трубу со стены крепости. Торопливо входит Хаджи Якуб.

Хаким. Ну что, вернулись целыми и невредимыми?

Хаджи Якуб. Вай, вай, и не спрашивайте, господин. Этот негодяй не осмелился задержать меня, но бая Алайкбахша задержал. Я привел послов этого нечестивца. И еще... освободил несчастного сборщика налогов Абдукаюма, господин. Ну, а баю Алайкбахшу... Восэ ничего не сделает, пока его посланцы здесь. *(Оба садятся на суфу. Давлят остается на месте, то прислушиваясь к их разговору, то глядя в подзорную трубу.)* Цель достигнута, господин. Вы велели мне занять Восэ разговором, успокоить его, пока мы, пользуясь передышкой, подготовимся к войне. Так я и сделал, господин. Он мне про свое, а я ему про наше. Договорился с ним, обеспечил вам передышку, которую вы желали. Объявил им ваше обещание насчет подати с урожая и налогов. Но проклятые не поверили, стали кричать: «Обман! Хитрость!»

Хаким. Ясно. *(Усмехнулся.)* Я сам этому не верю, а они и подавно. Это была просто отговорка. Ну, ладно, что еще?

Хаджи Якуб. Этот нечестивец вывернул шкуру наизнанку, господин. Хорохорился, как петух. Зазнайство его и падишаха заставит сойти с коня.

Хаким. Оставьте это красноречие, опишите лучше истинное положение, домулло. Сколько у него людей? Оружия?

Хаджи Якуб. Людей у него примерно две тысячи, господин Хаким. Не меньше трехсот конных. Вооружены они, большей частью, дубинками, несколько сабель, ружей, есть и луки со стрелами.

Хаким *(нетерпеливо)*. Каковы их требования?

Хаджи Якуб. Требования у них такие, как будто они уже захватили вашу крепость: один вздор, пустые мечтания, господин Хаким. Чепуха и смех один. Говорят, что...

Хаким *(нетерпеливо)*. Хорошо, домулло, вы сослужили большую службу.

Хаджи Якуб. Надеемся, что господин исполнит обещание и...

Х а к и м. Конечно, конечно. Будет воля аллаха, две большие деревни станут собственностью вашего медресе, в том числе деревня Восэ Дараи Мухтор. Пока вы вели переговоры с Восэ, из Гиссара, от господина Кушбеги мне на помощь прибыли сто храбрых сарбазов под предводительством Раджаба додхо.

Входит Ал л а я р. На нем плащ и шаровары из кожи, на боку сабля.

А л л а я р. Я готов, бек. Двести моих всадников ждут приказа.

Х а к и м. Bravo, додхо. О вашей верной службе я напишу его величеству и попрошу для вас высокой должности. А теперь не теряйте времени зря. Раджаб додхо, караулбеги Давлят и вы, все вместе тотчас же атакуйте бунтовщиков. Никакой пощады, никакой жалости к бунтарям! Давите, бейте, режьте!

Д а в л я т. Гиссарцы справа, я — слева, додхо посередине, вот этими мечами в один момент изрубим негодяев на куски.

А л л а я р. Так не пойдет, почтенный беги. Не считай врага слабым, говорят. Эти нечестивцы тоже с руками и ногами.

Д а в л я т. Этого еще не доставало. Не думал я, что додхо струсит, еще не вступив в бой.

А л л а я р. Не будьте мальчишкой, беги. Взбунтовавшиеся подданные не игрушечные деревца, у которых вы посрубаετε верхушки и все.

Х а к и м. Додхо — опытный человек, знающий свое дело. Когда эмир Музафархан повел войска в горы, он был у него сотником и отличился в бою. Итак, как, по-вашему, надо действовать, додхо?

А л л а я р. У Восэ открытый тыл. Если мы даже обратим их в бегство, они рассеются по горам и ущельям, а тогда и гоняйтесь за каждым из них с саблями в руках!

Д а в л я т. Ну-ка послушаем ваш мудрый план.

А л л а я р (Хакиму, рисуя на земле). Додхо Раджаб незаметно перешел через Кизил-су и расположился сейчас в засаде — у мазара. Я стою наготове на этом берегу реки. Караулбеги пройдет по перешейку Кили-Яхтора и спустится в деревню Сурхакон. Восэ дадим время подняться и подойти ближе. Первый удар нанесет додхо Раджаб. Я перейду реку, приду на помощь додхо и нанесу второй удар. В это время караулбеги Давлят

зайдет Восэ в тыл и с этой стороны нанесет третий удар. (Давляту.) Я и додхо ударим по голове, а вы — по ногам.

Хаджи Якуб. А вы, додхо, действительно искусный полководец. В книге о Тимуре я читал, что он своих врагов...

Хаким (Аллаяр). Великолепно, додхо, браво! Вы настоящий военачальник. Так и поступайте. Пока вы подтянете свое войско и укроетесь в засаде, я встречусь с послами Восэ, поговорю с ними, задержу их. Посланцы ждут за воротами?

Аллаяр. Да благословит меня аллах, я пошел. (Уходит.)

Хаким (Дахбаши). Приведи этих нечестивцев.

Дахбаши. Слушаюсь, господин. (Уходит.)

Хаким (Давляту). Ты недоволен, что главным военачальником стал Аллаяр, а не ты? Это ничего не значит, пусть они первыми бросятся в огонь. А когда я сообщу эмиру о победе, то первым поставлю твое имя. Бог даст, ты станешь додхо. Ступай и переправляй своих воинов через Кили-Яхтор, беги.

Давлят уходит. Гулькурбон, Одина и Абдукаюм входят, за ними — Дахбаши с двумя вооруженными солдатами.

Абдукаюм (вдруг вырывается вперед, падает на колени перед Хакимом). Мой господин милосердный! Раба вашего схватили проклятые бунтари, мучили. Я вызвался передать вам их требования и под этим предлогом с трудом вырвался из их поганных лап. Видит бог, что мне стоило, прибегнув к хитрости, освободиться, господин. Вам не стоит и слушать этих бунтовщиков, неблагодарных нечестивцев, господин. На их руках кровь верных слуг его величества эмира! Они заслужили наказания, предайте их мучительной смерти, господин.

Гулькурбон. Ах, проклятый! Ты сам нечестивец! Клятвопреступник!

Абдукаюм. Замолчи, проклятый вор, разбойник! Вас мало вешать и убивать, каждого из вас надо живьем раздирать на части, как козла на козлодрании!

Хаджи Якуб. Так что же ты предпочтешь, поглаживание шакала или когти тигра, безбожник?

Гулькурбон. Лучше когти тигра, домулло, потому что я уже испытал поглаживание шакала, подобного вам.

Хаджи Якуб (замахивается на него четками).
Заткни пасть, проклятый!

Хаким. Постойте, домулло, это вы еще успеете.
(Гулькурбону.) Ты же хороший хафиз, Гулькурбон. Как случилось, что ты забросил пение и пристал к врагам его величества? Где твоя домбра?

Гулькурбон. Я оставил дома свою домбру, но пение не оставил. А с этими людьми, которые пришли к тебе передать свои справедливые требования, меня связал сам аллах, господин. Это истинная правда, потому что я родился среди них, живу с ними, делю хлеб и жилище с тех самых пор, как помню себя, когда я еще и имени-то его величества не слыхал.

Хаким. Уж очень ты разговорчив, как я погляжу. А ну-ка, скажи, кто убил сборщика налогов его величества? Кто убил мингбаши Саидкула? Может быть, ты и убил? (Одине.) Или ты?

Абдукаюм. Они же и убили, господин. Все они убийцы!

Хаким (гневно). Отвечайте, негодяи! Ну, кто убил сановника эмира и мингбаши?!

Одина. Они убиты в сражении. А в сражении всегда кого-нибудь убивают.

Хаким. Тебя следовало убить, собака! Теперь ясно, это ты убил! Убил или нет? Отвечай!

Одина. Мы пришли сюда не как ответчики, господин.

Хаким. Во-он как! Так как же мне вас называть?

Одина. Мы пришли как истцы.

Гулькурбон. Нас прислал Восэ, и мы будем говорить от имени Восэ, господин.

Одина. Сначала выслушайте наши требования и дайте ответ.

Хаким. Мне выслушивать ваши требования, воры, разбойники?! (Солдатам.) Схватить негодяев! Избить и посадить в темницу!

Солдаты набрасываются на Гулькурбона и Одина и связывают их.

Хаджи Якуб. Теперь почувствуете, что такое шакал и тигр!

Гулькурбон. Уже чувствуем, домулло. А мы думали, что пришли к людям.

Хаким. Я выколю вам глаза, вырву ваши языки и швырну их собакам.

Гулькурбон. Сначала надо насытить шакалов, господин.

Х а к и м. Уведите их! (*Послов уводят. Хаджи Якубу.*) Пусть Восэ узнает о том, что его послов арестовали, тогда он придет сюда, чтобы отбить их.

Х а д ж и Я к у б. Что же будет с баем Алайкбахшем, господин? Они его убьют.

А б д у к а ю м. Да-а, сначала надо бы освободить бая, господин.

Х а к и м (*смотрит на него с омерзением*). Вот иди и освободи его.

А б д у к а ю м. Я, господин?!

Х а к и м. Тебе же удастся роль лисы, сыграй ее еще раз. Иди!

А б д у к а ю м. Меня же схватят, господин, схватят!.. Убьют ни за что ни про что!..

Х а к и м. Говорю же тебе, действуй по-лисы. Скажи Восэ: «Твои посланцы пируют в гостях у Хакима. Хаким же требует к себе Алайкбахша для совета. А после этого твои посланцы привезут ответ Хакима». Ступай. Не освободишь бая, сам сядешь в темницу.

А б д у к а ю м (*понурившись, идет к выходу*). С тех пор как стал лисой, никогда еще не попадал в такой капкан. Что будет?! О, аллах, помоги мне! (*Уходит.*)

Х а к и м (*стоя на стене крепости, смотрит в подзорную трубу*). Орда Восэ сидит тихо, никакого движения не заметно.

Х а д ж и Я к у б. Они ждут возвращения послов.

За сценой шум, крики, выстрелы.

Х а к и м. Что, что там случилось? (*Появляется испуганный Дахбаши, трет глаза.*) Ну, что такое, Дахбаши?

Да х б а ш и. Табак... табак...

Х а к и м. Табак? Отвечай, что произошло?

Да х б а ш и. Сбежали, проклятые!

Х а к и м. Что? Сбежали?!

Да х б а ш и. Табак в глаза бросили...

Х а к и м. А пояснее ты можешь сказать, бестолочь?!

Да х б а ш и. Один из них внизу с лошадьми оставался. Когда проходили мимо него, певец сказал ему: «Ризо, вытащи-ка мою табакерку и положи мне в рот нас». Парень вытащил у него из-за пазухи табакерку... и мы тоже взяли из нее нас, положили под язык. А этот проклятый, кого хафиз назвал Ризо, пока мы клали в рот нас, взял да и перерезал потихоньку веревку на руках певца. Тот набросился на меня и выплюнул мне табак в глаза.

Потом и другого освободили... Я ничего не вижу... ослеп... Солдат они повалили и ружья у них забрали... Пока те пришли в себя, они вскочили на лошадей и умчались. Солдат выстрелил им вслед из моего ружья, попал в певца, тот упал, а двое других... ушли...

Х а к и м (*пинает Дахбаши*). Проклятый пес! Я убью тебя вместо них! (*Смотрит в подзорную трубу*.) Ну вот, два всадника подъехали: конечно, это они, беглецы... Там задвигались, засуетились... Двоих свалили, бьют дубинками. Похоже, это Алайкбахш и Абдукаюм. Свалка... (*Помолчав*.) Мятежники идут сюда... Началось... началось!.. (*Слышится далекий шум, стук копыт, выстрелы*.) Подходите, подходите! Сейчас попадетесь в ловушку! (*В сторону Хаджи Якуба*.) Они не знают о засаде Раджаба додхо, он за мазаром... Почему же никто не показывается со стороны Сурхакона, где караулбеги? Домулло, бегите, узнайте, выступил караулбеги или нет?

Д а в л я т (*выходит*). Господин бек, я готов. Я перейду Сурхакон не со стороны Кили-Яхтора, а со стороны ущелья Намазгах. (*Хаджи Якубу*.) Благословите же меня, domuлло, прочтите фатиху...

Х а к и м. Что ты делал до сих пор? Почему опоздал?! Иди каким хочешь путем, только двигайся скорее!

Х а д ж и Я к у б (*читает фразу молитвы по-арабски*). О, аллах, ниспошли милость борцам за веру, даруй им победу, покарай гневом мятежников, бунтарей, врагов его величества правоверного эмира Саида Абдулхада, аминь, аллах велик!

Давлят поспешно уходит. Далекие выстрелы, шум. Стук копыт приближается.

Х а к и м (*смотрит в подзорную трубу*). Э-ха! Свалка... Смешались пешие и конные. Додхо Раджаб посреди реки бьется саблей с самим Восэ... Другой, похоже, это охотник Назир, я его знаю, схватился рукопашную с Аллаяром... Эх! Додхо Раджаб упал с коня! Нога застряла в стремени, лошадь потащила его! Это конец! Вах, да ведь и Аллаяр тоже упал! Что же это такое, domuлло, неужели?.. Спаси аллах!.. Всадники Восэ на той стороне, они напали на караулбеги!.. (*В смятении Дахбаши*.) Дахбаши, беги в казармы! Собери всех, кто там еще остался, и веди на помощь караулбеги! Скорее!

Д а х б а ш и. Слушаюсь. (*Убегает*.)

Х а к и м (*снова поднимается на стену крепости и смо-*

трет в подозрную трубу). Вай, вай! Беда! Солдаты остались без предводителя и обратились в бегство! Мятежники их преследуют! Переправляются через реку!.. Беда! Сейчас нападут на город, ворвутся в крепость!.. (Хаджи Якуб испуганно перебирает четки и шепчет молитву. Хаким в смятении.) К черту ваши молитвы! Аллах не услышал их! Вы что, не совершили омовение перед молитвой?

Хаджи Якуб. Ладно, ладно, почтеннейший, не говорите так, это грешно!

Крики, стрельба, топот копыт, звон мечей совсем близко.

Хаким (в сильном страхе). Беда! Несчастье! Судьба отвернулась от нас! Эй, слуги, седлайте моего коня! Соберите вещи!

Вместе с Хаджи Якубом убегает. У Хаджи слетела с ног обувь. Он споткнулся, чалма падает с головы. На сцене бегают нукеры и слуги. В руках у них вещи — узелки, мешки. В крепость врывается отряд повстанцев во главе с Восэ. Он босой, в разорванном халате, с пятнами крови, с саблей в руках.

Восэ. Победа, друзья! Победа!

Занавес

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Там же на третий день вечером.

Ризо внимательно рассматривает маленькую пушку, стоящую у суфы, и тихонько напевает.

Ризо.

«Если люди скажут, что дом той розы на равнине,
Значит, я люблю ту розу, которой нет в горах».

Входит Гулизор в мужском платье с ружьем на плече, слушает, Ризо ее не видит.

Гулизор (изменив голос, кричит издали). Эй, парень! Что ты тут делаешь?

Ризо (смотрит в ее сторону). Кто ты?

Гулизор. Сначала сам скажи, кто ты?

Ризо. Я? Если ты меня не знаешь, значит, ты чужой. Подойти ближе!

Гулизор. Сам подойди ближе!

Ризо. Ого, да ты мне еще приказываешь? Видать, смелый парень. Так кто же ты? Откуда взялся?

Гулизор. Я пришел из Дараи Мухтор, прихожусь родственником Восэ.

Ризо. Родственник Восэ? Я знаю его родственников, но тебя вижу в первый раз. *(Идет к Гулизор.)*

Гулизор. Не подходи, буду стрелять!

Ризо *(удивлен, смеется)*. Выстрелишь? Ну, стреляй, посмотрим! *(Подходит к ней, отводит дуло ружья в сторону, берет обеими руками за голову и поворачивает лицом к себе. С удивлением узнает Гулизор.)* Гулизор?! Ох, ты хитрая какая! Как же я тебя сразу не узнал? Я так истосковался по тебе! *(Целует ее.)* Как это понимать, Гулизор? Мужское платье, ружье?..

Гулизор. Сейчас все объясню, Ризоджан. Ты что, ранен в голову?

Ризо. Да так, пустяки.

Гулизор. Где отец?

Ризо. Подожди, как ты прошла мимо караула?

Гулизор. Сказала, что я родственник Восэ, меня и пропустили. Отец жив, здоров?

Ризо. Конечно!

Гулизор. Где он?

Ризо. В саду Хакима. Скажи же, наконец, Гулизор, что случилось?

Гулизор. Наша деревня взбунтовалась, староста и надзиратель сбежали. Я забрала ружье у надзирателя.

Ризо. Сама судьба привела тебя сюда, ко мне, Гулизор. Спасибо тебе, судьба! Все мои мысли только тобой и заняты. И сейчас, перед самым твоим приходом, я о тебе думал.

Гулизор. Ризоджан, пойдем скорее к отцу.

Ризо. Соскучилась по нему?

Гулизор. А как же?

Ризо. Только по отцу?

Гулизор. Ну и хитрец! Хочешь, чтобы я сказала, что и о тебе соскучилась? Не скажу.

Ризо. Ладно, кокетничай, я согласен. Дядя Восэ пошел разбирать дело Саидали, сейчас придет.

Гулизор. Дело Саидали? Какое дело?

Ризо. Он набрал много всякого добра в доме Хакима, хотел унести...

Гулизор. Воровство?

Ризо. Не забыл еще старую привычку.

Гулизор. Понятно. *(Указывает на пушку.)* А это что?

Р и з о. Пушка, военная добыча, взяли у кушбеги Останкула.

Гулизор. Разве и кушбеги воевал с вами?

Р и з о. Нет, еще не подросел. Мы ходили с дядей Восэ в Туткавул и Нурек. Разрушили мост Пул и Сангин, и дядя Восэ посадил Назима сборщиком налогов в Туткавуле. Потом сражались с отрядом гиссарских сарбазов, там и захватили эту пушку.

Гулизор. И ты сражался? А с чем? С ружьем, с саблей, а может, с дубинкой?

Р и з о. Дубинка была прежде, до боя у мазара Додарак.

Гулизор. Да, я слышала, что ты отличился в бою у мазара Додарак.

Р и з о. В том бою убили мингбаши Кулуха.

Гулизор. Ты его убил?

Р и з о. Нет, кто-то другой.

Гулизор. А ты в чем отличился?

Р и з о. Ни в чем. Просто воевал.

Гулизор. А что будете делать с пушкой?

Р и з о. Дядя Восэ сказал: «Ты, Ризо, вникни в это как следует, научишься заряжать, будешь у нас пушкарем».

Входят Восэ, Назир, Одина, Аюб, Мухаммадали и Хикмат. У всех на поясах сабли и кинжалы. У Восэ перевязаны раны на лбу, на плече.

Восэ. Кто этот мальчик, Ризо? *(Гулизор сняла с головы чалму, и волосы упали ей на плечи.)* Гулизор!

Гулизор. Отец! *(Бросается к Восэ.)*

Восэ *(обнимает и целует ее)*. Гулизор! А я-то думаю, кто же этот красивый паренек?

Гулизор. Ассалям алейкум, дядя Назир. *(Приложив руку к груди, здоровается с остальными.)*

Назир *(целует ее в лоб)*. Дядина любимица. Очень хорошо, очень хорошо. Добрая примета.

Одина. Какая добрая примета, дядя Назир?

Назир. Увидеть лицо красивой девушки после позорного дела Саидали — добрая примета. Давно замечено.

Восэ. Какие новости, Гулизор? Все ли хорошо?

Гулизор. Не совсем хорошо, отец. Сейчас расскажу. Мама, братишки, все жители деревни шлют вам привет.

Восэ. Иди сюда, сядь и расскажи все. Откуда у тебя ружье? Почему ты в мужском платье?

Назир. Когда идет священная война, и женщины надевают мужское платье, а трусы и малодушные мужчины — женское.

Хикмат. В диком лесу льва и львицу не различают. Мухаммадали. Хорошо сказал, молодец!

Все усаживаются на суфу. Хикмат и Ризо уходят и через некоторое время приносят чай, лепешки, еду, расстилают скатерть.

Гулизор. Как только пришло известие: «Восэ взял Балджуван, а Хаким сбежал», в деревне стало такое твориться, отец! Бедняки восстали, напали на дома старосты, надзирателя и других богачей. Уносили добро, зерно, уводили скот. Некоторые богачи убежали, других взяли в плен. Это ружье досталось мне от надзирателя. Люди сказали мне: «Гулизор, возьми это ружье, садись на коня и отправляйся в Балджуван. Передай наш поклон богатырю Восэ, скажи, что все мы сердцем с ним, молимся за него, пожертвуем на священную войну все, что имеем».

Назир. Ясно. Бедняки Дара и Мухтора хотят сделать тебя наместником, Восэ.

Восэ. Народ хочет помочь нам, готов присоединиться к нам. Слышали, о чем только что говорили там внизу беглецы из Куляба, Муминабада, Каратегина? Получив весть о нашей победе, бедняки повсюду заволновались... Хикмат! Скажи, чтобы привели Саидали. (*Заир с винтовкой и повстанец с дубинкой приводят безоружного Саидали.*) Отвечай, Саидали, как ты мог разграбить дом правителя?

Саидали (*дерзко*). Имею право. Мне можно присвоить имущество Хакима. Никому правитель со своими слугами не сделал столько зла, сколько мне, ни над кем не учинил такого насилия, как надо мной. Все знают, что он погубил мой райский сад, который я вырастил на склоне горы тяжким трудом. Я взял то, что мне причитается за мой сад!

Восэ. Ты что, считаешь себя наследником Хакима? (*Саидали молчит.*) Добро Хакима — законная добыча бедняков, значит, ты ограбил бедняков и хотел убежать с наворованным. Теперь бедняки имеют право наказать тебя.

Саидали. Наказывай! Теперь ты стал Хакимом, притесняй нас так же, как он. В чем моя вина, за что ты опозорил меня перед всеми? Разве я не воевал с Хакимом и его солдатами? Разве сабля моя не обагрена кровью врагов?

Хикмат. После победы и шакал оказывается львом.

Саидали. Помолчи, дурак!

Хикмат. Котел сказал шумовке: у тебя лицо в саже! Мухаммадали (хохочет). Молодец, Хикмат!

Саидали (Восэ). Когда я бесстрашно воевал с притеснителями, ты, сидя дома, крутил маслобойку.

Хикмат. Маслобойку крутят не сидя, а стоя.

Смех.

Восэ. Выходит, Саидали, ты присоединился к повстанцам с целью возвратить свое добро?

Саидали. Ты... ты...

Восэ. Молчи и слушай, когда я говорю. Оказывается, ты не раскаиваешься в том, что сделал, не считаешь себя виноватым? Что скажете, друзья, как нам с ним поступить?

Назир. Сегодня он ограбил дом Хакима, а завтра будет красть у бедняков. Так он нас всех опозорит. Отпусти его, Восэ, пусть уходит. Вору нет места среди честных повстанцев, борющихся за справедливость!

Хикмат. Паршивую козу гонят из стада.

Саидали (Хикмату). Подлец, стал прислужником Восэ, нашел себе теплое местечко. Живот полный, а язык длинный!

Хикмат. Слепой думает, что зрячие едят сразу по четыре лепешки.

Восэ. Уходи, Саидали.

Саидали. Ты гонишь меня?!

Восэ. Больше нам не о чем с тобой говорить. Уходи. Сейчас же уходи и иди куда хочешь! (Саидали уходит с опущенной головой.) Хватит сидеть на месте. Хаким в Кангурте зря время не теряет, готовится к войне. Змее мы только дали пинка, но не убили. Как известно, будет лучше, если ей отрубить голову.

Назир. Твоя правда. Жало недобитой змеи еще опаснее. Не будет ничего удивительного, если Хаким попросит помощи у Останкула или даже у самого эмира. Возможно, он прикинется другом своего соперника додхо Абдурахмана из Куляба и призовет его на помощь. Хаким, как волк, выскочил из капкана, но теперь он хромой, и если мы будем его преследовать, то непременно настигнем.

Мухаммадали. Молодец, Назир, рассуждаешь как настоящий охотник.

Восэ. Что советуете делать, друзья?

Одина. Ты наш предводитель, а мы — твоё войско, тебе приказывать, а нам выполнять.

А ю б. Одина прав. Мы с ним согласны.

Восэ. Ладно. Завтра на рассвете выступаем. Возь-
мем Хакима врасплох в Кангурте.

Заир и повстанец с дубинкой приводят Карабая и троих юно-
шей. У того, кто с дубинкой, на плече два ружья.

Заир. Это локайцы, пришли из Кангурта.

Человек с дубинкой. Пришли с ружьями, вот
их ружья.

Карабай. Ассалям алейкум! Кто здесь Восэ?

Восэ. Я. *(Карабай подходит к нему и говорит на ло-
кайском наречии. Замолчал, вопросительно смотрит на
Восэ.)* Понимаю, понимаю, говори. *(Карабай указывает
на юношей, продолжает говорить.)*

Восэ *(своим)*. Поняли?

Все. Поняли.

Назир. Хаким, правитель Куляба Тугай и кушбеги
Гиссара объединились. Так?

Восэ. Да, это так. Эмир отправил им восемьсот сол-
дат. Утром кушбеги выйдет из Гиссара и двинется к
Нуреку. Они намереваются завтра напасть на нас. *(Кара-
баю и его сыновьям.)* Вы сами кто будете, что делали в
Кулябе? *(Карабай отвечает ему. Восэ внимательно, при-
стально смотрит поочередно на Карабая и его сыновей.)*
Если ваши слова ложь, чтобы испугать нас, если вы прово-
каторы, то знайте... *(Карабай горячо возражает.)*

Вбегает запыхавшийся К а с и м.

К а с и м *(Восэ)*. Ака, кушбеги уже пришел, располо-
жился лагерем в Нуреке. Назим спрашивает, что нам де-
лать? Кушбеги намерен переправиться через Вахш, но
так как мост Пул и Сангин разрушен...

Падает без чувств. Гулизор и другие бросаются к нему, приподнимают.
Гулизор льет воду ему на голову.

Г у л и з о р. Бедный дядя. Скакал без передышки сюда
из Нурека.

Восэ. Отнесите его в дом и положите. *(Карабаю и
сыновьям.)* И вы идите отдохните. *(Своим.)* Дайте им
поесть. *(Касима уносят. Карабай с сыновьями уходят.)*
Теперь ясно, что Карабай сказал правду. Готовьтесь,
друзья, сейчас понадобится ваша смелость, бесстрашие.
До сих пор мы били врага, будем бить и впредь. Назир,
вместе с Одиной займите дорогу на Куляб, преградите

путь додхо Абдурахману. Возьмите с собой Мухаммадали. А я пойду навстречу Хакиму и Тугаю. Аюб пойдет со мной. Ризо пойдет к Пул и Сангин на помощь Назиму. *(Раздумывая, смотрит на Гулизор и Ризо.)* Друзья, вы знаете, что Ризо — сирота, что я его сделал своим сыном. Вы видели, как он сражался. У мазара Додарак нам пришлось туго, а он возглавил людей погибшего Абукадыра, которых я еще раньше послал караулить приход мингбаши Кулуха, и внезапно напал на солдат мингбаши. Если бы не это нападение, может быть, мы были бы разбиты. А позавчера он хитростью привел в Нурек, где я был в засаде, файзабадских сарбазов. Заманил их в ловушку, и мы разбили их.

Мухаммадали *(Ризо)*. Молодец, Ризо. За твою храбрость я перед тобой в долгу.

Восэ. Где пушка, Ризо?

Ризо. Вон там.

Восэ. Научился заряжать ее?

Ризо. Были бы порох и ядра, а зарядить нетрудно. Вот ядер маловато.

Восэ. Что делать, стреляй теми, что есть. Ты повезешь пушку в Нурек. Когда гиссарские солдаты будут переправляться через реку, пускай пушку в дело. Друзья, я открою вам свое сердце. Хочу, чтобы мой приемный сын стал моим зятем. Я знаю, Гулизор, что ты любишь Ризо, и он достоин твоей любви. Знаю также, что и Ризо любит Гулизор. Вот я и хочу, друзья, сейчас, при всех помолвить их, а вы будете свидетелями. Жаль только, что матери Гулизор здесь нет. Но я знаю, что и она любит Ризо как сына и будет рада видеть его зятем. Назир, разломи лепешку. *(Назир разламывает лепешку.)* Объявляю свою дочь Гулизор невестой Ризо, аминь, аллаху акбар.

Все. Поздравляем.

Назир *(предлагает всем лепешки)*. Берите, за счастье невесты и жениха. Бери, дочка, не стесняйся, это доброе дело.

Восэ *(Ризо)*. Возвращайся живым, здоровым и с победой, тогда мы справим вашу свадьбу. С тобой пойдут сто человек. Предводитель — Назим, а ты будешь его помощником.

Назир. Гулизор отдаст Ризо свое ружье. Это будет памятным подарком невесты.

Восэ. Правильно. *(Гулизор.)* Подаришь ему ружье?

(Гулизор отдает ружье Ризо. Он берет ружье и целует его.) Поднимайтесь, друзья, Назир, пусть сто человек присоединятся к Ризо. (Ризо.) Выступай прямо сейчас. Торопись. Чаша с водой в руках — не пей, букет цветов в руках — не нюхай, как можно скорее добираться до Вахша.

Р и з о. Хорошо.

В о с э. Смелостью, хитростью, стойкостью, чем хотите, удержите кушбеги, не дайте ему перейти реку.

Сподвижники Восэ уходят. Он сам с Гулизор уходит в другую сторону. Хикмат сворачивает скатерть с едой и уходит. Скоро Гулизор возвращается. С другой стороны появляется Р и з о.

Р и з о. Гулизор, для меня свято твое имя. Я уйду на войну, а сердце мое остается с тобой. Твою любовь я унесу с собой. А ты помолись за меня, чтобы я живым вернулся к моей красавице невесте. (Обнимает и целует ее.)

Г у л и з о р. Иди с богом, Ризоджан, пусть он убережет тебя. Возвращайся ко мне с победой, а я буду тебя ждать. Я буду ждать, сколько нужно, хоть сто лет буду ждать, глаз не отведу от дороги.

Ризо быстро уходит.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Вечер. Узкое горное ущелье, источник. Входят Восэ, Одина, Аюб, Мухаммадали, Хикмат и Заир. За ними входят другие повстанцы. Медленно, устало, молча подходят к источнику, пьют воду, умываются и рассаживаются кто где. Есть раненые, покалеченные. Одежда их порвана и в крови.

Одина. Эх, жалость какая. Если бы кушбеги хоть немного задержался, мы бы разбили и Хакима, и Тугая.

Аюб. Точно. Вовремя подоспел, собака, и спас их от разгрома.

Одина. А Назир спокойно ждал на берегу Тахирсу правителя Куляба, чтобы повернуть его назад.

Хикмат. У Назима и Ризо нужно спросить, почему они не задержали кушбеги в Нуреке и дали ему перейти Вахш?

Восэ. Где Назим?

Хикмат. Он шел за нами, спустился в деревню, сказал, что приведет табиба или костоправа.

Аюб. Я оставался на правом берегу всего с пятью-десятью повстанцами. На нас напала сотня всадников Тугая. Если бы Назим не пришел нам на помощь в это время, нас бы всех перебили. А он внезапно появился со стороны Балджувана. Он прибыл к нам от Пул и Сангин другой дорогой.

Восэ. Ризо был с ними?

Аюб. Ризо я не видел.

Восэ. Кто его видел? *(Все молчат.)*

Хикмат. Спросим у Назима, когда придет.

Первый повстанец. Жаль Назира... Какой был человек!

Второй повстанец. И охотник, и борец-богатырь.

Первый повстанец. А какой грамотный был!

Третий повстанец. А вспомни Карабая с сыновьями. Я сам слышал, как Тугай крикнул своим всадникам во время боя: «Изменника Карабая растопчите!» Сразу десять-двенадцать всадников набросились на них. Но отец с сыновьями оказались храбрецами, не сдались. Опрокинули пять-шесть всадников и... погибли.

Первый повстанец. Да, мужественно сражались и погибли как герои. Вечная им слава.

Мухаммадали (устало, подавленно). Дело проиграно, Восэ, что будешь теперь делать?

Восэ (молчит некоторое время). Рано еще говорить, что дело проиграно. Правители объединились, да еще бросили на нас воров и разбойников. На этот раз нас разбили... Но стрела не всегда попадает в цель. Завтра увидим, кому улыбнется судьба. Двери в мир открываются не только в одну сторону. Зажженный огонь еще не погас, восстание продолжается.

Сангали (сидевший в отдалении, поднялся). Мельницу разрушили, а колесо еще крутится.

Хикмат (посмеиваясь над Сангали). Земля разверзлась, и появилась голова осла. (Некоторые засмеялись.)

Восэ. Это твой голос, Сангали?

Сангали (встает и подходит к Восэ). Да, мой голос! Что скажешь? Не говорил ли я тебе: «С сильными не дерись голыми руками — пальцы сломаешь»? Поплывешь через реку, не зная воды, так твой бурдюк вода унесет. Все, потух огонь, одна зола осталась.

Восэ. Когда такие, как ты, злодышащие совы дуют на огонь, он гаснет. Я тебя не держу, уходи. Иди сдавайся, продай нас, может быть, мангиты наградят тебя за предательство. Ведь Хаким оценил голову Восэ в тысячу таньга. Поймаешь живым — получишь тысячу таньга, мертвым — пятьсот таньга, укажешь, где он укрывается, — сто таньга. Иди и донеси на меня. Убирайся!

Сангали (насмешливо). Куда же мне обратиться? Куда? Ты привязал меня к себе, как быка к своей маслобойне, погубил душу и теперь гонишь? Ты в ответе за кровь стольких бедняков, душегуб! (Зарыдав, садится на землю и обхватывает голову руками.)

Восэ (встает). Хватит! (Сангали замолкает, Восэ удерживает гнев, говорит спокойнее.) Правители думают, что подавили восстание, вылили нам на головы холодную воду. Нет, восстание не кончено, друзья. Народ в гневе, пламя мятежа еще пылает. Еще горит костер на Сурсакове! Мы пойдем в горы, в Дарваз, в Каратегин...

Мухаммадали. Какая в этом польза, Восэ? Никакой! Мы потерпели поражение, остается покориться судьбе.

Восэ. До каких пор мы будем покоряться судьбе? До каких пор терпеть притеснение, надрываться, истекать кровью? Честь или унижение!

Хикмат (тихо). Или седлать коров...

Восэ. Народ восстал, поднялся на священную борьбу, а то, что богачи победили, так это не навечно. Будьте же отважны, друзья. Зачем мы подняли восстание, если отступаем после первого удара? Мы пойдем в Хингов, Дарваз и Каратегин, снова соберем разбросанных повстанцев, поднимем тысячи других бедняков, разбудим спящих...

Заир (смотрит вдаль). Ака Восэ, сюда идут двое... Одного я знаю: это Назим. А другой кто?

А ю б. Может быть, табиб?

Входят Назим и Гулизор. Гулизор в мужском платье, старом и изорванном.

Гулизор. Отец! (Бросается к Восэ, обнимает за шею и плачет.)

Восэ. Не плачь, дочка... Успокойся... Откуда ты здесь?

Гулизор. Из Баландсара, отец.

Назим (обнимает Восэ, вытирает слезы на глазах, но Восэ остается неподвижным, смотрит холодно). Я случайно встретился с Гулизор в деревне, она у всех спрашивала о тебе.

Тяжелораненый (стонет). Табиба привел?

Назим. Не нашел, братишка.

Восэ (Гулизор). Говоришь, пришла из Баландсара?

Гулизор. Да, из деревни Карамушак. Бежим от шпионов Хакима. Бедняки повсюду укрывали нас, в каждой деревне, в каждом ущелье. Ты не беспокойся: мать и братишки живы и здоровы. В Баландсар вернулись те, кто воевал, они сказали мне, в какую сторону ты ушел. Я с трудом нашла тебя. (Смотрит на присутствующих.) Где дядя Назир? И дяди Касима здесь нет?

Восэ. Дядя Назир, надеемся, что жив, а Касим погиб.

Гулизор (плача). Чтоб твой дом сгорел, проклятый мангит! Пусть беды падут на твою голову! Сгинуть тебе под презрением и проклятием народа, пусть каждый бросит в тебя камень! (Прижалась к Восэ.) Отец, тебе привет от дяди Юнуса. Он пришел в Баландсар...

Восэ. Подожди, Гулизор. (Отстраняет ее, Назиму.) Ну, расскажи, Назим, почему ты не задержал Останкула на Вахше? Мост в Пул и Сангин я разрушил, другой переправы не было. Как же он перешел реку?

Назим. Мы сделали все, что могли. С утра до вечера

бились с Останкулом. Он согнал на берег реки всех жителей Нурека от семи до семидесяти лет и заставил их строить плоты ниже моста. Мы стреляли из ружей с этого берега реки, у нас кончились пули. Ризо пустил четыре ядра из своей пушки, это все, что у него было, потом стрелял камнями. Кушбеги бросал доски на надутые бурдюки, на эти плоты сажал своих солдат и переправлял через реку. В это время Ризо совершил такое, что до него, наверное, еще никто никогда не совершал. Ни у кого никогда и в мыслях такого не было. Он взял в зубы кинжал и прыгнул в воду. Нырнул, подплыл под водой к бурдюкам и распорол их кинжалом. Плоты перевернулись. Восемь солдат с восемью лошадьми и со всем снаряжением оказались в воде, их всех унесло.

Г о л о с а. Какой молодец! Честь и хвала ему! Ризо хороший пловец... А где он сам? Что с ним?

На з и м (смотрит на Гулизор). Ты спрашивала, Гулизор, но я не в силах был сказать тебе... Ризо... погиб.

Гу л и з о р. О, горе мне! Ризо! Мой Ризо... (Восэ обнимает ее, прижимается к ней лицом, пряча слезы.)

На з и м. Ризо еще выплыл, выбрался на берег и почти добежал до места, где мы укрылись, но тут пуля свалила его: солдаты стреляли с того берега. Мы подняли его и принесли в Туткавул. Он потерял много крови, весь горел. В бреду выкрикивал: «Они пройдут, пройдут! Не пускайте их, стреляйте! Гулизор, я здесь! Твое ружье со мной! Я жду тебя, Гулизор!» Он там, в Туткавуле, умер на моих руках. Мы его похоронили. Кушбеги снова построил плоты и стал переправлять свое войско. Мы отступили к Туткавулу, когда солдаты, переправившись через реку, хотели нас окружить и захватить.

Все молчат.

В о с э. Гулизор, ты говорила про дядю Юнуса...

Гу л и з о р. Да, дядя Юнус — староста деревни Сари Обпар. Он пришел в Баландсар и спрашивал о тебе. Он сказал: «Иди и поищи отца. А найдешь, скажи, что шпионы Хакима повсюду разыскивают его. Пусть скорее придет в Сари Обпар, я спрячу его».

О д и н а. Это правда, Сари Обпар — хорошее место, укромное.

В о с э (Одине и Аюбу). Арбоб Юнус мой знакомый и Назира. Он враг Хакима. (Молчание.) Что вы скажете?

А ю б. Как говорят, кто готов выказать дружбу, тот и друг.

О д и н а. Приглашение арбоба прими, Восэ. Ты же сам намеревался идти в Калот?

Восэ. Если и пойду, то не только для того, чтобы спрятаться. Сари Обпар — очень удобное место для сбора повстанцев, там не опасно. В самом деле, нужно воспользоваться помощью арбоба Юнуса.

О д и н а. Ты иди, а я соберу наших сподвижников, всех, кого смогу, и приведу к тебе.

Восэ. Надо узнать, жив ли Назир... Со мной пойдут Хикмат и Заир, Мухаммадали и Одина отправятся собирать повстанцев. Остальные как хотят. А ты, А ю б, позаботься о раненых, добудь для них в кишлаках еду, лошадей, лекарей и костоправов. Доставь всех в их кишлаки, передай родным, а потом приходи в Сари Обпар... Прощайте, друзья.

Прощаясь, со всеми обнимается. Вместе с Хикматом, Заиром и Гулизор уходит.

З а н а в е с

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Раннее утро в горах. Водопад. Лента воды, струящаяся сверху, блестит в лучах утреннего солнца. В гроте за водопадом спят Восэ, А ю б и Хикмат. Заир сидит, в руках у него ружье. Вокруг водопада зеленеют деревья и кусты.

Сначала Хикмат, затем А ю б, последним Восэ просыпаются, умываются под водопадом. Восэ взволнован и задумчив. Хикмат расстилает на земле поясной платок вместо скатерти, достает из мешка лепешки, фисташки, орехи. Все садятся завтракать.

А ю б (Восэ). Ты вернулся от арбоба Юнуса на рассвете и сразу лег спать, так что мы не успели спросить, какие новости ты принес. Что сказал арбоб?

Хикмат. Ты чем-то взволнован, ака Восэ. Чувствует мое сердце, что ты принес плохие новости.

Восэ. Назим, Одина и Мухаммадали схвачены.

Все. Схвачены?!

Восэ. В деревне Устосафари их выдал какой-то негодяй.

Хикмат. Проклятье!

Восэ. Назир в балджуванской тюрьме.

А юб. Так Назир жив?

Восэ. Жив... да заживо похоронен. *(Пауза.)* Слушайте, друзья. Как бы там ни было, а нужно что-то предпринять для освобождения Назира, Назима, Одины и других пленников. Люди арбоба Юнуса видели многих повстанцев, которые скрываются в ущельях. Они не знают, где я. Если бы знали, то, по словам арбоба Юнуса, пришли бы ко мне. За несколько дней мы можем собрать двести-триста человек. Сейчас в Балджуване мало солдат: гиссарские и кулябские ушли, Тугай тоже вернулся домой, прихватив награбленное. А солдаты Хакима Локайца рыщут по деревням, ищут тех, кто участвовал в восстании.

А юб. Значит, ты хочешь собрать людей и идти на Балджуван?

Восэ. Да, мы нападём на тюрьмы и освободим наших друзей, пока их не убили или не погнали на казнь в Гиссар.

А юб. Восэ, если прикажешь, я готов идти за тобой в огонь и воду. Думаю, что Хикмат с Заиром тоже. Но как ты дашь знать разбредшимся повстанцам, где ты скрываешься? Как ты обнаружишь себя? Ведь повсюду рыщут ищейки Хакима.

Восэ. Во-первых, нам нужно скорее уйти отсюда, сменить место нашего нахождения. Арбоб Юнус говорит, что нам удобнее всего будет в деревне Девлох: деревня дальняя, высоко в горах. Там двадцать-тридцать человек смогут противостоять сотне-двум солдат. А собрать повстанцев — давайте мы сейчас обсудим.

Все четверо увлеченно разговаривают. Из-за деревьев появляются Давлят, Дахбаши, Мухаммадали и солдаты. Они видят Восэ и его друзей. Давлят делает знак солдатам окружить водопад. Мухаммадали опирается как на посох на длинную палку, одежда его разорвана, борода обожжена, на лице и шее почерневшие раны.

Давлят *(тихо)*. Иди, Мухаммадали, и хитростью, как я тебя учил, вымани их из укрытия. *(Мухаммадали в нерешительности.)* Ну, что стоишь? Иди!

Мухаммадали. Господин, я вас привел сюда, указал на него, что еще? Сами берите его.

Давлят. Это что еще за упрямство?! Ты что, не хочешь стать арбобом деревни? Хаким даст тебе денег, халат, сапоги. Иди! Я должен взять их живыми. Видишь, они вооружены. Будут сопротивляться и не дадутся живыми. Иди!

Мухаммадали не осмеливается, садится на землю и плачет.

Да х ба ши. Ты мужчина или баба, черт тебя возьми?
(Вытаскивает саблю.) Ей-богу, распорю тебе брюхо! Вста-
вай!

Мухаммадали встает и, притворившись хромым, направляется к
месту, где укрылись повстанцы.

Дав л я т (Да х ба ши). Вчера он был мюридом Восэ,
а сегодня заманивает его в нашу ловушку. Недаром го-
ворят: древесный червь живет в самом дереве.

Оба отступают назад и скрываются из глаз. Восэ с друзьями, слышав
шаги, хватаются за оружие.

М у х а м м а д а л и (тихо). Восэ, ты здесь? Это я, Му-
хаммадали.

З а и р. Ты?

М у х а м м а д а л и. Да, это я, Заир.

З а и р. Голос твой, а сам ты на себя не похож.

Мухаммадали (заходит за водопад). Ассалям
aleyкум. (Плача, обнимает Восэ.)

Восэ (удивлен его видом). Что с тобой случилось?

Мухаммадали. Не спрашивай. Если камню рас-
сказать о моих мучениях, он расколется. Меня схватили,
вместе с Назимом и Одиной. Погнали нас в Балджуван.
По дороге я бросился вниз, в пропасть, и сбежал. С тех
пор прошло четыре дня. Днем я скрывался в пещерах,
за скалами, а ночью шел. Просил милостыню в дерев-
нях. Чтобы изменить облик, чтобы меня не узнали, я спа-
лил бороду и усы, лицо и шею растер о камни до ран
и посыпал землей... Восэ! Из разговоров людей я понял,
что Хакиму известно место, где ты скрываешься, вероятно,
кто-то донес. Здесь тебе и часа нельзя больше оста-
ваться, опасно. Внизу я встретил одного пастуха, его
зовут Ашур. У него тридцать лошадей. Сам он помогал
повстанцам, а теперь боится, что об этом узнают и его
схватят. Хочет убежать. Про тебя спрашивал. Я сказал
ему: «Если найду Восэ, дашь ему лошадь?» Он ответил:
«Отдам все стадо и сам убегу вместе с ним». Пойдемте,
я вас сейчас отведу к тому пастуху. Пока мы спустимся
в ущелье, он приведет лошадей в условленное место.

Восэ (смотрит на него с сомнением). В каком месте
ты прыгнул в пропасть?

Мухаммадали. Ну там... около Чорбога.

Восэ. И солдаты тебя не преследовали, не искали?

Мухаммадали. Преследовали, но было темно, а я

сразу поднялся и побежал в лес, там и скрылся. Солдаты потеряли мой след и вернулись.

Восэ. Ты хромаешь? Что у тебя с ногой?

Мухаммадали. Подвернул, когда прыгнул в пропасть, сломал... ушиб.

Восэ. Ушиб или сломал?

Мухаммадали. Сильно болела, я думал, что сломал, но не сломал, а только ушиб.

Восэ. Сколько было солдат?

Мухаммадали. Трое.

Восэ. Все они тебя искали?

Мухаммадали. Нет, только один из них.

Восэ. Ты сказал: «Солдаты потеряли мой след и вернулись». Какие это были солдаты?

Мухаммадали. Ну... те самые... Я же сказал: трое солдат.

Восэ. Солдат, который тебя преследовал, был хромым?

Мухаммадали. Нет, здоровый был... какой же он был бы солдат, если бы был хромым?

Восэ. Не был хромым, а не мог настичь хромого?

Мухаммадали. Он... пока он спустился в пропасть, я уже был далеко...

Восэ. Из какой деревни этот пастух?

Мухаммадали. Из этой... Из Сари Обпар.

Восэ. Чьих лошадей он пасет?

Мухаммадали. Лошадей одного бая.

Восэ. Как его зовут?

Мухаммадали. Я же сказал: Ашур.

Восэ. А имя бая?

Мухаммадали. Имя... я не спросил, как его зовут... Ты мне не веришь, Восэ? Неужели я буду врать?

Восэ. Ты врать не умеешь, это правда. (Хватает его за горло.) За сколько продал нас, предатель?!

Мухаммадали. Не продавал я! Богом клянусь! Клянусь чем хочешь!

Восэ (гневно толкает его, он падает). Ты пойдешь с нами. Но не в ущелье. Известно, как наказывают изменника. (Своим сподвижникам.) Вставайте. Этот негодяй, конечно, выдал врагам наше место. Пойдем прямо в Девлох.

Все выходят из грота за водопадом. Из засады выскакивают солдаты и нападают на них. Восэ и его сподвижники обнажают сабли. Короткая схватка. Два-три солдата падают под ударами сабель. Хикмат и Заир

тоже падают. Десять-пятнадцать солдат опрокидывают на землю Восэ и связывают его. Восэ удается бросить клинок в Мухаммадали, но промахивается. Тот проворно убегает и скрывается из глаз.

Дав лят (хохочет). Один раз прыгнул кузнечик, второй раз прыгнул, и наконец попался кузнечик.

Восэ. Слыхал я, как ты заявил, что ты сторожевой пес у дверей эмира. Радуйся, сегодня ты можешь это доказать своему хозяину, поганая собака мангитов!

Занавес

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Ночь в темнице. Назир, Назим, Одина, Саидали, Сангали связаны. Тюремщик вводит закованных в кандалы Восэ и Аюба и уходит, заперев дверь на замок.

Восэ. Ассалям алейкум, друзья!

Узники. Ваалейкум-ассалям, Восэ.

Назир. И тебя поймали, дорогой братишка? Не могу встать, ноги мои в колодках.

Назим. Как ты попал к ним в руки, Восэ?

Восэ. Среди нас оказался предатель, братишка.

Одина. Мы знаем: подлый Мухаммадали.

Назир. Проклятие изменнику!

Саидали (рыдает). Восэ, прости меня, бог отнял у меня разум, и шайтан попутал. Каюсь, сто раз каюсь. Пусть меня убьют, повесят, смерти я не боюсь, только прости мне мою вину, не хочу уйти из этого мира с позором.

Восэ. Если раскаялся, хоть и поздно, я прощаю тебя.

Саидали. Спасибо тебе, Восэ, тысячу раз спасибо.

Восэ. Будьте мужественны, друзья, не падайте духом. Пусть мангиты не думают, что мы испугались. Умрем, но останемся верными своему делу. Если бы боялись тюрьмы и виселицы, то не разжигали бы на Баландсаре костер восстания.

Назир. Правду говоришь, брат.

Пауза.

Назим. Посмотрите в щель в потолке: мигают две звезды.

Назир (смотрит). Как будто волчьи глаза сверкают в темноте.

Сангали. Не называй их волчьими глазами. Это глаза создателя, который смотрит на нас.

Восэ. Два глаза создателя... Это точно, аллах не будет смотреть на своих рабов одним глазом.

Сангали. Ты даже здесь богохульствуешь, Восэ, вместо того, чтобы покаяться и молить аллаха о помощи в несчастье, обрушившемся на наши головы.

Восэ. В чем покаяться? За какую вину от меня требуют покаяния? Правители притесняют нас, а я восстал против них. Не я виноват, а они!

Сангали. Восэ, я покорился судьбе, не буду упрекать тебя. Что было, то прошло, какой смысл в упреках, теперь поздно. Но ты сам знаешь, Восэ, если бы ты не взбудоражил народ, не поднял бы его на священную войну, беда не обрушилась бы на наши головы, и ты сам не сидел бы сейчас в этой темной тюрьме вместе с нами, несчастными.

Назир. Что ты болтаешь чепуху, Сангали? Хочешь, сам и кайся. Наше восстание было правым, и я, например, не раскаиваюсь.

Назим. Я тоже.

Аюб. И я тоже.

Одина. И я тоже.

Восэ (помолчав). Человек один раз приходит в этот мир и уходит. Я говорю: чем умереть от унижения и насилия, лучше погибнуть в борьбе с притеснителями. Бог создал тебя человеком, и если ты позволяешь понукать тобой, как ослом, то ты не человек, ты позоришь это звание. Правители объединились, даже из Бухары привели войско и разбили нас. Но ведь и мы тоже хорошо их побили, показали им, что и мы мужчины, и у нас на голове чалма и кушак на поясе. Ничего, придет еще день, когда правителей скинут. Мир не останется таким навсегда, он еще тысячу раз изменится. И вот, когда богачей сбросят, когда бедняки победят, нас обязательно вспомнят добрым словом. Я ни капли не раскаиваюсь. Если вдруг останусь живым, снова возьмусь за оружие, разожгу повсюду в горах тысячу мятежных костров...

Одина начинает петь песню повстанцев, все присоединяются к нему. Брезжит рассвет, в тюрьме становится светлее. Входит Давлят с отрядом сарбазов и тюремщик. Они выводят узников.

Одина. Куда ведешь нас?

Давлят (смеется). Куда мне вас вести! Если я пришел, знай: я ваша смерть, бунтовщики. Сейчас всех

вас на берегу Талхака принесут в жертву его величеству...
(*Красноречиво проводит кинжалом по горлу.*) Пришел такой приказ эмира. Но тебя, Восэ, я повезу в Шахрисабз. Эмир там пребывает в эти дни. Его величество повелели: «Доставить сюда Восэ, я прикажу повесить его на моих глазах». Когда я привезу тебя в Шахрисабз, получу от его величества чин додхо или бия.

Сцена поворачивается. Узники в сопровождении солдат выходят на городскую площадь. Там собрался народ. Узников ведут через площадь, сквозь толпу людей.

Голоса из толпы.

— Прощай, Восэ!..

— Прощайте, смельчаки!

— Мы тебя не забудем, Восэ!..

— С нами останется твоё доброе имя!..

— Огонь, который ты зажег, не потухнет!..

Гулизор (*появляется, громко плачет*). Отец!.. Отец!..

Восэ (*громко*). Доченька моя! Прощай! Скажи матери, Гулизор, скажи братьям, что отец ваш не склонил головы перед злодеями, что он сражался с ними и погиб за святое дело. Вспоминайте меня! Будьте достойными тех, кто отдал за вас свою жизнь! Прощайте! Счастье ещё придет на нашу землю!

Занавес

КРАСНО- ПАЛОЧНИКИ

*Драма в двух действиях,
семи картинах*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Салим — председатель колхоза, затем командир добровольного отряда краснопалочников, 27 лет.

Хоркаш — колхозник, 55 лет.

Хурмо — его дочь, 18 лет.

Худжаёр — председатель кишлачного Совета.

Сафар
Эрназар } товарищи Салима.

Бобохол — колхозник, 60 лет.

Махкам — его внук, пастушок, 15 лет.

Красноармеец.

Джалил — басмач, 30 лет.

Рахимбек — предводитель басмачей.

Сохиб

Султанбек
Кутанбек } приближенные Рахимбека.

Одина — 40 лет.

Мирзосадулло — 50 лет.

Гаибназар.

Артык.

Туракул.

Учительница.

Окьюз — ишан.

Мирзокаландар — его мюрид.

Каросач — невольница Рахимбека.

Колхозники и колхозницы, красноармейцы, главари басмачей, басмачи, часовой.

Действие происходит весной и летом 1931 года в Таджикистане.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Развалины крепости по ту сторону южной границы Таджикистана. Ясный солнечный день. Рахимбек сидит. Он раздражен. Додхо Сохиб стоит на возвышении и смотрит в бинокль.

Рахимбек. Почему до сих пор нет вестей от Джалила? Не взял ли его в плен генерал Мухаммадвалихан? Или, может быть, убил?

Сохиб. О, аллах, что вы такое говорите? Зачем ему убивать парламентаря? Я уверен, что Джалил скоро вернется, бек, и вернется с хорошими вестями.

Рахимбек. С хорошими вестями?

Сохиб. Конечно. Я уверен, что ваше предложение понравится генералу.

Рахимбек (*встает и нервно прохаживается.*) Этот афганский генерал выступил против меня с двадцатитысячным войском. Он хочет уничтожить нас — борцов за веру, требует, чтобы мы разоружились. Но ведь я ему не враг, а друг. Я гость в его стране, вынужденный гость, ибо в своей стране поднял восстание против неверных и мне пришлось временно уйти. Но по воле аллаха наступит счастливый день, когда я перейду границу и объявлю священную войну большевикам-кафирам.

Сохиб (*прижав бинокль к глазам*). А вот и он! Смотрите, бек!

Рахимбек. Да, это Джалил. (*Топот конских копыт. Сохиб уходит и возвращается вместе с Джалилом.*) Почему ты так запоздал, Джалил? Передал генералу мое письмо?

Джалил. Передал. Он прочел и в гневе разорвал его на клочки. Он сказал: «Пусть твой бек не хитрит, пусть скорее сдаст мне оружие, а сам убирается из нашей страны. Даю ему срок до утра».

Рахимбек и Сохиб смотрят друг на друга. Пауза.

Рахимбек. Ну что ж, война так война! Я не боюсь. Я в сани муджтахиды, встану во главе борцов за нашу веру, и аллах поможет мне победить. Ступайте, готовьте войско в поход.

Сохиб. Хорошо. (*Уходит.*)

Рахимбек (*Джалилу*). Ну, что ты там видел и слышал?

Джалил. Как вышел я от генерала, вижу — толпа, шум, крики. Меня окружили крестьяне, пастухи, мужчины и женщины, наговорили много неприятного.

Рахимбек. О нас?

Джалил. Да... Надоели вы нам, говорят. Называете себя борцами за ислам, а у себя на родине столько крови пролили, учинили такой разбой. Народ выгнал вас с той стороны, а теперь вы разбойничаете в нашей стране. Лучше убирайтесь поскорее из нашей страны, говорят.

Рахимбек. Во-он что! Ну, сволочи! Всех надо перебить, поголовно! (Пауза). То, о чем ты мне рассказал, никому больше ни слова. Смотри!

Делает знак Джалилу удалиться. Джалил уходит.
Входит часовой, за ним Одина и Мирзосадулло, позже — Сохиб. Одина играет кнутом, на плече у него винтовка, на поясе — пистолет, голова повязана шелковым платком.

Часовой. Еще беглецы из Таджикистана.

Одина и Мирзосадулло. Ассалям алейкум.

Рахимбек. Мирзосадулло?

Мирзосадулло (падает к ногам Рахимбека). О, предводитель борцов за веру, о защитник мусульман, скорее поднимай знамя газавата, начинай священную войну с врагами ислама! Нет у нас больше терпения. Вся наша надежда только на тебя!..

Рахимбек. Одина?!

Одина (кланяется). Готов служить, бек.

Рахимбек. Не тот ли ты изменник Одина, который пять лет назад сдался красным со своими джигитами?

Одина. Я раскаялся в этом, бек, снова ушел в горы и собрал джигитов, которых смог найти. Теперь вот пришел, чтобы кровью искупить свою вину.

Мирзосадулло. Нет сил больше терпеть притеснение, глаза народа устремлены на тебя, бек. Все готовы подняться, ждут только предводителя. Все готовятся, бек, истинная правда.

Одина. В каждом колхозе, во всех кишлаках...

Мирзосадулло. Даже в конторах...

Одина. Тайно вредят при сборе и сдаче хлопка, вызывают недовольство в народе.

Мирзосадулло. Как только вы перейдете границу...

Одина. Тотчас же повсюду вспыхнут восстания!

Рахимбек в раздумье. Делает знак додхо Сохибу, оба отходят в сторону.

Рах им бек. У нас только два пути: война с афганцами или поход к Амударье и война с большевиками.

Сохиб. И на каждом из них нас подстерегает опасность.

Рах им бек. Конечно, опасность нам грозит, но будем уповать на аллаха. Выберем второе — перейдем границу и будем воевать за веру, против большевиков. Мусульмане поддержат нас.

Разговаривая, оба уходят. Вбегает Хурмо.

Одноглазый Артык, прижимая платок к носу, преследует ее. Ему преграждает путь Одина. За Артыком появляется хохочущий Джалил. Хурмо, не понимая, куда она попала, испуганно останавливается. Артык грозит ей кулаком и отступает.

Джалил (*хохочет*). Одноглазый набросился на девушку, а девушка ка-ак заедет ему кулаком в рыло. У него даже кровь из носа пошла. Смелая девушка! Она что, с вами пришла?

Одина. С нами.

Джалил. А кем она вам приходится? (*Одина и Мирзосадулло молчат. К Хурмо*) Вай-вай, какая пери. Щеки, как сдобные лепешки, глазки — блестящие угольки, подбородочек — как яичко!..

Мирзосадулло (*Джалилу*). Эй, эй, осторожней! Мы привезли ее в подарок беку.

Джалил (*не обращая внимания на него*). О, самаркандское яблочко! В каком саду сорвал тебя этот плешивый?

Одина (*с угрозой*). А ну, заткни свою вонючую пасть, гадина!

Джалил (*не придавая никакого значения его словам*). В сказках всегда рассказывается о том, что красивые девушки попадают вначале в руки плешивых. Оказывается, это и в самом деле так.

Одина (*гневно*). Да простит мне аллах!

Набрасывается на Джалила, оба выхватывают кинжалы.

Мирзосадулло (*встает между ними*). Ладно, ладно! Уберите кинжалы!

Входят Рах им бек и Сохиб. Джалил быстро скрывается.

Рах им бек. В чем дело?

Мирзосадулло. Да так... пошутили два молодца.

Рах им бек. Кто эта девчонка?

Одина. Особый подарок тебе, бек.

Мирзосадулло. Благоухающий цветок из таджикского цветника.

Одина. Невеста Салима.

Рахимбек. Салима?!

Одина. Вы должны его знать.

Рахимбек. Салима-командира?

Одина. Ну да. Он воевал с вами целых четыре года.

Рахимбек. А как попала к тебе его невеста?

Одина. Очень просто. Ночью я выкрал ее.

Джалил (входит). Султанбек из Кабула, господин бек.

Рахимбек и Сохиб поспешно уходят. Вскоре тихо, бесшумно появляется Каросач. Прикрыв рот концом рукава, она с любопытством смотрит на Хурмо. Некоторое время обе молча изучают друг друга.

Каросач. Я знаю, ты пришла из Таджикистана, тебя зовут Хурмо.

Хурмо. Кто ты?

Каросач. Невольница бека. Бек поручил тебя мне, я буду присматривать и ухаживать за тобой. (Ласково.) Пойдем в гарем. Вымою тебя, одену во все чистое. Ведь ты пришла издалека, одежда твоя запылилась. Да и проголодалась, наверное. Пойдем, дам тебе поесть. (Хурмо отвернулась от нее, стоит неподвижно.) Как ты сюда попала? (Молчание.) Чья ты? Отец и мать есть у тебя?

Хурмо (как бы разговаривая сама с собой). Из-за беспечности попала я в ловушку... Темной ночью коварно схватили меня, связали, заткнули рот и бросили на спину коня... Попалась я в лапы дьявола в облике человека... Бедный мой отец ищет теперь свою несчастную дочь в водах реки и среди черных камней... Что мне делать? Как освободиться из позорного плена?..

Каросач (плачет). Такие они... хуже зверей! Сколько принесли горя людям! Не отчаивайся, не терзай себя, доченька, молись. Всемиловитый аллах услышит молитвы притесняемых, невинно страдающих... Аллах поможет. Пойдем со мной, доченька...

За сценой звуки шагов и голоса: «Вовремя прибыли, Султанбек!» «Подумайте, чуть не попал в руки афганцев». Каросач берет Хурмо за руку и быстро уводит. Входят Рахимбек, Сохиб, Султанбек, Джалил и группа басмаческих главарей. В руках у Джалила завернутый в ткань меч.

Султанбек. Его величество эмир приветствует предводителя борцов за веру и шлет свои добрые пожелания. Приветствие и добрые пожелания также и вашим сподвижникам. *(Берет из рук Джалила завернутый в ткань меч и разворачивает его.)* В знак уважения вот вам подарок от его величества — победоносный меч. *(Читает выгравированные на мече слова.)* «Военачальнику, предводителю борцов за веру Абдурахимбеку от благодарного эмира Алимхана». *(Целует меч и передает Рахимбеку. Рахимбек тоже его целует и прикладывает ко лбу.)* Высокородный эмир приказывает предводителю борцов за веру как можно скорее выступить в поход и освободить священную Бухару.

Рахимбек *(подняв над головой меч, обращается к басмачам)*. Объявляю священную войну за веру! Газават!

Басмачи. Газават! Газават!..

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Перед занавесом. С двух сторон выходят Туракул и Мирзосадулло. На Мирзосадулло истрепанная одежда и меховая облезлая шапка на голове.

Туракул. Люди уже собрались в мечети. Все свои, посторонних нет. Поведем их на колхозный праздник. Устроим там свалку и схватим Салима.

Мирзосадулло. За тем и пришли, чтобы схватить Салима. Таков приказ нашего предводителя.

Туракул *(смотрит в сторону)*. Вон Хоркаш идет... Когда-то этот нечестивец был партизаном в отряде Салима... *(Появляется Хоркаш.)* А, Хоркаш? Как поживаешь?

Хоркаш *(печально)*. Лучше не спрашивай...

Туракул. Не горюй, брат, есть весть о твоей дочери.

Хоркаш *(взволнованно)*. Ты... ты знаешь, где она? Она жива?!

Туракул делает знак Мирзосадулло.

Мирзосадулло *(снимает с головы шапку)*. Узнаешь?

Хоркаш *(поражен)*. Мирзосадулло?!

Мирзосадулло. Твоя дочь у Рахимбека. Одина от-
вел ее в подарок беку.

Хоркаш. О, боже! Ты врешь!.. Это ложь! Ложь!..

Мирзосадулло. Сегодня утром я вместе с Рахим-
беком перешел на этот берег. Бек начинает священную
войну. Это уже решено. Через какой-нибудь час Рахим-
бек будет здесь. Он уничтожит всех вас, красных больше-
виков! Ступай в мечеть, там все поймешь.

Хоркаш. О, моя Хурмо!..

Мирзосадулло. Один человек помог Одине похи-
тить твою Хурмо. За это он получил от Одины три ты-
сячи.

Хоркаш. Помог? Кто, кто же это? Кто?!

Мирзосадулло. Да есть у вас любитель лошадей...

Хоркаш. Лошадей?

Мирзосадулло. Ну да. Кто купил за три тысячи
коня?

Хоркаш. Салим?!

Мирзосадулло. Молодец. Он и есть. Мне об этом
сам Одина рассказал.

Хоркаш. О горе мне! *(Собирается уйти.)*

Туракул *(задерживает его)*. Стой! Ты что, хочешь
пойти и донести? Не спеши, голубок. Отправляйся-ка
лучше в мечеть, глупец! *(Подталкивает Хоркаша вперед,
следом идет Мирзосадулло.)*

Раздвигается занавес. Красивое место на краю селения. Вдали — зеленые
поля, за ними — горы со снежными вершинами. Появляются Салим
и Худжаёр.

Худжаёр. Выкинь из головы Хурмо, Салим. До
каких пор ты будешь охать да ахать? Да любая здешняя
девушка с радостью пойдет за такого, как ты. Как поет-
ся в песне: «Если не твой локон, то чей-нибудь другой».

Салим. Ничего ты не понимаешь, Худжаёр!

Худжаёр. Ах, какой Фархад нашелся! Ты что, забыл
про праздник? А колхозный праздник — это все равно что
твоя свадьба, Салим. Ведь ты организовал этот колхоз.
Разве хорошо, если на своей свадьбе ты будешь сидеть с
кислым лицом?

Салим. У меня действительно кислое лицо?

Худжаёр. Как ни старайся скрыть свое состояние,
а на лице у тебя все написано... *(Слышатся крики, шум,
смех. Салим и Худжаёр садятся на край суфы.)* Люди уже
покончили с пловом. Сейчас начнутся танцы и игры.

Появляются колхозники, мужчины и женщины, молодежь. Они поют, танцуют, играют на бубне. Затем слышится топот конских копыт. Вбегает взволнованный Махкам, в руках у него пастушеский кнут.

Махкам. Ака Салим!

Салим. Да! Что случилось, Махкам?

Махкам. Воры увели стадо!

Салим. Воры? Какие воры?

Махкам. Да откуда же мне знать? Налетела целая банда с винтовками. Я спрятался, а они угнали наших баранов в горы.

Салим. Когда?

Махкам. Только солнце скрылось за горами.

Худжаёр. Говоришь, у них были винтовки?

Махкам. Да, и короткие мечи тоже.

Эрназар. Сколько их было?

Махкам. Человек десять-двенадцать.

Салим. Ты узнал кого-нибудь?

Махкам. Нет, один из них погнался за мной...

Худжаёр (удивленно). Воры с винтовками! Откуда они взялись?

Салим. Ребята, седлайте коней! Эрназар! Скачи в район, сообщи в милицию...

Появляется взволнованный Хоркаш.

Хоркаш. Люди! Бегите! Рахимбек идет на кишлак! Спасайтесь!..

Голоса. Что?.. Рахимбек?.. Басмачи?.. Откуда?!

Худжаёр. Хоркаш, ты что это, во сне видел Рахимбека? Мы прогнали его отсюда пять лет назад.

Хоркаш. Он переправился на эту сторону сегодня или вчера.

Начинается паника, люди мечутся, пытаются бежать.

Салим. Тихо! Успокойтесь! Срочно берите необходимые вещи и уходите в горы.

Худжаёр. Салим! О чем ты говоришь? Я не согласен!

Салим (колхозникам). В кишлаке не должно остаться ни продуктов, ни корма лошадям! Сафар, Эрназар, Бобохол, вы останетесь здесь. Эрназар, коней и снаряжение, быстро!

Эрназар. Хорошо. (Уходит.)

Люди разбегаются. С Салимом остаются Худжаёр, Хоркаш, Сафар и Бобохол.

Салим. Ну, Хоркаш, говори, что произошло?
Хоркаш. В мечети собрались все недовольные новой властью...

Салим. Кто зачинщики?

Хоркаш. Туракул, Мирзосадулло.

Салим. Мирзосадулло?

Хоркаш. Да. Дервиш, который появился вчера в кишлаке, и есть Мирзосадулло. Он пришел с той стороны вместе с Рахимбеком.

Салим. Они сейчас в мечети?

Хоркаш. Да, в мечети.

Бобохол (*Салиму*). Сынок, сначала подумай хорошенько, а не то попадешь в беду!

Салим. Не беспокойся, Бобохол. Не в первый раз я имею дело с этими головорезами.

Бобохол. Остерегайся беды, Салим. Будь осторожен.

Салим. А ну, ребята, пошли в мечеть.

Появляются Туракул, Мирзосадулло и их сторонники. Внешне они спокойны, как будто ничего не произошло.

Туракул. Ассалям алейкум!

Салим. Ваалейкум-ассалям.

Туракул. Что здесь за шум, Салим? Что-нибудь случилось?

Салим. Тебе лучше знать.

Туракул. Мне? Странно! А что ты хочешь этим сказать, Салим? Мы только что с намаза...

Салим. Я знаю, что вы с намаза. Но какие молитвы вы сегодня читали?.. Говорят, здесь появились новые молящиеся. (*Смотрит на Мирзосадулло.*) Кто этот дервиш?

Туракул. Этот? Странствующий дервиш, пришел сюда из Куляба.

Салим. Мне кажется, я его знаю.

Туракул. Может быть, видел его где-нибудь.

Сафар (*срывает с головы Мирзосадулло шапку и бросает ее*). Кого ты хотел обмануть, старая лиса?

Бобохол. Ого, да ведь это Мирзосадулло!

Салим. Негодяи! Скорпионы, прячущиеся под циновками! Снова подняли головы? Худжаёр, говори, ты — кишлачная власть.

Худжаёр (*Туракулу и его сообщникам*). Сейчас... Я как председатель кишлачного Совета... арестую вас.

Туракул. Ах, вот вы как разговариваете?!

Салим. Да, так!

Туракул. Попробуй! Посмотрим, кто это нас арестует. В каком советском законе записано, что человека можно арестовать за совершение намаза? (Своим людям.) Бейте их, не бойтесь!

Потасовка. Появляется Эрназар, в руках у него револьвер, винтовка, сабля.

Эрназар (оборачивается назад и кричит). Быстрее, ребята! Бейте врагов!

Эрназар щелкает затвором винтовки, Туракул и его сторонники убегают.

Салим. Кого ты звал?

Эрназар. Да никого там нет, я один.

Салим (берет оружие). Товарищи, быстро уходим в горы.

Худжаёр. В горы? Я не пойду. Пусть меня убьют. Я не брошу свой кишлак и свой народ. Здесь наши дети, жены...

Салим. Худжаёр!

Худжаёр. Не пойду!

Салим. У нас нет оружия. Что же, добровольно отдадимся в руки Рахимбека?

Худжаёр. Если нет оружия, будем воевать серпами и топорами.

Салим. Довольно! Хватит болтать чепуху! Все уйдем в горы!

За сценой слышен стук конских копыт.

Сафар. Басмачи!

Салим. Бобохол, ты останешься в кишлаке. Остальные — со мной. Пошли, Хоркаш! Вставай!

Хоркаш. Я не пойду, пока не найду свою дочь.

Салим. Хоркаш! Сейчас не время говорить об этом. Вставай, вставай, пойдешь с нами. (Уходят.)

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

В горах. Лунная ночь. Салим, Худжаёр, Сафар, Эрназар, Хоркаш.

Хоркаш сидит в стороне на камне. Сафар в глубине сцены стоит на возвышении. Он — часовой.

Худжаёр. В такое опасное время мы бросили своих односельчан на произвол судьбы, партия нам этого не простит...

Э р н а з а р. Ака Худжаёр, но ведь у нас не было оружия...

Х у д ж а ё р. Не было оружия, так были серпы, топоры.

Э р н а з а р. У нас не оставалось времени, чтобы взять серпы и топоры.

С а л и м. Сафар! Смотри внимательно. Ты должен заметить даже зайца, если он высунет голову из своей норы.

С а ф а р. Хорошо.

Х у д ж а ё р (Салиму). Так что мы будем делать?

С а ф а р. Есть одна мысль,

Х у д ж а ё р. Какая?

С а л и м. Хоркаш, чего такой грустный? Иди сюда, поближе. (Хоркаш нехотя садится рядом с Салимом.) В окрестных кишлаках немало бывших партизан.

Х у д ж а ё р. Ну и что?

С а л и м. За ночь мы можем собрать сорок — пятьдесят человек.

Э р н а з а р. Правильно, ака Салим.

Х о р к а ш. Это опасно. Беда ходит за тобой по пятам, Салим.

С а л и м. Будь спокоен, Хоркаш, беда не настигнет меня. Ну, а если настигнет, мы переломаем ей зубы камнями наших гор.

Э р н а з а р. Ака Салим, мы соберем твой бывший отряд. Я сам сейчас же отправлюсь, обойду два-три селения...

С а л и м. Тише, Эрناзар, не поднимай шум.

С а ф а р. Кто идет? Стой! Стрелять буду!

Голос за сценой: «Это я, Махкам».

С а ф а р. Махкам?

Салим, Худжаёр и Эрназар направляются в сторону, откуда был слышен голос. Через некоторое время появляются вместе с Махкамом.

Х о р к а ш. Махкам?! Как ты оказался здесь, сынок?

Махкам. Я убежал. Всю ночь искал вас.

С а л и м. Что в кишлаке?

Махкам. Басмачи схватили моего отца и сестру... (Салиму.) Ваш дом и дом ака Сафара разграбили.

Х у д ж а ё р. И сам Рахимбек в кишлаке?

Махкам. Не знаю.

Э р н а з а р. Еще кого схватили?

М а х к а м. Многих схватили. Люди бежали.

С а ф а р. Смотрите, кишлак горит. *(Все смотрят.)* Идите сюда, отсюда хорошо видно. *(Все идут, кроме Хоркаша.)*

Х о р к а ш *(один)*. Три тысячи рублей... вороной конь... Неужели Мирзосадулло сказал правду?... Родное дитя, свет моих очей в лапах подлых убийц! *(Закрыв лицо ладонями, плачет.)*

Возвращаются С а л и м, Х у д ж а ё р, Э р н а з а р и М а х к а м.

С а л и м. Это верно, Худжаёр, но красноармейцы разгромят басмачей в бою. Однако ты забываешь о таких, как Туракул и Мирзосадулло, забываешь, что эти басмачи у себя дома. Сейчас они повсюду поднимают головы, хотят помочь Рахимбеку. Кто должен вести с ними борьбу? Мы, добровольческие отряды.

Х у д ж а ё р. Мы не смогли установить связь ни с районом, ни с пограничниками. Не узнав сути, как мы можем начинать такое серьезное дело? А эти могут оказаться просто бандой воров и не сегодня завтра уйдут туда, откуда пришли...

С а л и м. Сафар! Иди в ту сторону и наблюдай за дорогой. Вместо тебя останется Махкам.

С а ф а р. Хорошо. *(Уходит.)*

С а л и м. Иди, Махкам, и встань на часах вместо Сафара.

М а х к а м. Хорошо, ака Салим. *(Уходит.)*

С а л и м *(Худжаёру)*. Хоть ты и председатель кишлачного Совета, а рассуждаешь, как малое дитя. Думаешь, что Рахимбек только затем пришел, чтобы грабить? Нет. Четыре года копил он силу на той стороне, чтобы прийти сюда и отомстить за себя и за Алимхана. Видел, как полыхает? Это горит наш колхоз. Нет, не банда воров напала на нас, а беспощадный враг, враг нашего народа. Раскрой глаза, Худжаёр.

Х о р к а ш. Салим!

С а л и м. Что, бобо Хоркаш?

Х о р к а ш. Где моя дочь?

С а л и м. Бедный отец!.. Будь мужественным. Я верю, что ее найдут.

Х о р к а ш. Найдут?

С а л и м. Обязательно найдут, за это дело взялась милиция.

Хоркаш. А я думал, что ты знаешь, где она находится?

Салим. Я? Откуда?

Хоркаш. Значит, не знаешь?

Салим. Если бы я знал!

Хоркаш. Она в руках Рахимбека.

Салим. Что? В руках Рахимбека? Хурмо?

Хоркаш. Да, разве ты ничего не знаешь об этом?

Салим. Я?! Что ты такое говоришь, Хоркаш?.. Как она попала в руки Рахимбека?

Хоркаш. Салим, скажи правду, ты ничего не знаешь?

Салим. Ты что, подозреваешь меня в чем-то?

Хоркаш. Салим, ты настоящий коммунист?

Салим. Что за вопрос, Хоркаш? Ты ведь знаешь меня не первый год...

Хоркаш. Нет, ты ответь на мой вопрос!

Салим. Я всегда старался быть настоящим коммунистом. Скажи, в чем дело?

Хоркаш. Ты чист сердцем?

Салим. О боже!.. Да о чем ты?

Хоркаш. На какие деньги ты купил вороного коня?

Салим. Коня?.. Хоркаш, кто-то пустил клевету, чтобы заронить в тебе сомнение. Не тани, скажи прямо, в чем дело? Каким образом ты узнал, где Хурмо?

Хоркаш. Мне сказал Мирзосадулло... Мою дочь похитил Одина и отвез в подарок Рахимбеку...

Салим (потрясен). Что?!

Появляется Сафар.

Сафар. Салим! (Знаком подзывает Салима к себе.) Мы поймали ишана.

Салим. Какого ишана?

Сафар. Окьюза... Шел по дороге, мы его задержали. Привести?

Салим. Зачем он нам? Отпусти его.

Сафар. Он спросил: «Кто вы?» А я ответил: «Люди Рахимбека!» И он поверил.

Салим. А-а, это другое дело. Давай его сюда.

Сафар (уходит и возвращается). Пожалуйста, проходите, святой отец, борцы за веру здесь.

Входят ишан Окьюз и Мирзокаландар.

Окьюз и Мирзокаландар. Ассалям алейкум.

Салим. Ваалейкум ассалям.

Сафар (Салиму). Господин сотник, почтенный наставник наш спрашивает, где остановился бек.

Салим. Очень хорошо. Эрназар, сними-ка свой халат и постели на землю. Пусть присядут. Ничего другого мы не можем постелить их светлости.

Окьюз. Ничего, ничего.

Салим. Таков уж удел воинов ислама, пока большевики у власти: постель — дорожная пыль, подушки — камни гор.

Окьюз и Мирзокаландар садятся. Худжаёр и Эрназар подходят по знаку Салима и поклоном приветствуют Окьюза и Мирзокаландара. Хоркаш остается в стороне.

Салим. Сафар, возвращайся на свое место. (Сафар уходит.)

Окьюз (сложил руки для чтения молитвы). О, аллах! Вознеси руку исламского воинства над всеми врагами, даруй долгую жизнь предводителю борцов за веру правовернейшему Абдурахимбеку, сделай его меч острым и победоносным, аминь аллаху акбар. Добро пожаловать, господин сотник, долго мы ждали вас. Вам — наша страна, вам — наши жизни и наше добро!

Салим. Благодарю, почтеннейший.

Окьюз. Как здоровье господина предводителя борцов за веру?

Салим. Хорошее, благодарение всемогущему аллаху!

Окьюз. Где и когда можно посетить их?

Салим. Бек остановился в селении Джуйбор.

Окьюз. Тогда мы пойдем в то селение.

Салим. Очень хорошо... Почтенный учитель, вы знаете Салима-партизана?

Окьюз. Салим-партизан? Хоть и не видел его никогда, но слышал о нем. Он ведь смертельный враг предводителя борцов за веру.

Салим. Да, кровный враг...

Окьюз. Будь проклято его имя, а сам он предан проклятию, шайтаново отродье! Продался кафирам-большевикам. Почему вы вспомнили о нем, господин сотник?

Салим. Потому что он снова взялся за оружие, когда услышал о появлении Рахимбека. Вы видели когда-нибудь бека лично?

Окьюз. Безмерно сожалею, что не довелось увидеть, но я безраздельно верю беку...

Салим. Очень хорошо. А кого вы знаете из военачальников, почтенный учитель?

Окьюз. Знаю их только по именам, но, к сожалению, не довелось познакомиться лично.

Салим (встает). Дело в том, что Салим — это я, почтенный.

Окьюз. Вы?.. (Встает.) Ка-ак это?..

Салим. Не бойтесь, Салим с безоружными не воюет. Придет время, и вы будете держать ответ перед судом трудящихся. А сейчас давайте-ка сюда ваши халаты и чалмы. Ну, ну, быстро, быстро! Раздевайтесь!

Окьюз и Мирзокаландар, дрожа от страха, снимают верхнюю одежду.

Салим (Эрназару). Отведи их за холм. Не спускать с них глаз! Позови Сафара.

Эрназар (ишану и его мюриду). А ну, пошли! (Уводит обоих.)

Худжаёр. Зачем это все, Салим?

Салим. А вот сейчас поймешь.

Надевает на себя халат и чалму Мирзокаландара.

Ну как, Худжаёр? Идет мне?

Худжаёр. Что ты придумал? Теперь осталось только разбойничать и грабить. (Появляются Эрназар и Хоркаш, за ними Сафар.) Ну, говори же, что ты думаешь делать? Зачем тебе этот маскарад?

Салим. Я хочу сделать из тебя ишана, а сам буду твоим мюридом.

Худжаёр. А потом что?

Салим. Потом мы отправимся к Рахимбеку.

Сафар. Что еще за новости?

Салим. Да, а по дороге соберем своих сторонников.

Сафар. Каких еще сторонников?

Салим. Бывших партизан. (Худжаёру.) Вот тогда и будет создан отряд. Теперь понял?

Худжаёр. Теперь понял. Здорово ты придумал, Салим!

Сафар. А по-моему, это неосторожно.

Худжаёр. Нет, нет, это очень хорошая мысль. Во всяком случае, узнаем секреты Рахимбека.

Хоркаш. Салим, я стану ишаном.

Салим. Да, Хоркаш, наш разговор не закончен. Ты

допытывался, настоящий ли я коммунист. А почему ты задаешь мне этот вопрос?

Хоркаш. Нет, конечно, ты... Ты не виноват, Салим... Будь проклята моя простота... И проклятие тому, кто выдумал эту ложь, чтобы сделать меня твоим врагом.

Салим. Так кто же это был?

Хоркаш. Туракул и Мирзосадулло. Они в мечети сказали мне, что ты якобы получил от Одины три тысячи рублей за то, что помог ему похитить Хурмо. Дьяволы! А я, глупец, чуть не поверил этой клевете... Прости меня. Ты — честный человек, Салим, ты настоящий коммунист. Благодарю бога за то, что снова обрел веру в тебя.

Салим. О, Хурмо, Хурмо!.. В какую бездну горя ввергли тебя враги!..

Хоркаш. Салим, клянусь аллахом, ты не найдешь «ишана» лучше меня.

Худжаёр. Ты станешь «ишаном»?!

Хоркаш. За свою жизнь я был мюридом у десяти ишанов и хорошо знаю их повадки.

Худжаёр. Я тоже знаю не хуже тебя.

Хоркаш. Твой возраст и черная борода не подходят для ишана.

Худжаёр. Да ты же неграмотный крестьянин, ты не справишься с этим делом и только все испортишь.

Хоркаш. Успокойся, все будет как надо.

Худжаёр (берет чалму и халат Окьюза). Нет, это дело не для тебя, ты должен остаться здесь.

Хоркаш (кладет руку на одежду ишана). Отдай это мне, Худжаёр, я должен пойти туда! Мне надо увидеть свою дочь!

Худжаёр молча отдает ему одежду... Хоркаш надевает ее на себя.

Салим. Хорошо, пусть идет Хоркаш. Сафар, Махкам, вы тайно обойдете окрестные кишлаки, соберете наших людей и приведете в Джуйбор под видом мюридов ишана. Если их нельзя будет ввести в кишлак, приведете всех сюда. Поняли?

Сафар и Махкам. Поняли.

Салим. Отправляйтесь. (Сафар и Махкам уходят. Эрناзару.) А ты должен пробраться в район и сообщить о положении дел.

Эрназар. Хорошо.

Салим. Постарайся вернуться до рассвета.

Эрназар. Хорошо.

Салим. А тебя, Худжаёр, прошу остаться здесь. Смотри за ишаном, чтобы не сбежал. Я сообщу тебе о ходе наших дел.

Худжаёр *(протягивает Салиму руку)*. Ладно, пусть будет так, как ты сказал.

Салим *(протягивает руку Эрназару)*. Скорее отправляйся в путь. Будь осторожен, не попади в лапы к басмачам.

Салим и Хоркаш прощаются и уходят. Худжаёр и Эрназар, проводив их, возвращаются. Вскоре слышится удаляющийся топот копыт.

Эрназар. Ну ладно, я тоже пойду. *(Протягивает руку Худжаёру.)* Прощай, председатель.

Худжаёр. Постой, есть разговор.

Эрназар ждет. Худжаёр, размышляя, ходит из стороны в сторону.
Пауза.

Эрназар. Ну, что ты хочешь сказать, ака Худжаёр?

Худжаёр. Что будем делать с этими... ишанами?

Эрназар. А что делать? Надо их держать здесь, пока не вернется Салим. Прощай, я пошел.

Худжаёр. Стой!

Эрназар. Что еще?

Худжаёр внезапно набрасывается на Эрназара.

Эрназар. Ах, так ты изменник!..

Борются на краю пропасти.

Худжаёр сталкивает Эрназара в пропасть. Убегает и приводит Окьюза и Мирзокаландара.

Худжаёр *(отдает им халаты Салима и Хоркаша)*. Надевайте и быстро отправляйтесь в Джуйбор. Салим пошел к Рахимбеку...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Место действия второй картины. Слева шатер Рахимбека. На сцене Рахимбек, Сохиб, Султанбек, Одина, Туракул, Мирзосадулло.

Рахимбек (*Мирзосадулло и Туракулу*). Значит, вы ничего не смогли сделать? Салима не схватили! Могу ли я впредь полагаться на таких, как вы, болтунов, нерасторопных, нерадивых?! Отправляйтесь вместе с Одиной. Он будет собирать джигитов в окрестных селениях, а вы поможете ему. Идите! (*Оба уходят вместе с Одиной.*) Какая жалость, что Салима не схватили.

Сохиб. А вы не допросили девушку, бек? Где Салим, есть ли у него родственники, друзья? Невеста наверняка все знает.

Рахимбек (*Султанбеку*). Скажите Каросач, пусть приведет ко мне девчонку. (*Султанбек уходит.*) Прикажите военачальникам, чтобы готовились к походу. Выступите после полудня. В какую сторону отправимся, пока пусть останется тайной. (*Сохиб уходит. Появляется Хурмо в сопровождении Каросач. Обе в чадре. Каросач молча уходит.*) Подойди поближе.

Хурмо. Зачем звали?

Рахимбек. Свою жену я могу позвать, когда захочу.

Хурмо. Я еще не стала вашей женой.

Рахимбек. Станешь этой ночью.

Хурмо. Не стану.

Рахимбек (*смеется*). Как это не станешь?

Хурмо. Нужно совершить брачный обряд по шариату.

Рахимбек. Брачный обряд будет.

Хурмо. Без согласия девушки запрещается совершать брачный обряд. Вы называете себя мусульманином, даже предводителем всех мусульман, так неужели этого не знаете?

Рахимбек. Твоего согласия добиться нетрудно.

Хурмо. Силой? Растоптать мусульманский шариат? Не страшась греха?

Рахимбек (*смеется*). Ого, да ты, оказывается, великая всезнайка, девочка. Пугаешь меня грехом?

Хурмо. Пока не увижусь с отцом и не получу его благословения, сама я не соглашусь на брак.

Рах им бек. Как ты увидишься с отцом? Его здесь нет. Он же бежал вместе с твоим женихом Салимом — партизаном.

Хурмо. Пусть так, а вы найдите его.

Рах им бек. Согласен с тобой. Но, чтобы его найти, нужна твоя помощь. Конечно, твой отец скрывается в доме какого-нибудь вашего родственника или же родственника Салима. Ты должна знать родственников и друзей твоего отца и Салима...

Хурмо. Нет, не знаю.

Рах им бек. Послушай, Хурмо, я не сделаю ничего плохого ни вашим родственникам, ни твоему отцу, ни Салиму. Могу поклясться в этом.

Хурмо. Не знаю.

Кривой Артык и три басмача приводят двух колхозников и учительницу со связанными сзади руками. Пленники босы, в разорванной одежде.

Хурмо (бросается к учительнице). Муаллима! (Обнимает ее, их отрывают друг от друга басмачи).

Учительница. Не плачь, сестра, враги не должны видеть твоих слез. Это дикие звери, которые только и умеют рвать на части свои жертвы и пить их кровь. С отвращением смотри в их глаза, плюй в их поганые лица!..

Рах им бек. Это та учительница?

Артык. Да, бек, она.

Рах им бек. Увести ее! Повесить за волосы! Школу сжечь...

Учительницу волокут по земле. Хурмо снова бросается к ней, но ее удерживают.

Колхозник (Рах им беку). Убиваешь невинных! Убей меня, а ее пощади!

Артык (Рах им беку, указывая на колхозника). Это бывший краснопалочник-партизан, вместе с Салимом воевал с нами.

Рах им бек. Подвергнуть пытке! Отпилить руки и ноги, а затем отрубить голову!

Колхозник. Да здравствуют Советы! Да здравствует партия!

Рах им бек. Вырвать ему язык!

Колхозника уводят.

Артык (указывает на второго колхозника). А этот уговаривал крестьян вступать в колхоз, сам записался раньше всех.

Рах им бек. Джалил! Убей его! Отруби ему голову!

Джалил. Я... не могу...

Рах им бек. Не подчиняешься моему приказу, собака!

Джалил. Незаконно... несправедливо... не могу...

Рах им бек (*указывая на Джалила*). Куганбек, взять его! Отними оружие! Свяжи и сторожи, я сам его потом накажу. (*Указывает на колхозника.*) И этого уведите. Забейте его палками!

Колхозник. За меня тебе отомстят, умрешь как собака, палач!

Джалила и колхозника уводят. Входят Салим и Хоркаш в одежде ишанов, их сопровождает Султанбек.

Султанбек. Господин бек, почтенный ишан Окьюз пожаловали.

Салим и Хоркаш. Во имя бога всемилостивого и милосердного ассалам алейкум.

Рах им бек. Ваалейкум-ассалам! (*Здоровается с «гостями».*) Прощу вас, ишан, проходите, сейчас принесут угощение. (*Бормоча молитву, Хоркаш входит в шатер и садится, другие тоже садятся.*)

Хоркаш. Слава аллаху, наконец-то войско ислама опять пришло к нам! Ведь лет пять уж тому как вы, высокочтимый бек, ушли за кордон? Пять лет в эмиграции.

Рах им бек. Да, ровно пять лет.

Султанбек. Эмиграция, говорите? К сожалению, это мало было похоже на эмиграцию.

Салим. Тогда что же это было, господин курбаши? До сего дня мы только и твердили: «Глава мусульман покинул нашу родину». Мы не сводили глаз с границы...

Входят Сохиб и Куганбек, здороваются.

Сохиб. Господин бек, солдаты готовы выступить.

Рах им бек. Очень хорошо. (*Хоркашу.*) Мы сейчас уйдем отсюда. Если хотите, присоединяйтесь к нам. Окончим нашу беседу в другом месте.

Хоркаш смущен и растерян, не знает, что ответить.

Салим. Господин бек, ишан послал людей в кишлаки, чтобы они привели сюда мюридов...

Хоркаш. Да, да, совершенно верно. Мы вызвали сюда, к вам, наших мюридов, чтобы они могли выразить преданность предводителю борцов за ислам и влиться в

ряды храбрых воинов бека. Если они придут и не застанут вас здесь, будет нехорошо. Очень просим, господин бек, задержитесь еще часа на два.

Рахимбек думает.

Султанбек. А сколько примерно людей явится?
Хоркаш. Двести-триста человек должны прийти.
Сохиб. Это большая сила, господин бек.

Салим. Ишан приказали, чтобы приходили только молодые и крепкие, а старикам велено оставаться дома.

Рахимбек. Куганбек, передай военачальникам, что я пробуду здесь еще часа два.

Куганбек. Хорошо. (Уходит.)

Сохиб. Разрешите спросить, господин бек, девчонка сообщила что-нибудь о Салиме или нет?

Рахимбек. Нет. (Ишану.) Одна здешняя девчонка попала к нам. Ее отец, Хоркаш, сообщил Салиму о нашем приходе, и тот бежал. Сам он тоже сбежал вместе с ним.

Хоркаш. Господин бек, какой это Салим?

Рахимбек. Это мой давний враг.

Султанбек (Хоркашу). Узнал, что бек возвращается, и сбежал.

Салим. Хоть и сбежал, проклятый, да никуда не денется. Его схватят сами мюриды нашего ишана.

Хоркаш. Пусть ваша светлость будут спокойны. Какое значение имеет жизнь или смерть одного врага?

Рахимбек. Этот один опаснее, чем сто других.

Султанбек. По-моему, бек, вы уже отомстили Салиму.

Рахимбек. Тем, что его невеста у меня в руках?

Султанбек. Да, господин бек.

Рахимбек. Нет, мне мало этого.

Сохиб. Беку нужна голова Салима.

Рахимбек. Ваше предположение имеет основание. Кажется, эта девчонка и в самом деле знает, где скрываются Салим и ее отец.

Хоркаш. Разве вы не допросили девчонку?

Рахимбек. Допросил.

Хоркаш. И что же?

Рахимбек. Не говорит.

Сохиб. Упрямая...

Султанбек. Красавицы всегда хитры и коварны.

Салим. У меня есть одно соображение, господин бек. Если позволите, я изложу его.

Рахимбек. Какое соображение?

Салим. Что если ишан поговорит с девушкой наедине? Она же все-таки мусульманка. Если ишан именем аллаха наставит ее на путь истинный, может быть, она и откроет ему свои тайны.

Рахимбек *(Сохибу)*. Что скажете, додхо?

Сохиб. Неплохая мысль, бек.

Рахимбек *(Хоркашу)*. А вы согласны?

Хоркаш. Я готов услужить.

Рахимбек. Хорошо, попробуем и это. Читайте молитву, святой отец.

Хоркаш *(поднимает руки, читает молитву)*. Аллах ум мансур ман ассареддин лоим амал мусульманин аминь аллаху акбар. *(Все проводят руками по лицу и встают.)*

Рахимбек. Оставайтесь здесь, святой отец, я пришлю к вам девчонку.

Хоркаш. Слушаюсь. *(Салиму.)* Мирза, не уходите, вы мне понадобятся.

Все уходят, кроме Хоркаша и Салима. Султанбек и Сохиб задерживаются при выходе.

Султанбек. Вы ничего не заметили, додхо?

Сохиб. Да, ишан происходит из простых. Он неправильно произносит слова молитвы.

Султанбек. Вот так. Какой же он тогда ишан, если не может правильно прочесть молитву?

Сохиб. Не обманщик ли он? Нужно сказать беку. Идемте к нему.

Уходят. Хоркаш и Салим остаются одни в шатре.

Хоркаш *(испуганно)*. Спаси нас аллах! Что будем делать, Салим?

Салим *(оглядевшись по сторонам)*. Слушай, как только явится часть твоих так называемых мюридов, ты начнешь радение.

Хоркаш. Зачем?

Салим. Чтобы подольше задержать здесь Рахимбека. Не бойся! Смелее! *(Появляется Хурмо. Салим выходит из шатра, не глядя на Хурмо.)* Сюда проходите, сестра, ишан в шатре. *(Хурмо медленно входит в шатер, видит Хоркаша.)*

Хоркаш. Хурмоджан... доченька, не узнаешь своего бедного отца?!

Хурмо. Отец! *(Бросается к нему.)*

Хоркаш *(обнимает ее, целует)*. Хурмо, родная моя, свет очей моих...

Хурмо. Отец, где Салим?

Хоркаш. Кто его удержит? И он здесь. Вон он.

Хурмо. Салим?! *(Салим поворачивается к ней.)* Салим!

Салим. Хурмо, дорогая моя!

Хурмо. Салимджан, ты пришел сюда, чтобы освободить меня?

Салим. Конечно, родная. Но времени у нас в обрез. С каким войском пришел Рахимбек?

Хурмо. Примерно тысячи три.

Салим *(достает из-за голенища сапога кинжал и дает его Хурмо.)* Возьми это. Здесь поднимется суматоха. Мы постараемся освободить тебя, но и ты тоже действуй, если потребуется.

Хурмо. Хорошо, Салимджан.

Хоркаш. Будь осторожна, дочка!

Появляются Окьюз и Мирзокаландар в одежде Хоркаша и Салима. Салим выбегает из шатра.

Мирзокаландар *(узнает Салима)*. А, вор и обманщик! *(Окьюзу.)* Учитель, смотрите, здесь эти обманщики!

Салим *(вынимает пистолет и направляет на пришедших)*. Тихо! Молчите, иначе буду стрелять!

Хурмо. Отец, кто эти люди?

Хоркаш. Это подлинные ишаны. Мы попались. Какое несчастье!

Салим *(Хурмо)*. Ты теперь иди и помни, что я сказал. Будь смелой. *(Хурмо уходит. Салим быстро говорит Окьюзу и Мирзокаландару.)* Скажете Рахимбеку, что вы мюриды ишана и при нем поцелуете руку вот у этого человека. *(Показывает на Хоркаша.)* Если попытаетесь раскрыть беку тайну, я застрелю вас обоих на месте!

Появляются Рахимбек, Султанбек и Куганбек. Хоркаш быстро заходит в шатер, садится и начинает перебирать четки. Салим учтиво прикладывает руку к груди.

Во время разговора с Рахимбеком Окьюза и Мирзокаландара он угрожающе смотрит на них.

Окьюз и Мирзокаландар. Ассалям алейкум.
Рахимбек. Алейкум ассалям. Кто вы?

Окьюз. Мы, господин... мюриды ишана...

Рахимбек. Из какого кишлака?

Салим. Они пришли из кишлака Бешкапá, господин бек. *(Грозно смотрит на Окьюза.)*

Окьюз. Да, да! *(В сторону.)* Умереть мне на этом месте, если я хоть раз в жизни видел этот кишлак.

Хоркаш выходит из шатра. Под грозным взглядом Салима Окьюз и Мирзокаландар, кланяясь, подходят к Хоркашу и целуют ему руку.

Рахимбек *(тихо Султанбеку)*. Ваши подозрения неосновательны, он в самом деле ишан. *(Хоркашу.)* Ну как, мой ишан, выудили что-нибудь из девчонки? Сказала она, где ее отец и Салим?

Хоркаш. Да, сказала...

Сохиб *(входит)*. Господин бек, пришли мюриды ишана. Я задержал их во дворе мечети.

Рахимбек. Хорошо. *(Хоркашу.)* В таком случае, святой отец, идите к своим мюридам, а о результате вашего разговора с девчонкой мне расскажет ваш мирза. Султанбек, идите с ишаном. *(Окьюзу и Мирзокаландару.)* Вы тоже идите.

Хоркаш берет посох и уходит, повторяя молитву: «Бисмиллоху рахмон ар-рахим!» За ним идут Султанбек, Окьюз и Мирзокаландар. Салим с беспокойством смотрит, как уходят Окьюз с Мирзокаландаром.
Входит Сохиб.

Рахимбек. Итак, мирза, что сказала девчонка?

Салим. Она говорит, что... Салим нигде не сможет укрыться, кроме кишлака... Тошгузар... Там у него родственники. Может быть, он собирает отряд, чтобы выступить против вас, господин бек. *(Обеспокоенный, смотрит в сторону, куда ушли Хоркаш и другие.)*

Рахимбек. Где находится этот кишлак?

Сохиб. Он у нас на пути, бек.

Салим. Господин бек, разрешите мне пойти к моему ишану, я ему буду нужен.

Рахимбек. Идите. *(Салим уходит быстрыми шагами.)* Подойдите сюда, додхо, посоветуемся. *(Куганбеку.)* Оставайся здесь и никого ко мне не пускай, кроме Султанбека!

Куганбек. Хорошо.

Рахимбек и Сохиб входят в шатер и тихо разговаривают. Появляются Окьюз и Мирзокаландар.

Окьюз (*взволнованно*). Бек здесь?

Куганбек. Стой! Какое у тебя дело к беку?

Окьюз. Очень важное дело!

Куганбек. Стой! Бек сейчас никого не принимает. Уходи, после придешь.

Окьюз (*громко*). Нет, нет, мне нужно сейчас же, сию минуту видеть бека.

Рахимбек (*выходит из шатра вместе с Сохибом*). Что за шум? Кому я нужен?

Окьюз. Мне, мне! Господин бек, это я — ишан Окьюз, а тот старик — обманщик. Его спутник — Салим!..

Рахимбек. Салим?!

Окьюз. Да, да, сам Салим, скорее схватите его, а не то проклятый всех нас погубит!

За сценой слышится пение молитв.

Рахимбек (*Сохибу*). Додхо, они начали радение. Расставьте везде солдат побыстрее, только без шума. Салим и его люди не должны ничего заметить.

Сохиб. Хорошо.

Уходит. С другой стороны появляются Хоркаш, за ним Салим и группа крестьян, все в чалмах, некоторые с посохом. Сохиб с группой басмачей тихо окружает их. Салим замечает опасность.

Салим (*внезапно выхватывает меч у одного из басмачей*). Бейте их, красные партизаны!

Сумятица, бьются мечами, врукопашную. Хоркаш с посохом в руке перебегает сцену. Ему преграждает путь Артык с обнаженным мечом в руке.

Артык. А, обманщик! Читай молитву, сейчас я отправлю тебя к праотцам.

Хоркаш. Попробуй, подлец, я тебя не боюсь! Проклятый басмач!

Бросается на него с посохом. Артык обороняется мечом. Появляется Рахимбек, Хоркаш кидается на него. Рахимбек стреляет в него. Хоркаш падает. Слышатся шум, крики, звон мечей, топот копыт и ржание лошадей. Появляется Сохиб.

Сохиб. Господин бек, мы задержались из-за схватки, а в это время нечестивцы сели на наших коней и ускакали.

Рахимбек. Быстро за ними в погоню! Схватить!

С другой стороны двое басмачей волокут Хурмо. Голова ее непокрыта, волосы растрепаны, платье разорвано.

Первый басмач. Господин предводитель, она хотела сбежать...

Второй басмач. Я выстрелил в коня и свалил его. Внезапно Хурмо всаживает кинжал в басмача. Тот падает. Девушка бросается с кинжалом на Рахимбека, но Артык хватает ее за руку. На сцене гаснет свет. Затем полумрак. Ночь. Шатра нет. Хурмо привязана к дереву. Рядом сидит Куганбек с винтовкой в руках, охраняя Хурмо. Он бросает под язык нас. Появляются Рахимбек и Худжаёр.

Рахимбек. Какие люди идут добровольцами в красные отряды?

Худжаёр. Бедняки, босяки. В общем, все голодранцы. Я тоже образовал отряд из таких. Теперь я тоже «командир». (Смеется.) Сегодня со своим отрядом отправлюсь к Салиму.

Рахимбек. Ты должен обязательно вывести его из строя. А того парня... как его звали?

Худжаёр. Эрназар.

Рахимбек. Зря ты его убил. Лучше бы связал и привел ко мне вместе с ишанами.

Худжаёр. Я был один, и у меня не было выхода... Ладно, я пойду. Прощайте.

Прощаются за руку. Рахимбек уходит. Худжаёр проходит мимо Хурмо.

Хурмо. Предатель! Убийца!

Худжаёр (подходит близко, смотрит ей в лицо). А, это ты?! Замахнулась кинжалом на предводителя борцов за веру? (Куганбеку.) Кончайте это отродье скорпиона.

Куганбек. Будьте покойны. От нас не уйдет.

Худжаёр. Она должна умереть! (Идет, оборачивается и повторяет.) Она должна умереть! (Уходит.)

Куганбек. Отродье скорпиона. Правду он сказал. С кинжалом на предводителя войска, а?! Жить надоело, что ли? Тебя повесят на ветке чинары... Завтра утром. После намаза. За волосы. Как ту учительницу. Перед всем народом. Не боишься? А? Хоть бы бек отдал мне тебя до утра. Не отказалась бы, а?

Хурмо. Тьфу! Вонючий басмач!

147
178
Из темноты незаметно появляется Джалил. Кинжалом сваливает Куганбека. Забирает его винтовку. Разрезает веревку, которой привязана Хурмо, освобождает ее.

Джалил. Скорее. Конь за садом. Убежим вместе.
Хурмо. Убежим? Да ведь ты басмач!..

Д ж а л и л. С этим покончено. Торопись, не теряй времени, пошли!

Убегают.

З а н а в е с

КАРТИНА ПЯТАЯ

До поднятия занавеса слышна песня партизан. Ясный день в горах. Ущелье. Здесь партизаны расположились на отдых. В стороне сидят С а л и м и Х у д ж а ё р.

С а л и м. Он должен был привести в Джуйбор милицию или красноармейцев. Рахимбек был бы уже пойман. Куда же пропал Эрназар? В районе о нем ничего не знают...

Х у д ж а ё р. Может быть, по дороге в район наскочил на басмачей? Его могли схватить и убить...

Появляется Сафар с красноармейцем.

Сафар. Вот Салим. Ака Салим, тебя спрашивают.

Красноармеец. Здравствуйте, товарищ командир. Красноармеец Козлов, связной из штаба полка.

С а л и м. Здравствуй, товарищ.

Красноармеец. Это вам. *(Передает пакет.)*

С а л и м *(вскрывает пакет и читает)*. Ты побудь здесь. Бобохол! Угостите его. *(Уходит вместе с Худжаёром.)*

Сафар. Бобохол! Принеси мешок! *(Красноармейцу.)* Мы сейчас тебя угощать будем, товарищ.

Красноармеец. Спасибо, я не хочу.

Сафар. Э, как это не хочу, товарищ? У нас такой закон — «не хочу» нет. *(Бобохол приносит мешок.)* Развяжи и вынимай все, что есть.

Бобохол расстилает на земле платок, вынимает из мешка еду и раскладывает ее.

Бобохол. Давай, товарищ, садись. Это хорошая лепешка, жареная, а это — кишмиш, это талкан, давай кушай, сынок.

Красноармеец. Спасибо. Зачем столько? Мне столько не надо.

Бобохол. Что он говорит?

Сафар. Говорит, что его желудок не дядюшкин амбар, не может столько съесть. *(Красноармейцу.)* Давай, кушай, товарищ.

Красноармеец снимает фуражку, кладет на землю и принимается за еду.

Красноармеец. Спасибо. Очень вкусно, но больше не хочу.

Бобохол. Что он говорит?

Сафар. Говорит, положи в шапку, возьму с собой и дома поем.

Бобохол кладет в фуражку красноармейца лепешки и кишмиш.

Красноармеец. Эй, зачем это, папаша?

Бобохол (Сафару). Чего смеешься? Что он сказал?

Сафар. Говорит, заberi свой мешок, наелся уже до отвала.

Бобохол (понял, что он шутит). Вот бесстыдник, осрамил меня перед гостем. Теперь я буду с этим товарищем разговаривать без переводчика. (Красноармейцу.) Эй, товарищ, раз ты поел, так давай танцуй, порядок у нас такой. (Сафару.) Как сказать «танцуй» по-русски?

Сафар. «Стреляй» надо сказать.

Бобохол (красноармейцу). Давай, товарищ, один раз стреляй, можешь стреляй?

Красноармеец (удивленно). Стрелять? Зачем?

Бобохол. Ну, один раз стреляй, и все.

Красноармеец. Да не хочу я стрелять. Что ты ко мне пристал?

Сафар. Да он языка не знает. Просит тебя танцевать.

Красноармеец. А! Плясать? Это можно.

Бобохол. Что он сказал?

Сафар. Буду, говорит. А ну-ка, ребята, музыку давай.

Заиграли на домбре, захлопали в ладоши. Красноармеец пляшет. Салим и Худжаёр подходят и смотрят.

Салим. Молодец, товарищ красноармеец. Хорошо танцуешь.

Красноармеец. В родном селе девушки не жаловались. Однако, товарищ командир, у нас так говорится: делу — время, потехе — час. Разрешите ехать?

Салим. Правильно, поезжай. Скажи своему командиру, все будет выполнено.

Красноармеец. Есть. Счастливо вам! (Прощается за руку с Салимом и другими.) До свидания, товарищи, хайр!

Краснопалочники. Хайр! До свидания!

Сафар. Доброго пути!

Красноармеец. Скоро всем басмачам — конец. И снова заживете вы мирно и счастливо. (*Бобохолу.*) Так, папаша? (*Уходит.*)

Бобохол. Что он сказал?

Сафар. Говорит, если такой, как ты, старик взялся за оружие, то плохи дела у басмачей.

Бобохол. Неужели? Хороший русский язык, одним словом можно так много сказать.

Салим. Сафар, собери ребят!

Сафар. Хорошо. (*Созывает краснопалочников.*) Эй, ребята, скорей сюда. Как говорится, не все петь да плясать, нужно про бога и пророка вспомнить. Ака Салим говорить будет.

Салим. Товарищи! Из штаба Красной Армии получен пакет: нам поручается очень серьезное дело. Басмачи, разбитые красноармейцами, бегут в горы. Мы должны закрыть им пути к бегству и уничтожить их. Мы больше не допустим, чтобы басмачи убивали наших отцов, матерей, братьев, сестер, жен и детей, грабили и сжигали наши кишлаки. Не дадим топтать нашу страну. Не дадим! Довольно!

Краснопалочники (*поднимают вверх винтовки, сабли, палки*). Не дадим! Долой басмачей!

Салим. И вот еще что, товарищи. Отряд товарища Худжаёра объединился с нашим отрядом. В одном отряде не может быть двух командиров. Поэтому нужно выбрать командира. Отряд наш добровольный, товарищи, и командира выбирают сами отрядовцы. Пусть кто-нибудь председательствует на нашем собрании. Бобохол, ты среди нас самый старший, иди, будешь председателем.

Голоса. Правильно. Выходи, Бобохол, мы выбираем тебя председателем.

Бобохол (*подходит к Салиму*). Ну, ребята, снимайте со ртов замки. Кого хотите командиром?

Сафар. Известно, кто наш командир. Другого командира мы не желаем!

Голоса. Правильно! Он верно говорит! Мы тоже так считаем.

Бобохол. У твоего командира имени, что ли, нет? Назови его!

Сафар. А ты сам не знаешь разве?

Бобохол. Ну, ладно, давай, называй скорее имя.

Сафар. Салим, кто же еще.

Бобохол. Хорошо, кто за Салима, поднимите руку...

Гаибназар. Постой, Бобохол, дай мне слово.

Бобохол. Говори.

Гаибназар. Товарищи, я мало знаю Салима. А ведь мы должны выбрать командиром такого человека, которому была бы стопроцентная вера.

Сафар. Так ты против Салима?

Гаибназар. Не перебивай, я не такой оратор, как ты. (Краснопалочникам.) Про Салима ходит слух, что он как будто был связан с некоторыми главарями басмачей.

Сафар. Постой, постой. Где ты это слышал? С какими главарями?

Бобохол. Да ты что, совсем с ума сошел?! Салим четыре года бил это отродье.

Салим. Бобохол, не горячись. Дай ему договорить.

Бобохол (Гаибназару). Говори, но думай о чем говоришь.

Гаибназар. Я слышал, что Одина бежал в Афганистан с помощью Салима.

Сафар. Ложь! Клевета! Подлец Мирзосадулло пустил такой слух. Эту лису мы хорошо знаем. (Гаибназару.) А ты вышел и перед всеми повторяешь пущенную басмачами клевету! Может быть, ты сам басмач?

Гаибназар. Что? Я басмач?! Негодяй! (Бросается на Сафара. Волнение и шум.)

Худжаёр (выходит вперед). Стойте! Прежде чем поднимать шум, нужно все выяснить. Клевета это или нет? Я коммунист и хорошо знаю свои обязанности. Поэтому так скажу вам: эти слухи меня тоже беспокоят. В ту ночь, когда мы убежали от басмачей и укрылись в горах, покойный Хоркаш сказал, что будто Одина с помощью Салима похитил его дочь и увез в Афганистан. За это Одина якобы дал Салиму две или три тысячи рублей... Салим, скажи, говорил это Хоркаш или нет?

Салим. Говорил.

Худжаёр. Вот, видите, и сам Салим этого не отрицает.

Сафар. Не спеши, Худжаёр. Если уж начал, то договаривай до конца: с чьих слов говорил Хоркаш, как он сказал? И что было потом?

Худжаёр. Не знаю... не помню, с чьих слов он говорил, главное, что он именно так сказал.

Сафар. Ты все прекрасно помнишь. Рассказывай, как было на самом деле!

Худжаёр. Не один Хоркаш так говорил. Когда я

собирал в кишлаках отряд, это же слышал и от крестьян. Возможно, что этот слух распространили враги. Однако в любом случае его нужно проверить, чтобы восстановить честное имя Салима в глазах народа.

Сафар. Товарищи! Что это значит? Он клеветает на нашего Салима!

Худжаёр. Клевету басмачей тоже надо проверять, чтобы удостовериться, что это клевета. Партия нас так учит. Поэтому, товарищи, я предлагаю, пока дело не будет проверено, не выдвигать Салима кандидатом в командиры. *(Одобрительные и недовольные голоса.)*

Гаибназар. Я предлагаю выбрать командиром товарища Худжаёра.

Часовой *(входит)*. Ака Салим. Появилось много всадников.

Салим. Бобохол, кончай скорее собрание.

Бобохол *(растерянно)*. Что же мне делать?

Салим. Приступай к голосованию.

Бобохол. Кто хочет, чтобы командиром был Худжаёр, поднимите руку. Хорошо. *(Считает.)* Сто семьдесят пять человек. Сколько же тех, кто не поднял руку? Сколько у нас всего человек в отряде?

Худжаёр. Триста тридцать.

Бобохол. Выходит, большинство за Худжаёра?

Гаибназар. Выходит, так.

Бобохол. Значит, Худжаёр выбран командиром?

Часовой *(кричит)*. Басмачи!

Худжаёр. Слушай мою команду! Все за мной! Мы встретим басмачей в степи и там примем бой.

Салим. Стой, Худжаёр! Отряд не выйдет в открытую степь!

Худжаёр *(с угрозой)*. Ты командир или я?

Салим. В открытой степи отряд будет уничтожен.

Часовой *(входит, Салиму)*. Товарищ командир, мы захватили в плен двоих.

Худжаёр. Приведи сюда. *(Часовой уходит.)* Салим, не дезорганизуй отряд!

Салим. Отдай другой приказ. Мы засядем наверху и разгромим басмачей в ущелье!

Худжаёр. Не стой у меня на пути! Кто не подчинится моему приказу...

Салим. Твой приказ — безумие или предательство!

Худжаёр. Еще раз говорю, не мешай мне! Если не подчинишься...

Входят часовой, Хурмо и Джалил.

Хурмо. Салим!

Салим. Хурмо!

Худжаёр (отряду). За мной, товарищи!

Намеревается уйти во главе отряда.

Хурмо. Стойте, товарищи!

Все останавливаются и смотрят на нее.

Худжаёр. В чем дело?

Салим. Хурмо, Худжаёр избран командиром.

Хурмо. Он — предатель! Я видела его у Рахимбека. Рахимбек послал его к вам в отряд. Это он убил Эрнзара!

Худжаёр пытается выстрелить в Хурмо, но Джалил опережает его.

Хурмо (Салиму, показывая на Джалила). Это Джалил. Он убил басмача-охранника и освободил меня.

Салим (протягивая руку Джалилу). Спасибо тебе. (Слышен топот конских копыт и выстрелы. Сафару.) Ты со своей группой поднимись на эту скалу! Шариф! Ты со своими людьми укройся в засаде на той вершине! Не дайте басмачам пройти, бросайте на них камни! Остальные за мной, вперед!

Занавес

КАРТИНА ШЕСТАЯ

В горах. Лунная ночь. Вдали видна река Кафирниган. На выступе скалы сидит Махкам и смотрит вдаль. Внизу Бобохол.

Махкам. Идут в нашу сторону.

Бобохол. Сколько их?

Махкам. Один, два. Двое.

Бобохол. Посмотри получше.

Махкам. Я смотрю.

Бобохол. Неужели только двое?

Махкам. Не веришь, иди сам смотри, дедушка.

Бобохол. Да ведь я далеко не вижу. Тем более ночью. Когда я был таким, как ты, я видел человека на расстоянии целого дня пути.

Махкам. О, еще один появился. Теперь их трое.

Бобохол. Ну, что я говорил? Смотри, не появится ли еще один.

Махкам. Нет, их трое.

Бобохол. Хорошо посмотри.

Махкам. Дедушка, если не веришь, иди и сам смотри... *(Взволнованно.)* Ой, а это еще что? Черт побери...

Бобохол. Что, еще появился, что ли?

Махкам. Еще один появился.

Бобохол. Ну, что я говорил, сынок? Идут сюда?

Махкам. Разговаривают между собой.

Бобохол. Что они говорят?

Махкам. Откуда я знаю? Мои уши не телефон.

Бобохол. Что с твоими ушами? Когда я был таким, как ты, я слышал разговор на расстоянии целого дня пути.

Махкам. Идут!

Бобохол. Сюда?

Махкам. Да, прямо сюда. *(Быстро спускается вниз.)* Пойдем, дедушка. Нужно скорее доложить ака Салиму.

Бобохол. Подожди, сынок.

Махкам. Да поторопись же! Ака Салим ждет нас на том берегу.

Бобохол. Оставим их и уйдем, что ли? *(Показывает в сторону, где обнаружены басмачи.)* А нельзя ли их отвести к Салиму какой-нибудь хитростью?

Махкам *(поражен)*. Что ты такое говоришь, дедушка? Разве это возможно? И не сказал разве нам ака Салим: «Как только заметите басмачей, сразу же сообщите»?

Бобохол. Ах ты мой родной! Да если мы загоним этих волков в капкан к Салиму, разве он станет нас ругать?

Махкам. Как ты их посадишь в капкан, дедушка? Как бы они нас...

Бобохол. Не бойся, сынок. Мы сейчас что-нибудь придумаем. Пошли.

Махкам. Ох, дедушка! Коварный ты человек!..

Уходят. Появляются Рахимбек, Сохиб, Султанбек и
Одина.

Сохиб *(показывает вдаль)*. Вон она, река. Это Кафирниган.

Султанбек. Ну, а теперь куда пойдем? В долину нам нельзя спускаться...

Рахимбек. На юг, к Амударье. Только немного отдохнем. Одина, постой на часах.

Сохиб. К Амударье, говорите?

Рахимбек. Да, оттуда — в Афганистан.

Султанбек. Каким путем, бек?

Рахимбек. Через горы, затем по берегу Сурхона.

Сохиб. Этот путь очень долгий. Не лучше ли перейти Кафирниган прямо сейчас, не останавливаясь на ночь, и взобраться на гору Октав? Там могут оказаться наши люди. С их помощью мы спустимся к Пянджу, а там нетрудно будет перейти в Афганистан.

Рахимбек. По-вашему, на том берегу Кафирнигана нет красных?

Сохиб. Есть, конечно.

Рахимбек. А позади нас?

Сохиб. Тоже враг.

Рахимбек. Когда позади и впереди враг, идут направо или налево. А если и там появятся враги, тогда хитрят, запутывают следы.

Султанбек. Мы — пешие... без пропитания...

Рахимбек. В кишлаках по пути добудем лошадей и пропитание.

Султанбек *(уныло)*. Бесполезно!

Рахимбек. Почему?

Султанбек. Поздно. Теперь... мы должны... покориться судьбе...

Рахимбек. То есть?

Султанбек. Нет надобности произносить это злополучное слово.

Рахимбек. Сдаться? *(Султанбек молчит.)* Конец Рахимбеку? *(Гневно.)* Говори, трус!

Султанбек. Бек, вот уже два месяца мы скитаемся по горам, как волки, вырвавшиеся из капкана. Не можем пойти к людям, ибо в этой нечестивой стране нельзя различить, кто с палкой, а кто без палки. У нас нет лошадей, нет пищи. Люди отдадут кусок хлеба собаке, а нам не дадут. Глядя на нас, заплачут даже эти скалы.

Рахимбек. Довольно! Иди и сдавайся, негодяй! Рахимбек врагу не сдается, он еще жив. Бог даст, он еще поднимется во весь рост и повоюет!

Султанбек. Бек, сами подумайте. До Амударьи еще сто чакримов пути, нас могут сто раз схватить. *(Пауза.)* Бек, власти оказывают снисхождение тем, кто сдается добровольно...

Рахимбек (кричит). Хватит! Подлец! Убирайся вон!

Султанбек. Бек, вы не поняли, к чему я клоню...

Рахимбек. Долой с моих глаз, негодяй!

Султанбек. Простите, бек. (Встает, кланяется и намеревается уйти.)

Рахимбек. Стой! Куда?

Султанбек. Туда, куда меня все равно приведут со связанными руками, если я сам не приду.

Рахимбек. Стой!.. Стой! (Султанбек не останавливается.) Вернись, говорят тебе! (Идет следом за ним, хватая за плечи и останавливает.) Ты никуда не пойдешь!

Султанбек. Бек, в такие времена каждый сам себе хозяин.

Рахимбек. Сам себе хозяин? Предатель! (В гневе хватая Султанбека за горло и душит.)

Сохиб. Что с вами, бек? Опомнитесь!

Рахимбек (отталкивает его). Уйди! (Выхватывает нож и всаживает его в Султанбека.) Пропади совсем, собака! (Султанбек падает. Рахимбек отходит от него, опускается на землю.) Неужели конец всему?! О, боже, о создатель, еще один раз... еще один только раз спаси меня от этой беды, дай мне силы... Я сожгу эту страну! Истреблю всех поголовно... Горе мне, рухнули все мои надежды!.. (Издали слышится голос: «Хой, х-о-ой, х-о-ой!») Что за крики? Кто кричит?

Бобохол (появляется на сцене, как будто не видя басмачей). Иди сюда, куда ты пропал?!

Сохиб (тихо). Спрячемся, бек.

Рахимбек, Сохиб и Одина прячутся за скалу и прислушиваются.

Бобохол (бормочет про себя). Пусть аллах заберет души вас обоих! Будьте вы оба прокляты, и ты и коза! Этой козе смерть пришла. О, великий боже, если найду ее, сразу же заколю и съем, чтобы избавиться от нее. Подавись своим молоком, дохлятина. И без твоего молока проживу. (Появляется Махкам.) Где ты шляешься? Не говорил я тебе, крепче привязывай веревку? Черт бы тебя побрал, если не можешь усмотреть за одной козой, зачем ты мне нужен?

Махкам. Я ее крепко привязал, а веревка развязалась.

Бобохол (замахивается на него). Крепко привязал! Куда же она делась? Волк задрал? Или сквозь землю провалилась? (Бьет его). Ей-богу, обоих убью.

Рахимбек, Сохиб и Одина с револьверами в руках медленно выходят и окружают обоих.

Одина (*направляет на них револьвер*). Тихо! Ни звука! Кто вы?

Бобохол. Мы... мы здешние...

Одина. Из какого кишлака?

Бобохол. Мой кишлак далеко отсюда... на берегу реки... Перевозчик я...

Рахимбек. Что делаешь в этих местах?

Бобохол. Ищу свою козу. Привязал ее, а она отвызалась и ушла.

Сохиб. Кто этот мальчишка?

Бобохол. Внук мой. Козу потерял.

Рахимбек. Что слышно на том берегу?

Бобохол. Ничего. Все спокойно. А вы кто такие?

Рахимбек. Мы из добровольного отряда.

Махкам. Пятнистую козу здесь не видели?

Одина. Какая, говоришь?

Махкам. Пятнистая, черная с белым.

Одина. Нет, такую не видел.

Бобохол. А вы тоже, наверное, по важному делу пришли в эти места?

Одина. Наш отряд шел в Сурхон да наткнулся на басмачей по дороге. Лошадей наших перебили, теперь идем пешком. На том берегу найдутся лошади со снаряжением?

Бобохол. Почему же не найдутся?

Сохиб. А наши люди не появлялись?

Бобохол. Нет, вот уже несколько дней как не появляются.

Рахимбек. О басмачах что слышно?

Бобохол. Совершают налеты на кишлаки. Вот недавно главарь Алимардон разорил селение Шураёнбош. Салима-командира знаете?

Одина. А что?

Бобохол. Говорят, что Алимардон убил нескольких людей Салима, забрал их оружие и поднялся на Актау.

Рахимбек. А сам Салим как?

Бобохол. Откуда мне знать.

Пауза.

Рахимбек. На берегу реки у тебя есть дом?

Бобохол. Не дом, а шалаш.

Рахимбек. Шалаш?

Бобохол. Ну да. Если и шалаш, так что плохого? Хороший шалаш. Можно жить и в шалаше, если аллах в душе...

Сохиб. Отец, а бурдюк твой где?

Бобохол. На берегу реки.

Сохиб. На твоём бурдюке можно переправиться на тот берег реки?

Бобохол. Почему же нет, когда есть бурдюк? Я ведь перевозчик.

Сохиб. Мы хотим переправиться на ту сторону, чтобы отдохнуть и найти лошадей.

Бобохол. Тогда я пойду и спущу бурдюк на воду?

Сохиб. Да, да, иди. Одина, ты тоже пойдёшь с ним.

Одина. Хорошо, товарищ командир. Пошли, отец.

Бобохол, Махкам и Одина уходят.

Сохиб. Сам аллах послал нам этого старика.

Рахимбек. Один из двух — или аллах, или Салим.

Сохиб. Салим?

Рахимбек. Ничего нет удивительного. Мы же не знаем, кто этот старик.

Сохиб. Укушенный змеей боится веревки...

Рахимбек. Я не верю ни одному жителю этой страны.

Сохиб. Оставьте подозрения, бек. В конце концов этот старик сообщил хорошую весть, да ещё оказался перевозчиком...

Рахимбек. Я не буду переправляться на ту сторону, сами переправляйтесь.

Сохиб. Я никогда не брошу вас, бек. Будете вы живы, буду и я жив, а умрете...

Одина (*входит*). Бурдюк готов.

Сохиб. Бек, не надо колебаться. Пойдёмте. Будем уповать на всевышнего. Будь что будет. Смерть или спасение.

Рахимбек (*идёт, складывает руки для молитвы*). Отврати, создатель, беду, спаси меня ещё раз!..

Уходят.

Занавес

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Заросли камыша на левом берегу Кафирнигана. Перед рассветом. Сафар с винтовкой в руках сидит на берегу на высоком месте и тихо напевает. Он в дозоре.

Сафар. Твои красные, как вино, губы вспомнил я и
охмелел.

Твое красивое, как цветник, лицо увидел я,
и весна наступила для меня.

(Сзади тихо подкрадывается Салим и бросает камень.)
Кто это? Стой, стрелять буду! Подойди поближе, не бойся!
Открой лицо!.. Салим?! (Салим хохочет.) К чему эти шутки, ака Салим? А вдруг я выстрелил бы, что тогда?

Салим (смеясь). Ладно, ладно, чуткий часовой.
Если бы я сзади напал на тебя, ты и тогда бы ничего не заметил.

Сафар. Испортил мне все удовольствие.

Салим. Удовольствие? От собственного пения?
Хорош, вместо винтовки тебе надо бы домбру дать... Бобохол должен скоро вернуться, будь начеку!

Сафар. Хорошо.

Салим. Как только покажется на реке бурдюк, сразу же сообщи мне.

Сафар. Хорошо.

Салим. Рахимбек — осторожный, как старый волк, хитрый, как лиса, и хищный, как тигр. Его нелегко схватить.

Сафар. Если возьмем его, тогда басмачеству конец?

Салим. Должно быть так. Вот тогда мы с тобой повесим винтовки на плечо, сдвинем тюбетейки набекрень и с песнями отправимся по домам. (Уходит.)

Сафар (взглянув на реку, заволновался). Ака Салим!

Салим (возвращается). Что такое?

Сафар (показывает в сторону реки). Посмотри.

Салим (смотрит). Да, и с ним несколько человек на бурдюке. Быстро беги и поднимай отряд.

Сафар. А ты здесь один останешься, ака Салим?

Салим. Скорее, скорее беги!

Сафар. Хорошо. (Убегает.)

Салим прячется. На берег выходят Рахимбек, Сохиб, Одина, Бобохол и Маккам. Одина смотрит по сторонам, прислушивается, проходит мимо укрытия Салима.

Одина. Все спокойно. *(Тихо Рахимбеку.)* Ну, куда теперь пойдем?

Сохиб. Светает. Сейчас опасно выходить из камыша.

Бобохол *(подойдя к Рахимбеку)*. Товарищ, заплати скорее мне, да я пойду.

Одина. Подожди немного, дед, не пропадут твои деньги. Отойди в сторону.

Бобохол отходит с ворчанием.

Рахимбек. День проведем здесь, а ночью отправимся в путь. *(Показывая в сторону Бобохола, Сохибу.)* Этот старый пес — свидетель, хоть он и принес добрую весть. Ни одна живая душа не должна знать о том, что мы переправились на эту сторону.

Сохиб. Дело нетрудное.

Одина. Я их устрою.

Рахимбек *(Одине)*. Мы с додхо пойдем вглубь зарослей и поищем укромное место. После нашего ухода ты без шума покончишь с ними и бросишь тела в реку. Потом иди в ближний кишлак и запасись едой.

Одина. Хорошо.

Рахимбек и Сохиб уходят.

Махкам. Дедушка, пойдем скорее на ту сторону. Ночью не нашли козу, сейчас поищем.

Бобохол. Подавился своей козой. Не суетись! Ей-богу, если найду ее, зарежу и съем, избавлюсь от нее. *(Одине.)* Эй, товарищ, заплати мне скорее, я пойду.

Одина. Подожди, сейчас заплачу. *(Вытаскивает табакерку, трясет ее, но табака нет.)* У тебя нет наса, старик?

Бобохол *(вынимает мешочек с табаком, сначала кладет табак себе в рот, затем протягивает мешочек Одине)*. На, возьми. Еще не заплатил мне за труды, а уже пользуешься моим насом.

Одина *(кладет в рот нас и возвращает мешочек хозяину)*. Ну и жадный же ты. Пока потерпи, плата от тебя не убежит. Покажи-ка мне сначала дорожку в кишлак.

Салим с револьвером в руке выходит из зарослей камыша. Одина застывает на месте и медленно поднимает руки вверх.

Одина. Салим... я... не виноват. Всех поймаю и приведу к тебе... Пощади меня... Салим!..

Салим. Бобохол, возьми его оружие!

Бобохол *(берет у Одины оружие)*. Проклятый вор,

за кого ты меня принял? Узнай теперь партизана Бобохола!

Появляются несколько красноармейцев, за ними — Сафар и краснопалочники. Салим тихим голосом и при помощи знаков посылает их во все стороны. По его указанию Бобохол и Махкам уводят Одину. За сценой слышатся выстрелы. На сцену вбегают, согнувшись, Рахимбек и Сохиб. Салим бросается на них с криком, те убегают в другую сторону. Салим преследует их. За сценой слышны стрельба и крики «Стой, стой!». Снова появляются раненный в руку Рахимбек и ползущий на четвереньках Сохиб.

Рахимбек. О, аллах, неужели ты не поможешь мне?!

Сохиб. Проклятье! Удача отвернулась от нас. *(Хочет убежать, но куда бы он ни побежал, отовсюду слышится «стой!».)*

Салим *(выходит с револьвером в руке)*. Ни с места! *(Рахимбек бросается на него, но Салим крепко сжимает его руку.)* Хватит! Отвоевался, басмач! *(Со всех сторон появляются красноармейцы и краснопалочники.)* Сафар! Шариф! Возьмите у них оружие! *(Басмачей обезоруживают.)* Вот теперь все!

Сафар. Все, ака Салим, это конец?

Салим. Все, Рахимбек, игра окончена!

Рахимбек. Куда ты поведешь меня?

Салим. На суд народа!

Звучит музыка и песня таджикских партизан. Когда занавес опускается, она продолжает громко звучать.

З а н а в е с

ЛУЧИСТЫЙ ЖЕМЧУГ

*Комедия в трех действиях,
пяти картинах*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Шокарим — садовник.

Зиедахон — его жена.

Махзода — дочь Зиедахон.

Хосият — племянница Зиедахон.

Манзура — заведующая инкубаторной станцией.

Джурабой — продавец в овощной палатке.

Азалшо — шофер.

Тетушка Ходича — пенсионерка.

Бойкая женщина.

Веселая женщина.

Наивная женщина.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Улица на окраине районного центра. На перекрестке — палатка с вывеской «Овощной ларек колхоза «Новый путь». Рядом — водопроводная колонка. Слева — калитка в высоком глинобитном заборе.

К потолку палатки подвешена клетка с перепелкой. Джурбой напевает мелодию без слов. Насыпает в клетку зерно, поит перепелку водой. На нем тюбетейка, белая рубашка, подпоясанный шелковым платком халат. Перепелка кричит.

Джурбой (восторгается). Вай-вай, как сладко поет.

Из калитки выходит Шокарим с засунутым за пояс топором. У него в руках садовый нож, ножницы, пила. За ним показывается разгневанная Зиедахон.

Зиедахон. Подожди-ка, старый! Я еще не все сказала. Всю жизнь спешишь. Никуда не денется твой сад, чтоб его град побил.

Шокарим. Некогда мне. Ну, ладно... Говори, только прошу тебя — покороче. Чего еще?

Зиедахон. Почему это покороче? Язык мой, что ли, короче твоего?

Шокарим. Почтенная, вот я, вот мои уши. Ох, тарахтит арба, когда пустая.

Зиедахон. Сегодня Манзура опять увела мою дочь. Зайди-ка ты сначала к ней в янгибатур...

Шокарим. Не янгибатур, а инкубатор. Ин-ку-ба-тор!

Зиедахон. Инкубатор... Янгибатур... Не все ли равно... Зайди-ка туда и вели Махзоде идти домой. Девушка на выданье, нечего ей вертеться среди чужих людей.

Шокарим. Нет у меня времени... Сказал ведь.

Зиедахон. Изволь отправиться и отыскать ее. Беспокоюсь я, как бы чего не случилось с ней... Кувшин разбивается один раз...

Шокарим. Волк не съест ее, и вор не утацит. Сама придет. Никуда не денется.

Зиедахон. До седых волос дожил, а мудрости не нажил. Бога не боишься, бессовестный ты человек. Не

твоя это дочь, вот и не беспокоишься. Небось родной отец так не поступил бы...

Д жу ра б о й. Тетушка, черешню вашу я продал. Вот, получите выручку! (*Шокариму.*) Подождите, пожалуйста, минутку, дядя Шокарим. Дело у меня. Поговорить надо с вами... (*Отдает Зиедахон деньги и пустое ведро.*)

З и е да х о н. И сколько же тут?

Д жу ра б о й. Два рубля сорок.

З и е да х о н. Всего?

Д жу ра б о й. Черешни вашей было восемь кило.

З и е да х о н. Как это — восемь? Полное ведро. Даже с верхом!

Д жу ра б о й. Для вас же продаешь, и вы же недовольны. Хотел услужить вам, а вы — наговаривать на меня. Коли так, тетушка, несите свою черешню на базар и сами продавайте.

З и е да х о н (*пересчитывая деньги*). Ну вот и рассердились. Это я так — к слову... Пусть аллах пошлет вам богатство... Чтобы вы всегда брали, а у вас никто не брал. И пусть святые помогают вам... И пусть...

Проводит по лицу руками с деньгами и уходит.

Д жу ра б о й. Дядя Шокарим, пиалу чаю? (*Наливает из термоса.*)

Ш о ка р и м (*берет пиалу*). Ну, Джурабой, как идет работа?

Д жу ра б о й. Забота? Забот хватает...

Ш о ка р и м. Не забота, а работа — спрашиваю.

Д жу ра б о й. Работа? Лук — морковь. Эх, на мою несчастную голову, дядюшка, забота свалилась. Да какая!

Ш о ка р и м. Что, новый товар получил?

Д жу ра б о й. Не товар, дядюшка. Не помидоры, не огурцы. Любовь!

Ш о ка р и м. Ты влюблен? Бедняга. В кого же?

Д жу ра б о й (*раскаиваясь, что рассказал*). Да, собственно, ни в кого... Это я так... Затосковал...

Ш о ка р и м. Скучаешь?

Д жу ра б о й. А как же не скучать? Улица ваша вроде вот этой клетки, в которой моя перепелка сидит.

Ш о ка р и м. Коли что докучает, то и дом тесен, и город мал.

Д жу ра б о й. За полчаса обслужу всех здешних жителей, а потом весь день жду покупателя, как в пустыне караван. Председатель наш точно назло поставил палатку

в этом тихом месте, вдали от людных улиц. Чтоб ему пусто было, нашему раису.

Шокарим. Так о чем же ты хотел со мной поговорить?

Джурабой (*запинаясь*). Давеча племянница вашей жены... эта самая... Ну, словом, Хосият шла на базар продавать тюбетейки. Вот... А я возьми — попроси, чтобы она мне тоже вышила. Не просто так, конечно, а за деньги.

Шокарим. Что ж тут такого?

Джурабой. А она ни с того ни с сего возмутилась, стала бросать мне сердитые слова. Так и не понял, из-за чего она обиделась...

Шокарим. Может, брякнул что-нибудь лишнее?

Джурабой. Упаси бог! Нет, нет! Да что вы, дядюшка.

Шокарим. А все-таки что ты ей сказал?

Джурабой. Вышейте, говорю, мне, пожалуйста, красивую тюбетейку...

Шокарим. Только и всего? А как ты это произнес?

Джурабой. Вежливо, очень вежливо. Нежнее, чем поет моя перепелка. Пожелал, чтоб потомству ее расти и расти... А еще, чтоб приснился ей лучистый жемчуг...

Шокарим. Как? Как ты говоришь? Лучистый жемчуг?

Джурабой. А что, разве плохое пожелание?

Шокарим. Невежа ты! Невоспитанный! Разве можно так развязно разговаривать с женщиной? Да ведь ты ее страшно оскорбил!

Джурабой. Вы шутите, дядюшка? Чем я ее оскорбил?

Шокарим. Неужели ты не знаешь, что это значит, когда говорят женщине: «Пусть тебе приснится лучистый жемчуг»?

Джурабой. Не-ет, не слыхал.

Шокарим. Ох, и глуп же ты! Это значит пожелать ей, чтобы она стала беременной. А мужа-то у Хосият нет. И покинул он ее как раз из-за того, что она не рожала.

Джурабой. Вай-вай! И верно — дурак я! Отсохни мой болтливый язык! Что же я наделал!

Шокарим. Чтоб ты землю ел, болтун этакий!

Джурабой. Что земля! Гнилую брюкву мне надо! Горького перцу, прокисшей капусте, червивого урюка! Тухлых яиц! Змеиного яду!

Шокарим (*собираясь уходить*). Теперь проси прощения у нее. Кайся! (*Входит тетушка Ходича.*)

Тетушка Ходича. А, Шокарим, как поживаете? Как здоровье?

Шокарим. Спасибо. А вы как?

Тетушка Ходича. Лучше и не спрашивайте. Как ушла на пенсию, стала дома и сторожихой, и нянькой, и поварихой, и уборщицей. С внучатами возжусь, невестке и сыну прислуживаю. А ведь я и сама еще крепкая...

Шокарим. Пошли аллах вам здоровья. Силы богатырской, чтоб вам до ста лет дожить.

Тетушка Ходича. Спасибо. За таких вот молодцев, как он, за троих еще могу поработать (*показывает на Джурабой*).

Джурабой. Вот Манзура как раз собирает женщин нашей улицы.

Тетушка Ходича. Знаю.

Шокарим. Всех женщин улицы? А зачем?

Тетушка Ходича. Хочет, чтобы они шелковичных червей выводили. Хватит, говорит, без дела сидеть! Вот думаю: не присоединиться ли и мне к ним?

Шокарим. Что ж, неглупая затея.

Тетушка Ходича. А как поживает высокородная ханум? Довольна ли ваша госпожа, что на старости лет завладела таким муженьком, как вы?

Шокарим. Не называйте ее «высокородной ханум». Зовите ее «коршун-ханум», «скандал-ханум».

Тетушка Ходича (*иронизируя*). Вай-вай, грешно так говорить. Скорее просите прощения у аллаха! Ваша госпожа — святая. Да стану я жертвой ее молитв и талисманов!

Шокарим. Святая? Да она вымотала мне душу и истерзала сердце!

Тетушка Ходича. О боже! Зачем же вы женились на ней?

Шокарим. Я на ней женился? Это она взяла меня в мужья. Каждое утро встает с левой ноги и начинает пилить. У-ух!

Тетушка Ходича. То-то вы ходите, как ощипанная курица. А женились бы на мне, жили бы мы душа в душу.

Шокарим. Э, заболтался я тут с вами... На работу опоздаю. (*Уходит*).

Тетушка Ходича (*ему вслед*). Да-да, жаль бед-

нягу. Двух сыновей на войне потерял, жену похоронил, на старости лет остался один. Рассудил: Зиедахон — почтенная женщина, образованная. Вот и женился. Эй, верно говорят: «Откажись от золотых сережек — не будут уши болеть». А почтенной ханум разве муж нужен? Работник ей нужен, слуга при ней. (Джурабою.) А у тебя что стряслось? Чего нос повесил?

Джурабой. Я? И не спрашивайте. Сам себе навредил. Отсохни мой язык.

Тетушка Ходича. Скажи, дорогой, долго ты еще собираешься сидеть в этой лавке? Э, видно, кривое дерево не выпрямится.

Джурабой. Ну вот, опять двадцать пять! Вам-то что за забота, где я сижу?

Тетушка Ходича. Сверстники твои хлопок сеют, машины водят. А ты? Нашел себе уютное местечко. За прилавком устроился. Лук, морковь — морковь, лук. Постыдился бы. Погляди сам, ручищи у тебя здоровенные, силищи сколько. А ты сидишь да свистишь, как эта перепелка.

Джурабой. Дану вас, тетушка. Отцепитесь! Скажите лучше, чего вам дать? Редиска есть, свежие огурцы...

Тетушка Ходича. Такие, как ты, ищут, где бы работа потяжелее. А он, взгляните, в тени, в холодочке отсиживается!

Джурабой. Ох, тетушка, режете вы меня, да еще тупым ножом. Оставьте меня, прошу вас, в покое... Одного барана не режут два раза! Дай вам бог увидеть лучистый... Тыфу ты... Проклятый язык. Вы же пришли за покупками...

Тетушка Ходича. Взвесь-ка мне два кило картошки. Эх, ты! В колхозном ларьке свою, небось, перепелку держишь?

Крик перепелки.

Джурабой (наслаждаясь). Вай-вай, что за перепелка! Умница! Все понимает! Видите, тетушка! Даже перепелка не выдерживает вашего языка. «Вай-вай, не пилите, не пилите», — плачет бедняжка.

Тетушка Ходича. Не плачет она, а смеется над тем, кто сидит в этой лавчонке: «Вай-вай, он в лавке, он в лавке!»

Джурабой. Клянусь, тетушка, если найдутся в республике две самые болтливые и ядовитые старушки, то

одной из них, несомненно, будете вы. Не кажется ли вам, что Шокариму тоже неприятны были ваши шуточки?

Тетушка Ходича. Шокарим не затаит обиды на меня. Мы знаем друг друга с детства. Когда еще тебя не было даже в утробе матери, мы с ним переселились сюда да стали обживать и украшать этот край.

Джурабой. Какое уж тут украшение, раз меня еще не было!

Тетушка Ходича. Ну, расхвастался, разошелся.

Джурабой. Раскройте вашу сетку, тетушка. Пусть отдохнет ваш язычок. *(Кладет картошку в сетку Ходичи.)* Чего еще отпустить?

Тетушка Ходича. Триста граммов курута.

Джурабой. Вай-вай, кого это у вас потянуло на кислое? Невестка забеременела, что ли? А может, вы сами?

Тетушка Ходича. Я? Бабушка твоя беременная! Я беру курут для внучат. Они любят полакомиться.

К водопроводной колонке подходят с ведрами Веселая женщина, Бойкая женщина и Наивная женщина.

Веселая женщина. Как оказалась в положении, дома я самый дорогой человек. Муж мой такой заботливый теперь, внимательный, все вертится вокруг меня, в глаза заглядывает и каждую минуту спрашивает: «Как ты себя чувствуешь, моя дорогая? Не хочется ли тебе чего-нибудь? Ах, моя птичка!» От радости у него совсем голова закружилась.

Бойкая женщина. А мой и так юлит возле меня. Пусть только не покружится! Так стукну, что трижды перекувыркнется!

Веселая женщина. А знаете, подружки, на прошлой неделе повела меня мать к Зиедахон и говорит ей: «Навеки буду вашей, почтенная, только помогите».

Бойкая женщина. Черта с два эта знахарка поможет!

Веселая женщина. Сказала она ей: «Доченька моя единственная, ненаглядная забеременела! Дайте ей какой-нибудь талисман, чтобы разрешилась благополучно, да в добром здравии, да чтобы ребеночек был здоровым». А эта знахарка, земля проглотила ее скорей, тут же вытаскивает свою чернильницу...

Наивная женщина. И ты выпила?

Веселая женщина. Стану я пить чернила! Нет, за-

драла она мне подол и молитву на моем животе написала. Заклинания какие-то...

Наивная женщина. Ой, умереть можно! Заклинания? Прямо на животе? Пером?

Веселая женщина. Тут, над пупом. Кисточкой!

Бойкая женщина. И ты молчала, позволяла ей делать все это?

Веселая женщина. Ради матери. Не хотела обидеть свою старенькую.

Бойкая женщина. Да я бы на твоём месте сняла туфлю и трахнула бы её по голове. Да так, чтобы она трижды перевернулась.

Наивная женщина. Ой, умру! Туфлей? По голове? Кого?

Бойкая женщина. Не тебя, конечно, а знахарку эту. Нечего выдумывать молитвы какие-то, талисманы! Попробовала бы она со мной проделать такое. Я бы живо встрясла из неё эту блажь. Подумаешь, колдунья нашла.

Наивная женщина. Неужели Зиедахон занимается колдовством? Ой, умереть можно!

Бойкая женщина. Помолчи! Шумишь больно. У недоеной коровы громкий голос! Гляди в оба, как бы она тебя не заколдовала. Бываешь ведь у неё? Со знайся!

Наивная женщина. Не приведи аллах! Хорошо, что рассказали. А я-то не знала, что она колдует.

Веселая женщина. Затем мать уплатила Зиедахон за её молитвы. Оставили ей шелк на платье и пошли домой. А ночью, когда спать укладывались, взгляд моего мужа упал на... молитву.

Наивная женщина. Заметил? Ой, не могу!

Веселая женщина. «Это что такое,— спрашивает.— Почему это у тебя живот вокруг пупа почернел?» А из другой комнаты слышится мамин голос: «Это, сынок, не чернота. Это святая молитва. Для беременных».

Тетушка Ходича (*подходя к ним*). Чтослучилось? Чего это вы так развеселились, словно девчонки, а?

Бойкая женщина. Над колдуньей смеются.

Тетушка Ходича. А кто она?

Бойкая женщина. А я почем знаю. Может, и вы...

Тетушка Ходича. Кто? Я — колдунья?

Веселая женщина. Да нет, успокойтесь, не вы, а Зиедахон. Да, кстати, тетушка Ходича, там, у этой зна-

харки, живет девушка Манзура. Знаете ее? Так вот, она предложила женщинам нашей улицы разводить шелководных червей.

Наивная женщина. Да, и я слыхала. Но для чего она это затевает? Как вы думаете, тетушка? С чего это мы вдруг должны взяться за шелководство?

Бойкая женщина. А кто она такая? Чем занимается?

Тетушка Ходича (смеясь). Она, говорят, колдунья. Колдует на куриных, утиных и гусиных яйцах. Сто тысяч птенцов выводит за один раз!

Наивная женщина (испугавшись). Что? Колдует? Ой, умереть можно! А-а, понятно. Это она у Зиедахов научилась колдовать, недаром у нее поселилась.

Бойкая женщина. Да помолчи ты, недотепа! Как стукну, кувыркком покатишься.

Тетушка Ходича (серьезно). Трудилась она раньше на птицеферме. Дело свое знает. Здешние колхозы пригласили ее на три-четыре месяца — наладить работу межколхозной инкубаторной станции.

Бойкая женщина. Так чего ей еще надо?

Тетушка Ходича. А вот то, что знает она: бездельник — это дерево без плодов. Поэтому и говорит лентяйкам-домоседкам: «От вас проку меньше, чем от курицы. Яйца вы не несете, цыплят не выводите. Выкармливайте хотя бы шелкопрядов, сдавайте коконы! Все же государству хоть какая польза!»

Бойкая женщина. Сочиняйте, сочиняйте, тетушка! Может, кто-нибудь и поверит.

Джурабой. Это вы о тетушке Ходиче? Да уж такой сочинительницы, как она, по всей республике не сыщешь.

Тетушка Ходича. А вот и сама Манзура. Спросите у нее, раз мне не верите. Она сама вам расскажет.

Входит Манзура, с ней Махзода.

Иди-ка сюда, доченька. Как раз о тебе говорим. Познакомься вот с соседками.

Манзура (подает руку каждой). Манзура.

Тетушка Ходича. И вы скажите ей ваши имена, пропади пропадом. (Сама называет их Манзуре.) Вот эта — Махбуба, главное занятие — сидит дома. Муж заведует базой Таджикпотребсоюза, а сама она от безделья так разжирела, что скоро лопнет.

Веселая женщина. О, боже, каюсь.

Тетушка Ходича. Кайся, кайся. И знай: лежачей корове корма нет. А это — Фазилат (*показывает на Наивную женщину*). Муж ее — торгош. Все спекулирует да комбинирует. А сама она — служанка у мужа и свекрови. На кого похожа стала! Рука — кочерга, голова — веник.

Наивная женщина. Ой, умру!

Тетушка Ходича. Так и дадим мы тебе умереть. Нет уж, сначала шелковичных червей выкормишь! А вот эта — Угул. Была она колхозницей, чудо-работницей. Руки — золото. А вышла замуж, на работу и смотреть не хочет. Как услышит «работа», сразу зевать начинает, не заставишь пальцем двинуть. Эх, на рыхлой земле воды не удержишь.

Бойкая женщина. Не точите свой язык о мою голову, тетушка. Что это вы на всех кидаетесь? Думаете, вы всегда правы... Не пеньем взял воробей, а криком. Еще неизвестно, кто больше зевает.

Тетушка Ходича. А что, задело, щекотно стало? Правда всегда горька... Я пошутила... Не сердись. (*Манзуре показывает на Махзоду*). Водишь за ручку Махзоду?

Махзода. Я помогаю Манзуре. Она сделает меня своей ученицей.

Тетушка Ходича. Ай-ай, как хорошо!

Махзода. Я буду аппаратчицей. (*Манзуре.*) Буду? Правда?

Манзура ласково обнимает ее.

Наивная женщина. Аппаратчица? Это большая должность или маленькая?

Тетушка Ходича. Важная. Это должность по выводу птенцов из яиц. Это...

Веселая женщина. О, Махзода сама только что вылупилась из яйца. Настоящий птенчик.

Тетушка Ходича. Ничего, клушкой, как ты, стать недолго.

Веселая женщина (*Махзоду*). Выходит, мама тебе разрешает работать? (*Девушка молчит*).

Бойкая женщина. Черта она ей разрешит. Ведь Махзода — невеста. Не сегодня завтра станет женой весовщика заготпункта. И тогда, как и у нас, — прощай, свобода, прощай, важная должность. Только тебе она улыбнется...

Махзода (застеснявшись). Ой, что вы... Нет, я во что бы то ни стало хочу учиться у Манзуры и работать вместе с ней на инкубаторе.

Открывается калитка, в ней показывается Зиедахон.

Зиедахон (в сторону Махзоды). А ну домой! Живей! Палки захотела?

Испуганная девушка уходит. Мать, подтолкнув дочь, захлопывает калитку.

Бойкая женщина. Ведьма! Истинная ведьма! Так и хочется дать ей по башке разок-другой.

Тетушка Ходича (Манзуре). Манзура, дорогая, расскажи им о шелководстве, которое ты заводишь у нас. Они только что расспрашивали меня.

Манзура. А может быть, тетушка, вы сами и расскажете?

Тетушка Ходича. Нет, дитя мое, ты придумала, ты и объясни соседкам.

Манзура. Ладно. Очень хочется, милые, чтобы вы стали шелководами, нашли себе занятие. И колхозу «Новый путь», если возьметесь, сильно поможете.

Тетушка Ходича. Верно она говорит. Душевный человек. А слово, вышедшее из сердца, находит путь к другому сердцу.

Манзура (раскрыв записную книжку). Я уже записала четырех желающих. Вот и тетушка Ходича тоже согласна. Колхоз каждому из вас будет платить пятнадцать-двадцать рублей в неделю. Если кажется мало, скажу: кто не пьет из ладони, умрет от жажды. А потом и больше станете зарабатывать.

Бойкая женщина. А тутовые листья сами прилетят к нам в руки?

Манзура. Вам дадут работника, который будет их доставлять. Вы, наверное, думаете: «И зачем эта девушка из инкубатора агитирует нас? Зачем ей нужно, чтобы мы стали шелководами?»

Наивная женщина. Ой, точно! Я как раз это и хотела у вас спросить.

Веселая женщина. Может, вы считаете, нам у мужей в доме нечего делать?

Тетушка Ходича. А эта все смеется. Пусть хоть потоп, а утке горя мало.

Манзура. Хочу я, чтобы вы поработали для людей,

не только для себя. Есть поговорка: «Сажал мой дед тутовник — выросла добрая слава».

Тетушка Ходича. Вот умница!

Бойкая женщина. А может, себе на уме?

Манзура. На одной только нашей улице четырнадцать женщин сидят дома. Обошла я дома, говорила со многими. Спрашивала: почему это вы не хотите профессию приобрести?

Наивная женщина. Ой, это и к нам относится, да?

Манзура. Вот я и говорю: лепешки с неба не падают. Поработайте с нами — придут к вам почет и уважение. Колхоз рядом — и двух километров не будет, а вы до сих пор проходили мимо. Конечно, можно и хлопок выращивать.

Тетушка Ходича. А может, кто на ферму пойдет или садовникам в помощь.

Манзура. Это тоже можно. Но мы на правлении говорили о том, что для начала неплохо бы вам шелководством заняться.

Джурабой (в сторону). Это что-то новое — собрание у водопроводной колонки!

Манзура. Так что же вы, дорогие, скажете на это? (Молчание.) Тогда спрошу каждую отдельно. (Веселой женщине.) Что вы ответите?

Веселая женщина. О, от моего «шелководства» колхозу прибыли не будет: через два месяца я уйду в декретный отпуск, и колхоз должен будет мне оплатить его. А уговорить моего мужа? Это — самое тяжелое.

Манзура. Закон велит оплачивать декретный отпуск. Это не может быть препятствием.

Тетушка Ходича. А другого ты сама добьешься. Поговори ласково с мужем, когда он будет гладить твой живот. Увидишь: он согласится.

Манзура. Так договорились? Я вношу вас в список. (Наивной женщине.) А что скажете вы?

Наивная женщина. Я? Ой, умру. Я так боюсь шелковичных червей!

Веселая женщина (Манзуре). Оставьте ее, начнут другие — пойдет и она.

Манзура (Бойкой женщине). А вы?

Бойкая женщина. А есть в вашем списке набожная ханум и ее племянница Хосият?

Манзура. Нет.

Бойкая женщина. Почему же это?

Манзура. Они не хотят.

Бойкая женщина. Как же это так? Живете у них на квартире и не можете уговорить?

Манзура. Да, не смогла.

Бойкая женщина. А вы заставьте их, а потом уж и нас убеждайте. Хлеб и они советский едят. А не работают. Саранча не пашет, не сеет — даром ест. А ханум хуже саранчи — своими молитвами и талисманами забивает головы отсталым людям, обирает старух. А у Хосият всего только и работы, что ходить по базару и продавать тюбетейки. Их сначала перевоспитаите, заставьте с червячками повозиться. Пойдут они — и я с ними, их не будет — и я не приду.

Веселая женщина. Ай да Угул! А мне такое не пришлось в голову! Молодец! Станут они работать, и мы будем.

Бойкая женщина. Не захочет сама Зиедахон — к чертям ее. Хосият пусть трудится с нами. Без этого нас не заманишь. Вот так-то!

Наивная женщина (вспомнив). Ой, умереть можно, у меня жаркое, наверное, сгорело давно. Дура я дурой. Совсем голову потеряла с вашими червями! Ну да ладно уж! Как мои подружки, так и я. А только страшные они — эти черви.

Побежала впереди подруг. Не заметила, как ее огромная серьга упала в запруду под водопроводным камнем.

Джурабой. Ой, вернись, серьгу потеряла!

Наивная женщина. Только и делаю, что серьгу ищу. Сто раз на день ее роняю. Куда же она упала?

Джурабой. А вот сюда. Сейчас я... (Нагнувшись, опускает руку в запруду. В это время Наивная женщина нечаянно нажимает ручку крана. Вода льется на продавца. Смех, визг).

Кричит перепелка.

Джурабой. Вай-вай, как сладко поет эта птичка. Чудо!

КАРТИНА ВТОРАЯ

Двор дома, принадлежащего Зиедахон и Шокариму. За домом садик. Посредине двора кат — широкая деревянная кровать, накрытая паласом. Веранда и окна комнат, в которых живут хозяева, выходят во

двор. Справа расположена открытая для зрителей небольшая времянка. В этой комнатке, которую снимает Манзура, стоит узкая кровать, кресло, два стула, письменный столик с настольной лампой под зеленым абажуром, маленький радиоприемник. На полу ковер. Сидя в кресле, Манзура слушает радио: поет певица. На коленях у девушки лежит раскрытая книга. Хосият во дворе снимает с пресса-болванки две новые тюбетейки, прыскает на них водой, затем расправляет. Из дому выходит расстроенная Махзода.

Хосият. Спросила? *(Махзода кивает.)* Что же она ответила? Разрешила? *(Махзода отрицательно качает головой.)* Вот что, не зайти ли тебе к Манзуре? Попроси ее — пусть сама поговорит с тетей. А? Иди, иди, голу-бушка.

Махзода стучится в дверь к Манзуре.

Манзура. Войдите! *(Махзода останавливается на пороге комнаты.)* А, Махзода. Что с тобой? Почему ты такая мрачная? *(Молчание.)* Догадываюсь: мать не пускает тебя на работу. Проходи, садись! Что же это она? Ведь как рыба жива водой, так человек работой.

Махзода. Не поговорите ли вы сами с мамой, милая Манзура?

Манзура. А тебе очень хочется? Понравилось у нас на инкубаторе?

Махзода. Очень. Как вы мне сказали: «Иди к нам работать, станешь моей ученицей», так по ночам не сплю иной раз, а если и задремлю, то и во сне вижу инкубатор. Всюду белизна, чистота, свет лампы... Эх, если бы мне стать аппаратчицей. Как Мехри. Как Фатима и Наташа. Больше ничего и не надо!

Манзура. Видишь ли, Махзода, эти девушки учатся в вечерней школе, а ты...

Махзода. И я буду. Меня мать забрала из школы после пятого класса, но я надеюсь, вы уговорите ее. *(Молитвенно складывает руки на груди.)* Помогите мне, пожалуйста.

Манзура *(рассмеявшись)*. Недаром говорится: дыня от дыни цвет берет. Сразу видно, что ты — дочь Зиедахон. Девушка-мулла! Да перестань ты молиться. Не повторяй этих слов, лишенных всякого смысла! *(Помолчав.)* Подумай, Махзода, как ты думаешь: почему мама не разрешает тебе работать?

Махзода. Но вы же сами знаете...

Манзура. До сих пор ты мне не раскрыла своей тайны... За кого ты выходишь замуж?

Махзода. Он... Да ведь я только раз его и видела, зовут его Масаидходжа...

Манзура. Молодой?

Махзода. Уже был женат.

Манзура. А хочешь ли ты выйти за него? (*Махзода отрицательно качает головой.*) Вижу, что нет.

Махзода. Мы... из рода ходжей... И он тоже. Мама хочет выдать меня только за ходжу... Наш род... И их род... Вот мать уже и договорилась... Как же теперь?

Манзура (*помолчав*). Гм... Значит, ходжа? И мать уже все решила? И договорилась? (*С досадой.*) Ну и выходи за своего Масаидходжу, становись рабой этого весовщика. Раз ты подневольная да покорная, склоняй голову! Зачем тебе работать? Зачем тебе учиться?

Махзода. Ох!

Манзура. Не охай, пожалуйста. Видно, права твоя мать. Раз тебя от школы смогли отлучить да нелюбимого мужа подобрать, то ты и не заслуживаешь лучшего. Ты... Да ты — стоячая вода. А в ней гниль заводится!

Махзода (*чуть не плача*). Я все понимаю, я вовсе не такая недотепа, как кажусь, но...

Манзура. Но?

Махзода. Если я скажу «нет», мама меня проклянет. Да и с собой она может покончить. Грозится уже давно...

Манзура. А ты уж и испугалась?

Махзода. А что я могу поделать? Познакомилась с вами, и на многое открылись глаза мои. Но как пойти против матери? Она... Разве жеребенок не должен идти по следу лошади?

Манзура. По безлюдной и опасной тропе идет лошадь... Глупый мой жеребенок, не туда ты побежал...

Махзода. О, помогите мне устроиться на работу... И учиться... И я найду свою хорошую дорогу.

Зиедахон выходит во двор.

Зиедахон. Эй, Хосият, готовы твои тюбетейки?

Хосият. Вот они.

Зиедахон. Начинай стирку. Кончишь ее — замесишь тесто. А я иду к старухе Мастон.

Хосият. Опять целый день будете молиться: «О, аллах, пошли нам милость, облегчи наши затруднения...»

Зиедахон. Помолчи! Не твое дело. Захочу, каждый день с утра до ночи буду возносить молитвы всевышнему. А где моя дочь? Махзода-а!

Махзода (*выходя из комнатки Манзуры*). Здесь я.

Зиедахон. Все к ней бегаешь? Неси-ка эти тюбетейки на базар! Да поторапливайся! И вот что: проси семнадцать, потом сбавь, но дешевле, чем за тринадцать, не отдавай!

Махзода. А если милиция опять меня поймает? Как стыдно было в тот раз...

Зиедахон. Появится милиционер, сразу прячь товар в рукав. Да начинай по сторонам поглядывать — гуляешь, мол, ты тут. Покупателям краешек тюбетейки показывай из рукава. Вот так! А затем отзови его в сторону и там торгуйся. Да деньги береги! Помни: деньги — это все! Есть деньги — ты всем нужен, нет их — ты всем в тягость. Ну, пошевеливайся! Время-то не ждет.

Зиедахон набрасывает на голову паранджу, направляется к калитке. В проходе появляется Джурабой, прячется за калитку, пропускает Зиедахон.

Джурабой. Хвала аллаху. Ушла скандал-ханум. Теперь смогу поговорить с Хосият с глазу на глаз. Открою свое сердце. Выговорюсь наконец.

Махзода (*взяв тюбетейки, направляется вслед за матерью к калитке. Столкнувшись в проходе с Джурабой, пугается*). Ой, кто тут?

Джурабой. Это я, Махзода. Куда вы так спешите?

Махзода. Еще спрашиваете. Разве не видите? Вот! (*Показывает тюбетейки*.) Ни учиться, ни работать! Только тюбетейками на базаре торговать! А все жадность — все ей денег мало, все мало, все мало...

Джурабой. Дай ей бог здоровья, всех она сумела обидеть. (*Его что-то осеняет*.) Пойдемте, Махзода, я вам кое-что расскажу.

Выходят. Из радиоприемника в комнате Манзуры доносится женское пение. Хосият подходит к окну, прислушивается.

Манзура (*заметив девушку*). Пожалуйста, Хосият, заходите.

Хосият. Спасибо, не могу — у меня тут стирка.

Манзура (*выходя к ней*). Так что же вы решили, дорогая Хосият? Будете выводить шелкопрядов?

Хосият. Не могу, Манзура. Не лежит у меня сердце к этому.

Манзура. Такая молодая... И вдруг тоска... Не идет вам печаль, рано загрузили...

Хосият (*грустно улынувшись*). Молодая? Не знаю уж... Было время, и я работала. Кажется, давно все это... Мечтала, добивалась...

Манзура. А теперь что же?

Хосият. В своем колхозе, где течет быстрый Вахш, с каждой коробочки грены я снимала по сто десять килограммов коконов! Премии большие получала. А потом... Муж сказал мне: «Бездетная!» И оставил меня... Вот и все... Люди попрекают меня: «Стала ты теткой невольницей. Служанкой у Зиедахон». А мне все равно. Пускай говорят. Вожусь по дому, о горе своем забываю. Надоели мне и люди, и жизнь. Ничто душу не греет.

Манзура. Что вы, Хосият, милая. Перестаньте грустить! Еще раскроется цветок и вашего счастья. Моя бабушка любила говорить: «Луна долго за тучами не останется».

Хосият. Хочется... Так хочется верить...

Манзура. С людьми будьте! И снова радость найдет дорогу в ваше сердце.

Появляются Джурабой и Азалшо.

Джурабой. Салям алейкум! Послушайте, Манзура, вот товарищ вас разыскивает.

Азалшо. Манзура!

Манзура (*изумленная и радостная*). Ты? Хосият, познакомьтесь. Это мой друг Азалшо. Как это ты здесь оказался? Заходи!

Азалшо (*входя с Манзурой в ее комнату*). Твоя?

Манзура. Снимаю у хозяйки.

Джурабой (*во дворе, обращаясь к Хосияту*). Тетушка Зиедахон дома? Редиска ее продана, вот выручка.

Хосият. Ее нет. Оставьте вон там (*показывает на кат*).

Азалшо. Манзура, любимая! Не ждала? Чуть не умеря от тоски. Искал, метался и — нашел!

Хосият. Да что же стоите. Положите деньги вот здесь, на кат.

Джурабой. Деньги чужие. А вдруг их отсюда ветром унесет? Или кошка утащит...

Манзура. Как только ты уехал на Памир, меня направили сюда. Но когда ты возвратился?

Азалшо. Вчера вечером. Знаешь, между Хорогом

и Ошем был страшный обвал. Наша колонна и застряла. Два дня прорубали дорогу. И вот — выбрались.

Хосият. Ну что, Джурабой, вы что-то еще хотите мне сказать. Не так ли?

Джурабой. По правде, выручка от редиски — это только повод, чтобы прийти. Гм... Хочу просить прощения у вас... Извините... Отсохни мой болтливый язык...

Хосият. Я не совсем вас понимаю.

Джурабой. Видите ли, Хосият... Разве вы не помните? В тот день я, не подумав, такое сказал вам... Такое... Гм... Эти неуместные слова... Про лучистый жемчуг. И вы обиделись. Ну, простите. Пожалуйста!

Манзура (к Азалшо). У меня есть горячий кофе. Хочешь?

Азалшо. С удовольствием. Из твоих рук мне и арычная вода покажется сладкой.

Джурабой. Каюсь я, милая Хосият. Сто раз — и еще раз каюсь. Уж не будьте вы строги ко мне — извините.

Хосият. Что вы, Джурабой! Я и не обиделась тогда из-за «лучистого жемчуга». Я слыхала, что говорят, будто кто увидит его во сне, у того исполняются все желания.

Джурабой. Выходит, мой лучистый жемчуг — это вы, Хосият, очень часто вижу я вас во сне...

Азалшо (Манзуре). Сколько же ты тут пробудешь?

Манзура. Еще два месяца.

Хосият (Джурабою). А теперь идите, Джурабой. Лучше идите...

Азалшо. Манзура, дорогая. Два месяца! Это так много, два месяца — это вечность!

Манзура. Так ведь не от меня зависит это. Два месяца будет работать инкубатор.

Джурабой. Хосият, милая! Ну, пожалуйста! Ведь вы, должно быть, поняли меня. Вы меня... Я вас... Пусть ваши беды будут моими. Пусть вы станете счастливы, и пусть это будет и мое счастье. Пусть я умру у ваших ног! А если хотите... Только скажите мне: «Джурабой, бросайся с этой крыши»... Я сразу брошусь. Скажите Джурабою, чтобы повесился, и он сейчас же пойдет искать веревку.

Хосият. Ой, что вы! Джурабой, могут прийти дядя или тетя...

Джурабой. Ну и пусть... Пусть приходят... Что же мне делать?.. Вчера раис меня из лавки выгнал: иди,

говорит, в поле поработай, а сегодня вы меня гоните. Бедная моя голова. И прислонить ее некуда.

А залшо. Целых два месяца!.. Но тогда мы потеряем квартиру.

Манзура. Квартину? Какую? Откуда она взялась?

А залшо. Понимаешь, Манзура... На автобазе мне дают... В новом доме! Две комнаты! Ванная! Горячая вода! Но... с одним условием.

Манзура. С каким? Почему ты замолчал?

А залшо. Только если я женюсь... И заметь: дом готов, уже идет распределение...

Манзура. Ах, вот оно что...

Джурабой. Хосият, дорогая, прошу вас... Не прихоть это... Сердце у меня чистое... Давно к вам тянусь... Решайтесь же... Вы можете бросить меня в бездну и можете вознести на небо. И вот еще что: от вас у меня нет секретов. Была у меня жена... Бедняжка росла сиротой... Женился я на ней, а потом... не суждено было ей долго жить. Осталась от нее девочка... И вот, если хотите пожалеть меня, понять мое одиночество... Если хотите стать матерью моей дочурки... не оставьте ее в сиротстве...

Хосият. Стать матерью? Но это же счастье...

А залшо (Манзуре). И будет у нас семья, настоящая дружная семья. И на инкубаторе найдут тебе замену.

Манзура. Не могу я, пойми! Дело закончить надо, на полпути не бросишь. Я ведь отвечаю. И людей научить взялась.

А залшо. Целых два года жду. А товарищ Нугманов, директор наш, сказал мне: «Свадьбу, Азалшо, сыграй, свидетельство о браке давай и, пожалуйста, введи молодую в новую квартиру. А нет, тогда уж извини — подожди, пока урюк поспеет или хвост верблюда достигнет земли!»

Хосият. Не разлучается со мной одна беда, Джурабой.

Джурабой. Догадываюсь, о чем, но ведь...

Хосият. Не хочу, чтобы из-за меня и вы стали несчастным.

Джурабой. Об этом, прошу вас, ни слова. С вашим бывшим мужем я знаком. И знаете, у его новой жены тоже нет детей. А не он ли тому причиной? Да мне все равно. Я ведь люблю вас, Хосият, родная!

Хосият. Пройдут годы, любовь остынет, а желание иметь детей усилится. В народе говорят, что дети — это винтик, соединяющий две половинки ножниц. Когда детей

нету, семья легко распадается. Только не обижайтесь на меня, Джурабой. Я очень люблю ребятишек. Говорят ведь: «С детьми дома базар, а без них мазар». Кладбище!..

Азалшо (взяв в руки дутар, висевший на стене, тихонечко напевает):

Трепещет при виде милой гордое сердце мое,

О, зачем она полонила гордое сердце мое?

О, зачем погаснуть пожару теперь повелела она?

Раз искру сама заронила в гордое сердце мое?

Джурабой (слушает, а затем повторяет и продолжает):

О, зачем погаснуть пожару теперь повелела она,

Раз искру сама заронила в гордое сердце мое...

И в душу, и в сердце, и в мечты, и в...

Увлеченный, невзначай садится в таз с водой, где стирала Хосият.

Манзура. Азалшо, дорогой, да не могу я сейчас оставлять инкубатор. А кроме того, у меня здесь еще одна затея...

Азалшо. Вот так всегда! Тебе всегда мало одного дела. Все ищешь себе новых хлопот и забот. Чем же это ты занялась на этот раз?

Манзура. Дело общественное. Насчет шелководства...

Азалшо. Квартиры мы лишимся, Манзура! Не шутка это. Потом, возможно, снова два года томиться придется.

Манзура. Ну как я могу бросить работу, посудите сам. Позавчера мы яйца заложили. Дней через двадцать из лотков тысяч семьдесят цыплят появятся. Желторотые, пушистые. Такие смешные и милые... И я за них отвечаю.

Азалшо. Все яйца да цыплята, цыплята да яйца... А на человека когда посмотришь?.. Манзура, если бы нашелся писатель, который о нас написал, он назвал бы свою повесть: «Любовь и куриные яйца». Или «Любовь и цыплята». Ну, вот что... До свидания... Будь здорова!

Выходит из комнаты и во дворе сталкивается с хмурым Джурабоем.
Хосият в это время уходит за водой.

Джурабой. Послушайте, приятель, что это с вами? Губы стиснуты, глаза мечут молнии.

Азалшо. Да и на вас лица нет, браток.

Джурабой. Вполне возможно. Твердый орешек оказался тут. Слишком крепок он для моих зубов.

А залшо. И я своего разгрызть не смог.

Джурабой. Да неужто? Тогда у нас с вами общее горе. Пойдемте, приятель.

Входят Шокарим и Зиедахон.

Зиедахон. Это все по твоей вине, старый безбожник!

Шокарим. А кто твердил: «Девушка она хорошая, деньги за комнату вперед отдала». Ради рубля ты и на столб влезть готова.

Зиедахон. Курица клюет все, что находит.

Шокарим. Тогда терпи, ежели тебе она не нравится.

Зиедахон. Я квартирантку пускала, а не агитаторшу! Всех с пути истинного сбивает — и дочь, и племянницу. Выгоню ее. Сегодня же и выгоню.

Шокарим. Стыда у тебя нет. Что люди скажут? Нет, не сделаешь ты этого! Разве можно так? Манзура — славная девушка. Тихая и вежливая, как голубка...

Зиедахон. Иди и живи с этой голубкой. Скажите, какой! Все воспитанные ему нравятся, вежливые. Давай мне двести рублей, и сразу же получишь развод. И убирайся на все четыре стороны.

Шокарим. Тьфу, бесстыдница! Да Манзура мне в дочери годится. *(В сторону.)* Чтоб ты свалилась в котел с кипящим асфальтом! Чтоб ты там завязла!

Манзура *(выйдя из своей комнаты)*. Что случилось, тетушка? Вы поссорились с дядей Шокаримом?

Зиедахон. Да нет, это мы так... Шутим...

Манзура. А я хотела побеседовать с вами о Махзод.

Зиедахон. Знаю я ваши беседы. Так вот, моя дорогая: в ваш инкубатор она не пойдет!

Манзура. Но почему?

Зиедахон. Малограмотная она. К тому же глупа еще. И работать не умеет. Берите себе в ученицы кого-нибудь другого.

Манзура. Вы плохо знаете свою дочь, тетушка Зиедахон.

Шокарим. Вот-вот. Конечно! А работать она может хорошо, не хуже других.

Зиедахон. Ты уж лучше помолчи! У меня у самой голова на плечах есть.

Шокарим *(показывая на жену)*. Голова есть, это

верно. А вот есть ли что в этой голове — это вопрос другой...

Манзура. Ваша дочь несколько раз была в нашем инкубаторе, помогала аппаратчицам и многому уже научилась.

Шокарим. То-то! Она у нас способная.

Зиедахон. Сам ты тоже очень способный.

Манзура. Махзода — сообразительная девушка. К тому же трудится с охотой.

Зиедахон. Пора вам наконец понять. Нареченная она. Невеста!

Манзура. И что с того? Я тоже нареченная!

Зиедахон. Вы — это совсем другое дело, Манзура.

Шокарим. Э, почтенная! Хотел я молчать, прикусить язык, но не могу — хитрость твоя вынуждает заговорить. Ну, посуди, как же это получается? Если наша нареченная на базаре торгует тубетейками, это можно. А если она станет работать на инкубаторе, это, выходит, нельзя? Нет уж, почтенная, или у тебя окончательно ум за разум зашел, или же ты своей дочери враг, чтоб тебя зимой снегом занесло!

Зиедахон. И тебе чтоб провалиться! Послушайте-ка, мусульмане! Моя дочь это или нет? Моя! Так неужели не могу я выдать ее так, как мне хочется? Выйдет замуж, тогда, пожалуйста, пусть хоть головой об стенку бьется, пусть тогда хоть на янгибатуре работает, хоть в земле копается.

Манзура. А когда вы ее замуж выдаете?

Зиедахон. Если аллах разрешит, осенью.

Манзура. Тогда и беспокоиться не о чем. Инкубатор закрывается к началу лета. У вас на подготовку к свадьбе останется два-три месяца.

Зиедахон. Я сказала — все! Не хочу!

Шокарим (*Манзуре тихо*). Вы ей о деньгах скажите.

Манзура. Будет Махзода работать, за первый месяц получит сорок рублей, а со второго — по шестьдесят получать станет.

Зиедахон. Шестьдесят рублей?

Шокарим. Наличными!

Зиедахон. Каждый месяц?

Манзура. Конечно.

Шокарим (*Манзуре — тихо*). Она готова!

Зиедахон (*после раздумья*). А почему так мало работает этот янгибатур? Всего три месяца? Ну что ж,

раз сама Махзода этого хочет, могу ли я противиться желанию своей дочери?

Входит Махзода.

Махзода. Чтоб они сгорели!

Шокарим. Кто?

Махзода. Чтоб мои глаза их не видели!

Зиедахон. Кого?

Махзода. Пропади они пропадом!

Манзура. Кто?

Махзода. Да вот эти противные тубетейки. (*Швыряет их на землю одна за другой.*) Вы велели просить по тринадцать рублей, да? А их артель по десять продает. Кто же у меня купит? И опять меня милиционер поймал. О, такой позор! Нет, убейте, я больше на базар не пойду!

Зиедахон. А кто же тебя кормить станет? Даром жить хочешь? Нет, дорогая, даром и кошка на солнышко не выйдет. Все трудятся — и ты трудись! Слыхала: кто не работает, тот не ест.

Открывается калитка. Показывается Джурабой. Заним — Веселая женщина, Бойкая женщина, Наивная женщина.

Джурабой. Эй, тетушка! Там участковый!

Зиедахон (*испуганно*). Участковый?

Джурабой. Он самый! Где, спрашивает, живет женщина, которая тубетейками торгует?

Зиедахон. И ты показал на мой дом?

Джурабой. Нет. Но милиционер здесь недалеко. Не уходит. И с ним женщина-прокурор.

Зиедахон. Спаси меня аллах. И она тоже с ним? (*Шокариму.*) А ну скажи, муженек, что же мы делать-то будем?

Шокарим. Ага — боишься? А я тебя предупреждал, сколько раз тебе говорил...

Зиедахон. Скажи им, Джурабой... скажи... что я переехала отсюда... Нет, постой... (*Шокариму.*) Так что же сказать ему? Подумай! Ну, пожалуйста! Скажи, что меня здесь нет. Исчезла...

Шокарим. Я садовник, а не фокусник.

Зиедахон. Шокарим! Душа моя, хороший, выйди к ним и поговори. Скажи, что твоя жена — не такая... не такая... Не торгует она тубетейками. И дай тебе аллах всегда брать и не давать...

Шокарим. Не привык я лгать. Проси своего аллаха, чтобы он давал и не брал.

Зиедахон. Каюсь. Не буду больше. Не буду. Умоляю... Спасите меня! (Бойкая женщина, стоящая у калитки, свистит в свисток). Ай-ай, уже пришли. Уведут меня. Что мне делать? Вай-вай! Прятаться-то куда? Эй, Джурабой, скажи им, что я... что я давно умерла. (Прячется в комнате, затем высовывается в дверь.) Скажи, что ты сам меня похоронил.

По знаку Джурабая входят женщины. Смех, шум, пляска.

Шокарим. Молодец, Джурабой. Здорово придумал.

Джурабой. Придумать-то придумал здорово, а вот теперь эта тетка свою племянницу за меня не выдаст.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Место действия второй картины. Шокарим в очках сидит на кате и читает газету. Хосият заняты домашними делами. Она то появляется, то уходит. Входит Зиедахон. В руках у нее зеленая паранджа. Она стряхивает с нее пыль. Волной воздуха у Шокарима из рук выбивает газету.

Шокарим. Да потише ты! *(Заметив паранджу.)* Паранджа? Тьфу, сколько же из нее вышло пыли. Ей, наверное, сто лет. Откуда ты ее выкопала?

Зиедахон *(рассматривает ее)*. Оттуда. Моя это. Сто не сто, а сорок лет пролежала в сундуке. Моя покойная мама, благослови ее аллах, справила мне ее, когда замуж меня отдавала.

Шокарим. Продавать ее надумала, что ли?

Зиедахон. Где уж там. Покупателей не найдешь.

Шокарим. Это верно. Нынче за паранджу никто не даст и копейки, а то ты бы давно выручила за нее деньги.

Зиедахон. Вот что, старый, садись-ка сюда. *(Шокарим усаживается рядом с женой.)* Совет мне нужен.

Шокарим. Найти покупателей на эту тряпку? Я тебя знаю. Ты из песка хочешь масло выжать.

Зиедахон. Выслушай ты сначала. Да что это мы все с тобой никак не поймем друг друга. Я говорю «дверь», а ты — «стена». Спросили у одного: «Кто твой отец?», а он ответил: «Моя тетя — кобылица».

Шокарим. Ну, поехала уже. Давай скорей! Что нового втемяшилось тебе в голову?

Зиедахон. К старухе Мастон на мушкилькушо приходила Соджида, наша будущая родня, сватья. Словом, мать жениха.

Шокарим. Ну и что ж из этого?

Зиедахон. Имей хоть каплю терпения. Заговорила она со мной о Махзоде. И каких только колкостей я не наслушалась от нее. Бубнит и бубнит. Одно хуже другого.

Шокарим. Так что же она все-таки сказала?

Зиедахон. Дочь вашу, говорит, видели на базаре, и ходила она с открытым лицом.

Шокарим. Что ж тут такого?

Зиедахон. Подожди ты. Так вот, говорит, девушка

должна быть чистой, нетронутой, пока не передадут ее хозяину навеки. Лицо девушки должно быть закрыто.

Шокарим. А, вот куда она гнет.

Зиедахон. Девушка, говорит Соджида, на базаре или в городе должна паранджу носить. Вот так она меня, подлюга, и стыдила при всех.

Шокарим. Котел котлу говорит: «Ну и черен ты!»

Зиедахон. Словно я сама обычаев не знаю.

Шокарим. О, почтенная, в этом вы можете всем другим десяток очков вперед дать. Нашли кого учить.

Зиедахон. А все-таки в ее попреках есть доля истины. Распустила я свою Махзоду, слишком много воли ей даю. Нет уж, верно, нечего ей по улицам бегать. А если и выйдет, то не с открытым лицом.

Шокарим. О, да, это страшный грех. Аллах, верно, гневается...

Зиедахон. Наконец-то мы для дочери жениха из ходжей нашли. Благородная семья, святой род! Не дай бог, он передумает. Что тогда делать? Ходжи нынче на улице не валяются!

Шокарим. В самом деле, почтенная. Хватайся за этого весовщика да покрепче держи... А если он будет надуваться, как лягушка, и колебаться в решении, приводи Махзоду и силком швырни в объятия этому ходже. Богоугодное дело совершилось, чтоб пусто было и жениху и всему его святому роду.

Зиедахон. Да что ты мелешь, старый?

Шокарим. Ха-ха! Богоугодное дело! Ха-ха!

Зиедахон. А, чтоб ты сдох! Я тебе посмеюсь! Хотела с тобой как с человеком посоветоваться, а тебе все хиханьки да хаханьки.

Шокарим. Дела твои — стыд и срам. Ищи себе другого советчика.

Зиедахон. А почему это ты меня стыдить вздумал!

Шокарим. Да ты готова выдать дочь за старика, лишь бы он был ходжа.

Зиедахон. Ну и что?

Шокарим. А то, что это постыдное дело. Для тебя главное — большой калым, богатство, а что он за человек — это... тьфу на тебя. А что люди скажут? За дом и ковры продали Махзоду.

Зиедахон. Моя дочь, как я скажу, так и будет. Я ее по-своему воспитываю. И другим дела нет. Она у меня

вот тут (*сжимает ладонь в кулак*). Гни дерево, пока молодое.

Шокарим. Кривым деревом будет. Эх, ты! Вытащила из нафталина паранджу, которая сорок лет лежала. На нее даже моль смотреть не хотела, а ты ее на голову советской девушке надеть хочешь. И у меня при этом совет просишь? Да еще поддержки ждешь. Вай-вай, почтенная, не за того меня принимаешь. (*Направляется к садику.*)

Зиедахон (*ему вслед*). Еще наставления читать! У, безбожник. Бесстыдная твоя душа! Перечить мне, когда я по мусульманским обычаям поступаю. Не ты вырастил мою дочь. Родной отец так бы не поступал, меня не корил бы. А я сама себе и своему чаду хозяйка. Без твоих упреков проживу, без твоих советов обойдусь. (*Махзода возвращается с работы.*) Что-то ты больно веселая сегодня.

Махзода. Я теперь настоящая аппаратчица! И приказ есть!..

Зиедахон. Это что за должность? Зарплата какая?

Махзода. Не знаю, мамочка. Сегодня я без помощи других проверяла яйца под миражной лампой. Так интересно! Сама, понимаете? Манзура-апа похвалила меня.

Хосият. А где же она? Почему с тобой не пришла?

Махзода. Манзура пошла с женщинами осматривать место, где будут выводить шелковичных червей. (*Входит Шокарим с лопатой и пилой.*) Дядюшка, хорошая весть: меня зачислили на работу.

Шокарим. Поздравляю. Обрадовала ты меня, Махзода!

Усаживается в сторонке, начинает точить свои инструменты.

Махзода (*увидев лежащую на ковре паранджу*). Это что за тряпка? Пойдите, это же паранджа. Чья она?

Зиедахон. Была моя, теперь твоя будет.

Махзода (*приняв слова матери за шутку*). Пусть она останется вашей, мамочка. (*Набросив паранджу себе на голову и опустив на лицо волосяную сетку, прохаживается по двору.*) Кажется, я теперь похожа на завернутого в саван покойника. Ой, прямо чучело! И как это вы, мамочка, когда-то соглашались в ней ходить? Это же настоящая тюрьма! С решеткой!..

Зиедахон. А знаешь, дочка, тебе она идет. Да еще как! Ты сейчас точь-в-точь я, когда была невестой.

Махзода (*смеясь*). О, вы, наверное, тогда были очень

красивой. И, верно, все говорили: «Какой нежный цвет лица у этой девушки! Какая у нее тонкая шея, какие густые брови...»

Зиедахон. Да, а что ты думаешь! Я тоже была когда-то красавицей. Молодая и нежная, я словно говорила луне: «Ты не выходи, я выйду». И солнцу я молвила: «Ты не свети, я посвечу». Сорок лет пролежала моя паранджа, ждала, а теперь досталась тебе.

Махзода. Вы шутите, мама, зачем она мне?

Зиедахон. Знаю, доченька, что паранджа нынче не в почете и не заставляю тебя ее носить. Но когда на базар пойдешь или в город, накинь ее на себя. Никто тебя в ней не узнает, и не будут тебя судить да хулить.

Махзода застывает в изумлении.

Хосият (*направляется за водой с ведром и кувшином. Остановившись возле Зиедахон, резко говорит ей*). Сначала вы свою дочь из школы забрали, теперь паранджу на нее надеваете, а потом продадите девушку за калым! Стыд и позор! Не срамьтесь, тетушка Зиедахон! (*Идет дальше.*)

Зиедахон. А тебя, грубиянка, никто не спрашивает. Чего лезешь не в свои дела? Не суй свой нахальный нос куда не следует. Сама бездетная, а учит меня, как с детьми обращаться. Была бы ты хорошая, бог не наказал бы тебя. Роди вот хоть разок, тогда и другим советуй. А так заткнись, и все!

Огорченная Хосият уходит.

Шокарим. Постыдилась бы, почтенная, так обижать беззащитную. Да и родня она тебе все-таки.

Зиедахон. А ты уж сразу жалеть. Всех, только не меня. Вот что я тебе скажу: моя племянница, я ее вырастила и делаю с ней, что хочу. Понял? У, чтоб твоя борода сгорела! Чтобы руки и ноги у тебя отняло!

По мере того как Зиедахон шумит все громче и громче, Шокарим все энергичней точит свой инструмент.

Зиедахон (*обращаясь к Махзоде строгим тоном*). Вот что: как я сказала, так и будет. И попробуй меня послушаться! Горе тебе будет.

Махзода (*не веря*). Мама, вы серьезно решили надеть на меня эту маску?

Зиедахон. Будешь ходить в парандже: все!

Махзода. Да что вы, мама, ведь это невозможно. Я — в парандже! (Засмеялась.)

Зиедахон. Над кем ты смеешься, дочь шайтана?

Махзода. Лучше, чтобы я одна смеялась, чем весь город. Пойду я в парандже по улице, сразу меня окружают и станут спрашивать: «А есть ли под этой паранджой голова? Ты из какой могилы вышла? Из каких развалин выскочила?»

Зиедахон. И пусть себе смеются! Наплевать, это меня не волнует. Не забывай — ты невеста! Выйдешь замуж, тогда и станешь расхаживать, как тебе угодно. Хоть по последней моде: волосы, как воронье гнездо, рукава у платья оторваны, юбка до колен. А пока делай, что я велю, — и все.

Входят Хосият и Джурабой. Последний несет ее ведро и кувшин.

Хосият. Спасибо, Джурабой! Поставьте, пожалуйста, тут.

Джурабой. Салам алейкум.

Зиедахон. Алейкум ассалам. Прошу вас, Джурабой, проходите.

Шокарим. А, «Лучистый жемчуг»! Почему давно не показывался?

Зиедахон. Говорят, вы оставили свой магазин, Джурабой? Жаль, жаль... Хоть иногда продавали мои овощи и фрукты...

Джурабой. Хватит, тетушка! Наторговался. Все! Конец этому пришел. Мука просеяна — сито на гвоздь. Теперь ваш Джурабой будет листья добывать.

Зиедахон. Листья? Зачем?

Джурабой. Буду служить нашим дорогим ханум. Раис оказался милостив ко мне. Назначил меня на такую славную должность.

Зиедахон. Ну и должность — листья таскать.

Джурабой. А что? Чем плохо? Топорик за поясом, веревка через плечо. Работаю и песни пою.

Зиедахон. Кому они нужны? Твои песни и твоя работа.

Джурабой. Бригада у нас большая: двенадцать женщин и один мужчина. Он перед вами, тетушка. Достану листьев — в этот день я хорош. Не принесу — двенадцать прелестных кулачков опустятся на мою бедную голову.

Зиедахон. Очень тебе это надо.

Джурабой. Надо, тетушка. Надо! О, мой проклятый

язык! Снова заболтался и забыл справиться о вашем здоровье. Как поживаете, дядюшка? Как себя чувствуете, тетушка? А вы, сестричка моя, милая Махзода, довольны ли работой?

Зиедахон. Кстати, Джурабой, дорогой. У меня к вам просьба. Не уделите ли мне часочек? Грядочки в моем огороде прополоть. А я вам свое благословение дам...

Джурабой. Охотно, тетушка. Однако мне к благословению нужны и листья вашего тутовника.

Зиедахон. И как это вы заметили мой единственный тутовничек?

Джурабой. Тутовничек? Да с него можно собрать полную машину листьев.

Зиедахон. Нет уж, молодой человек. Что принадлежит Зиедахон, остается у Зиедахон. Не зарьтесь на чужое добро.

Шокарим. Ты хочешь, Джурабой, чтобы моя жена отказалась от листьев, за которые можно получить деньги? В шелесте этих листьев ей всегда слышится шелест денег, Джурабой.

Появляется тетушка Ходича с женщинами-шелководами.

Тетушка Ходича. Можно? (*Женщинам.*) Входите, входите. Да все сразу.

Бойкая женщина подталкивает Наивную женщину. Та упирается.

Наивная женщина. Не пойду я. Отпустите меня. А вдруг она заколдует меня? Ой, страшно!

Бойкая женщина. Вот трусиха! А ну входи. А не то так трахну кулаком, покатишься кувырком.

Веселая женщина (*Наивной женщине*). Смотри — на порог не наступи. Как раз под ним и спрятано колдовство.

Наивная женщина вбегает, перепрыгнув через порог.

Женщины. Салям алейкум!

Зиедахон (*в замешательстве*). Алейкум ассалям! Что бы это значило? Что случилось, а? Почему вы все явились сюда? У меня не караван-сарай и не гостиница. Не янгибатур для женщин, высиживающих детей.

Тетушка Ходича. Очень важное дело у нас. Идет сейчас вскармливание...

Зиедахон. Кого кормят? Кур?

Тетушка Ходича. Шелковичных червей.

Зиедахон. Уже и черви людям жить не дают.

Бойкая женщина. Есть люди — хуже червей.

Тетушка Ходича. Наши черви пользу приносят. Работают. Ткут свою пряжу.

Бойкая женщина. Да живей выкладывайте все. Терпенья у меня нет.

Тетушка Ходича. Мудрецы не раз говорили: слушай старшего, но выслушай и младшего. А мы убедились, что нужно не только выслушивать таких, как Манзура, но и слушаться их, хотя эта девушка и моложе нас.

Зиедахон. А я-то тут при чем?

Тетушка Ходича. К Хосият пришли мы, но и с тобой хотим поговорить. *(Обращается к Хосият.)* Узнали мы от Манзуры, дочка, что ты раньше получала много коконов, работая в колхозе на Вахше. Вот мы и хотим бригадиром тебя избрать.

Джурабой *(в сторону)*. Да, за такого бригадира не жалко и жизнь отдать.

Тетушка Ходича. Ты что-то сказал, Джурабой?

Джурабой. Да за такого бригадира я первый голосую. Я его листьями засыплю.

Тетушка Ходича *(к Хосият)*. А теперь, если ты не хочешь рассердить меня, берись за дело. Оно не ждет! Выкармливать будем в амбаре, рядом с инкубатором.

Входит Манзура, останавливается в стороне.

Зиедахон. Кто ты такая, Ходича? Какое право ты имеешь приказывать Хосият? Она тебе не служанка.

Тетушка Ходича. А служанка мне и не нужна.

Зиедахон. Тогда и распоряжаться нечего.

Тетушка Ходича. Народ мы. Поэтому имеем право приказывать не только Хосият, но и тебе...

Зиедахон. Мне приказывать? В моем собственном доме? Да откуда вы взялись, такие храбрые?

Тетушка Ходича. Это не только твой дом, Зиедахон.

Зиедахон. А чей же еще? Не твой ли?

Бойкая женщина. Дом, ханум, принадлежит также Шокариму и Хосият.

Зиедахон. А? *(Бойкой женщине)*. А ты кто такая? Почему посмела так непочтительно разговаривать? И с кем? Со мной! Да кто тебя научил?

Бойкая женщина. Вот что! Мы пришли к Хосият. А с вами и говорить не хотим. Бросьте свои молитвы да заклинания, тогда можно будет беседовать с вами. И знайте, больше не будем терпеть ваше тунеядство, вашу хитрость и обман!

Зиедахон. О, аллах! Прогони отсюда эту женщину за клевету. Нашли на нее чуму за то, что она бросает тень на честного человека.

Наивная женщина. А правда ли, тетушка, что вы на животе у Махбубы молитву написали? Возле пупка? Говорят, муж увидел это и хотел побить бедную.

Веселая женщина. Да заткнись ты! (Зажимает ей рот.) А скажите, тетушка, почему это вы против того, чтобы Хосият работала с нами?

Бойкая женщина. В самом деле. Невольница она ваша, что ли? Рабыня?

Манзура (приблизившись). Пусть лучше Хосият ответит на эти вопросы сама. (К Хосият.) Вы слышали их просьбу? Знаете, каково решение бригады? Мы надеемся, что вы согласны с ним.

Молчание.

Наивная женщина (к Зиедахон). Тетушка, а тетушка! А почему вы под порог своей квартиры колдовство подложили?

Зиедахон. Опять клевета!

Веселая женщина. Шутит она (ущипнула Наивную женщину).

Наивная женщина (Веселой женщине). Так ты же сама сказала. Я тогда чуть не умерла от страха. Да и теперь боюсь.

Бойкая женщина. А ну замолчи! Стукну — кувырком покатишься! Вот еще недотепа. И откуда ты взялась такая на мою голову!

Манзура. Мы ждем твоего ответа, милая Хосият!

Хосият молча опускает засученные рукава, берет свой жакет и спускается с веранды.

Хосият (обращаясь к женщинам). Пошли.

Зиедахон. Эй, ты куда? Без моего разрешения?

Хосият. Не прислуга я вам, тетушка. Сама собой распоряжусь. Свободный я человек! (Ведет за собой женщину.) Идемте!

Зиедахон. Остановись, безумная! Одумайся! Проклянущу тебя! Из дома выгоню!

Наивная женщина, отстав от других, с опаской перепрыгивает через порог калитки. Роняет свою серьгу. Возвращается, поднимает ее и убегает.

Наивная женщина (надев серьгу). Вай-вай!

Занавес

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Веранда инкубаторной станции. В углу стол с телефоном — место работы Манзуры. В другом углу — тоже стол, на нем электрическая миражная лампа. Возле него корзина с яйцами. Здесь место работы Махзоды. Во дворе инкубатория под ивой находится скамейка. Сквозь выходящие на веранду окна инкубатория видно Махзоду. Она в комбинезоне. Девушка возится у инкубаторов, переворачивает лотки с яйцами. Выйдя оттуда, усаживается за стол, сортирует яйца, рассматривает их под лампой. Входит Хосият.

Хосият. А где Манзура?

Махзода. Сейчас перерыв. Присаживайтесь, пожалуйста. А зачем вам она?

Хосият (со вздохом). Черви у меня голодные, корма нет.

Махзода. А что Джурабой-ака? Где его корм?

Хосият. Все кругом уже обшарил. Поблизости ни одного тутовника с листьями не осталось.

Махзода. Пусть съездит в другие кишлаки, во дворах поищет. Черви-то еды просят!

Хосият. И там кругом шелководы. Они из-за каждого дерева подраться готовы. Джурабой еще утром поехал в колхоз «Правда». Может, добудет хоть в долг несколько вязанок. (Появляется Джурабой.) Вот и вы... Достали?

Джурабой. Достанешь! Председателя дядей назвал, его жену — тетушкой, еле выпросил... две вязанки.

Хосият. Как же быть? Их едва хватит нам до вечера. А что потом? Завтра? Послезавтра? И дальше?

Джурабой (опустившись на скамейку). Эх, кабы у меня на шее вместо головы выросло тутовое дерево, я бы его вмиг срубил для вас. И как бы мне помочь вам, Хосият? Гм... Пойдите... Да, да, подождите меня!..

Поспешно удаляется.

Хосият. Куда вы, Джурабой?

Джурабой. Вспомнил! Вспомнил! Сейчас! Сейчас!

Убегает. Хосият направляется за ним. Махзода продолжает заниматься своими делами. Входит Манзура.

Махзода. А вас только что искала Хосият-апа.

Манзура. Знаю. А что у тебя?

Махзода. Из колхоза имени Калинина прислали яйца. Ужасно много брака! Почти треть — старые, пяти-, шестидневной давности. А есть и тухлые. Там кто-то жульничает, подводит и колхоз, и нас.

Манзура (*просматривает несколько яиц из числа забракованных. Смотрит на часы*). Переворачивала лотки четверть часа назад?

Махзода (*смотрит на ручные часы*). Переворачивала.

Манзура. Так... (*Подходит к телефону*.) Шаходат? Это я, Манзура. Дайте мне, пожалуйста, райцентр. Райцентр? Соедините меня с колхозом имени Калинина. Алло? Колхоз Калинина?

С улицы слышен автомобильный гудок. Машина останавливается. Входит Азалшо.

Манзура (*в трубку*). Одну минуту. Подождите! (*Не положив трубки, изумленно глядит на вошедшего*.)

Азалшо (*грустно*). Здравствуйте. Привез яйца из колхоза имени Кирова — пять ящичков.

Манзура. Прими их, Махзода, да на склад положи.
Махзода выходит.

Манзура (*в трубку*). Алло! Товарищ Эшмурадов? Здравствуйте... Говорит Каримова. Нет, из инкубатора. Вот что. До каких пор будет продолжаться это безобразие? Треть яиц, присланных вами, — брак! Забирайте их немедленно! Неприятно? Да-да. Правда острее сабли! Виновных найдите, и пусть едят тухлые яйца сами. Накажите их, наконец. Имейте в виду — это в последний раз. Я буду жаловаться. Вот так! (*Положив трубку, подходит к Азалшо, сидящему на скамейке*.) Ты все еще сердисься на меня, Азалшо? (*Пауза*.) А что с новой квартирой?

Азалшо. Ты еще смеешься надо мной?

Манзура. Если ты это называешь насмешкой, то, значит, я и над собой смеюсь. Разве я пострадала меньше тебя? Так кто же получил ее?

Азалшо. Во всяком случае, нам ее не дали.

Манзура. Азалшо, дорогой, не огорчайся... Придет и наше время... Получим и мы. На улице не останемся.

Азалшо. Дадут... Когда петух снесет яйцо. Когда ворона каркать перестанет. Когда хвост верблюда...

Манзура (рассмеявшись). Но у нас есть любовь. Это главное. А квартира — разве наше чувство может зависеть от нее?

Азалшо. Если бы над нашей любовью да была бы еще крыша, а вокруг нас — четыре прочные стенки, тогда было бы совсем ладно.

Манзура. Подожди, Азалшо, потерпи: на дне терпения — золото. Будут у нас и крыша и стены. Дай только срок.

Азалшо. О, коли волк не сожрет, коза до Мекки дойдет. На умные советы никто не скупится... Ну, ладно. Нет ли у тебя чего-нибудь поесть? Что-то я проголодался.

Манзура. Ах, бедненький мой. Сейчас накормлю тебя.

Входит Шокарим.

Шокарим. О, джигит, саям алейкум! Ну-ка, Манзура, беги к председателю! Есть выход!

Манзура. Какой?

Шокарим. Соседние колхозы посылают машины с людьми в Больджуан.

Азалшо. А чего они там потеряли?

Шокарим. В Больджуане много тутовника. Вот и нам надо туда поехать. Да, вот еще что, наш председатель твердит, что раз Хосият со своей бригадой вне плана, то он не сможет обеспечивать ее кормом. Ну, каков раис? Не чиновник ли?

Манзура. Бюрократ. Пусть-ка он мне так скажет. (К Азалшо.) Пойдем в столовую.

Манзура и Азалшо выходят. Махзода возвращается.

Шокарим. Подойди ко мне, Махзода.

Махзода (усаживается рядом с ним на скамеечке). Вы что-то хотите мне сказать, дядюшка?

Шокарим. Давно я собираюсь спросить тебя... Почему ты продолжаешь так называть меня? Разве не стал я тебе родным отцом?

Махзода. Мама так велела... А ведь вы и есть мой отец. Своего я и не помню даже. Буду называть вас папой.

(Обнимает Шокарима.) А вы, наверно, думали: «Махзода меня не любит». Нет, это не так. Я очень привязана к вам, папочка!

Шокарим. Послушай, Махзода! Сегодня поутру, едва ты только ушла из дому, зашли к нам этот самый... как его, Масаидходжа, с матерью. Скажи, а ты видела его когда-нибудь? Он ведь намного старше тебя... Неужели ты согласна выйти за этого человека?

Махзода (застеснявшись). Нет, что вы. Я не хочу... Но мама...

Шокарим. Вот ты и выскажи все это ей. И не бойся! Она, конечно, станет кричать, шуметь, но это не беда — ничего у нее не получится, раз ты не хочешь. Помни, ты — не одна. Мы все с тобой.

Махзода. И Манзура-апа тоже так говорит.

Шокарим. Ты ее слушайся. Бери с нее пример. Умница она! И на своих ногах крепко в жизни стоит.

С шумом входят Хосият, тетушка Ходича и другие женщины-шелководы.

Хосият. Я больше не могу. Такая ответственность, а что делать?

Бойкая женщина. Так я и знала, что ничего не получится.

Веселая женщина. Знала? А зачем согласилась?

Бойкая женщина. Тебя вот сдуру послушалась. Кто сказал: «Если Хосият согласится, мы тоже пойдем».

Наивная женщина. Ой, умру! А черви теперь какие огромные. Страшные! Как тигры... Боюсь!

Бойкая женщина. Дали нам любителя перепелок, думали, он кормом обеспечит, а этот свистун заботится только о своей перепелке. Ей зерно, ей воды. Эх, от беготни осел джейраном не станет.

Хосият. Джурабой не виноват. Корма нет, где он его возьмет?

Бойкая женщина. Обязан найти! У меня бы он живо нашел! Ух, огрела бы я его разок по башке клеткой с перепелкой, так мигом листья были бы. А не достал бы — самого его червям на корм.

Наивная женщина (соседкам). А я не хотела идти в эту проклятую бригаду. Это вы обе заморочили мне голову: идем, идем.

Бойкая женщина. Это когда же?

Наивная женщина. А вот когда жаркое у меня подгорело. Я запомнила этот день. Муж меня за это чуть не отколотил. Не желаю я больше смотреть на этих поганых червей! И так почти не сплю от страха.

Веселая женщина. Ха-ха. Гляди, у тебя поплатью червяк ползет.

Наивная женщина. Где? А-а!

Тетушка Ходича. А ну замолчите! Чего раскудахтались. Что здесь, курятник, что ли? Или базар?

Шокарим. О чем спорите, почтенные?

Тетушка Ходича. Хосият решила бросить работу.

Шокарим. Не может быть!

Хосият. Червей болтовней не накормишь. Им нужны листья. Если не получим их, я уйду...

Тетушка Ходича. А все дело в председателе. Беспечный он у нас. Все рапортует да рапортует! «Столько-то саженцев тутовника высадили...» Не успел еще рапорт до района доехать, как коровы и ишаки половину саженцев сжевали.

Бойкая женщина. Хватит тут трепаться. Что, у нас дома дел нет? Мне это осточертело. Кому надо, тот пусть червей и выращивает. Манзура это все придумала — пусть она их и кормит.

Все, кроме Хосият и тетушки Ходичи, направляются к выходу, но сталкиваются с Манзурой и задерживаются.

Манзура. Вы куда, соседки?

Бойкая женщина. Не беспокойся, червей твоих не унесли.

Веселая женщина. Мы еще не научились разводить шелкопрядов без корма.

Манзура. Э, дорогая. Вот что я скажу тебе: сев на верблюда, за седло не прячься. Ненамного у вас хватило духу. Без борьбы победы не одержишь.

Бойкая женщина. Из пустых слов не сварись плов.

Манзура. А если имеются уже и рис, и мясо? Корм привезут из Бальджуана. Я уже договорилась с председателем.

Тетушка Ходича. Ну вот и славно. А вы уже бежать задумали! Бросить дело легко, а потом как? Пролитую воду не соберешь.

Бойкая женщина. До Бальджуана целых восемьдесят километров. Да пока листья оттуда привезут, черви с голоду околеют.

Веселая женщина. Чем целая гора обещаний, лучше охапка листьев.

Наивная женщина. Чуть живые они. Едва шевелятся, бедняжечки.

Манзура. Председатель уже распорядился о машине. Через час она выедет. С колхозниками Джурабой поедет. К утру корма будет вволю.

Женщины заколебались. Шепчутся между собой, жестикулируют. Входит Азалшо. Остановившись в сторонке, прислушивается к спору.

Тетушка Ходича. Я же говорила, что все уладится.

Бойкая женщина. Дитя еще не родилось, и имя у него уже Музафар. Лада нет, раз корма нет. Я ухажу — и все.

За ней двигаются и остальные женщины. Они сталкиваются с двумя молодыми колхозниками, которые тащат две огромные вязанки тутовых веток. Между вязанками спрятался Джурабой. Он вдруг хватается за наивную женщину за подол платья. Та испуганно визжит.

Джурабой (*выскочив из-за листьев*). Салам алейкум!

Женщины весело окружают его, пританцовывают.

Хосият. Где это вы раздобыли тутовые листья?

Джурабой. Не иначе, как в вашем садике. Прополз я тетушкин огород, обрубил ветки у картофеля. Скажете, у него ветвей нет? Значит, есть ветви и листья у шелковицы, которая растет в саду Зиедахон. Только как от тетушки спастись? Найдет она меня и прополет так, что уши отлетят.

Манзура. А теперь, Джурабой, разыщите шофера Гафура. На его машине поедете в Бальджуан за листьями. Так приказал председатель.

Джурабой. Раис у нас забывчивый, рассеянный. Вам обещал машину, а сам послал ее в город. С овощами. Пусть приснится ему лучистый... Тьфу ты... Так вот — до утра продержимся. Хватит червям. А дальше — да поможет нам аллах.

Манзура озабочена. Оглянувшись, увидела Азалшо, что-то решила про себя.

Манзура (к Хосият и другим женщинам). Покормите пока червей этими листьями. А дальше подумаем.

Женщины и Джурабой с молодыми колхозниками уносят листья. Шокарим и Хосият направляются в другую сторону.

Манзура (глядя на часы). Махзода, пора переворачивать лотки.

Махзода. Иду, иду. (Идет в помещение.)

Манзура. Азалшо, милый!

Азалшо (догадываясь о том, что она попросит).

Ну, вот я снова стал милым.

Манзура. Хороший мой, если не ты, то кто же нам поможет? Спасай.

Азалшо. Словом, надо ехать в Бальджуан за листьями?

Манзура. Если шелкопряды погибнут, пропадет большой труд этих женщин. Умоляю.

Азалшо. Не нужно умолять. Ставь вопрос ребром, требуй! И увидим, может, я и соглашусь.

Манзура (смеясь). Ладно, ставлю вопрос ребром! Ты и Джурабой немедленно выезжаете с нашими людьми в Бальджуан!

Азалшо (глядит пристально на Манзуру, словно испытывая ее, потом улыбается). Пусть будет по-твоему. Только надо, чтобы председатель объяснил нашему директору.

Манзура (радостно). Позвоню сама, объясню так, что он обязательно поймет. Мой дорогой! Спасибо! (Целует его.)

Джурабой, входя, замечает эту сцену.

Джурабой (обмахиваясь тубетейкой). Уф! Хвала аллаху, прошел еще один денек и, кажется, я еще жив. Но что же будет дальше? Больше здесь тутовых деревьев нет, и завтра эти женщины вместе с их червями сдерут с Джурабая кожу и съедят его.

Манзура. Вы останетесь целы и невредимы, Джурабой. Но только необходимо съездить вместе с Азалшо в Бальджуан.

Джурабой. А чего мы там не видели?

Азалшо. Я готов выехать хоть сейчас.

Джурабой. Ну, если бы меня провожали да напут-

ствовали (*намек на поцелуй Манзуры*), то я бы не только ногами, но и головой поскакал.

Аз алшо. Ну, как орешек? Все еще крепок?

Джурабой. Кто знает, он ли крепок или зубы слабы.

Аз алшо. Думаю, второе. Коль зубы слабы, нечего на орех жаловаться.

Джурабой. Что ж делать? Кому попадает мягкий орешек, а кому — крепкий. У кого какое счастье...

Манзура. Поторопись, Джурабой. Люди ваши готовы?

Джурабой. Все в порядке. Прошу передать милой Хосият, что за одну ее улыбку Джурабой готов помчаться за листьями даже в Мазандаранские джунгли.

Вошедшая Хосият слышит эти слова Джурабая.

Хосият (*ему*). Как вам не стыдно! При людях такое!

Джурабой. Пусть отсохнет мой болтливый язык. Извините, но у меня образования маловато, а любви — хоть отбавляй.

Хосият. А разума?

Джурабой. Его у меня похитили. Ну, Азалшо, едем, а? Время не ждет. Пора!

В этот момент вбегает Зиедахон. Она разъярена. Держит в руке длинные щипцы для угля. Несколько позже входит Шокарим.

Зиедахон. Ах ты, обманщик! Ах ты, негодяй! Да сломается у тебя рука, разбойник! Обещал картошку прополоть, а вместо этого обрубил ветви моего дивного тутовника! О, теперь держись! Я тебе заплачу за все!

Джурабой (*убегая от нее*). Ваша картошка погибла в тени тутовника. Я открыл ее солнцу. А вы все недовольны, тетушка.

Зиедахон. Пусть сгорит дом этого лжеца. Пусть он подавится своим солнцем. Пусть его черви сгрызут вместе с моим листом. Да я с него голову сниму, если он не возместит мне убытки.

Джурабой (*к Азалшо*). Да перестань ты ржать. Заводи машину скорей! Иначе мне несдобровать! (*Убегает, Зиедахон устремляется за ним.*)

Шокарим. Эй, Джура! Эй, Азалшо! Тутовые ветки не ломайте. Рубите лишь побеги! Возьми-ка эти инстру-

менты, Джура! (Догнав их, вручает Джурабою свой топорик и пилу.)

Зиедахон (преследуя Джурабая). Разбойник! Шайтан! Мошенник! Я тебе покажу, как рубить чужой тутовник. Посмотрите на него, он поднял руку на мой тутовник!

Джурабой убегает, Азалшо за ним. Появляются Хосият и Махзода.
Весело смеются. Доносится рокот мотора.

Хосият. Молодец наша Манзура. Всех шевелиться заставила.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЯТАЯ

Место действия второй и третьей картины.

На веранде Шокарим перелистывает тетради. Входит довольная Махзода с узелком в руках. Шокарим направляется к кату, усаживается на коврик.

Махзода. Взгляните, папа (*развязывает узел, вынимает кусок атласной ткани и цветастый шелковый платок*). Вот, премию получила!

Шокарим. Поздравляю, дочка, поздравляю!

Махзода. А мама где?

Шокарим. Где ей быть? На базаре со своими тубейками крутится.

Махзода (*набрасывает платок, прикладывает к себе атласную ткань*). Ну как? Идет мне?

Шокарим. Очень!

Махзода. Вот вернется Хосият из города и сошьет мне платье. Кстати, Хосият-апу тоже премировали. На собрании ее так хвалили: Хосият Джалилова по девяносто шесть килограммов коконов получила с корбочки грены!

Шокарим. Совсем неплохо, дочка. А что ты собираешься делать дальше: инкубатор-то закрыт?

Махзода. Председатель хочет, чтобы я пошла на птицефабрику. «Ухаживай теперь, Махзода, за цыплятами», — говорит.

Шокарим. И каков был твой ответ?

Махзода. Я... Что же я могла сказать?

Шокарим. Матери испугалась? И ответила «нет»? (*Пауза.*) А ты знаешь, что если работать не станешь, и учебу придется бросить?

Махзода. Почему?

Шокарим. В вечерней школе учатся только те, кто днем работает. А может, ты не хочешь больше ни работать, ни учиться? Кто тебя знает.

Махзода. Что вы, папочка? Разве я смогу без этого?!

Шокарим. Тогда поговори с мамой. Только смелее! Помни, за трусливым смерть гонится. Защищай свои права, Махзода.

Махзода. Вы правы, папа. Но... Да вот еще что... Полный расчет получила (*вынимает узелок*). И за июль тоже выплатили.

Шокари м. Трудовые деньги получать приятно. Это тебе не талисманами торговать.

Махзода. Конечно.

Шокари м. Поняла бы это, наконец, и твоя мама. Сколько раз обещала мне бросить свои молитвы да талисманы, а сама продолжает!..

Махзода. Не позволяйте ей этого, папа. Напугайте ее, что ли. Подружки смеются надо мной, все намекают на мамины проделки.

Входит запыхавшаяся Зиедахон.

Зиедахон. Махзода! Разожги примус, да поживей! Поставь большую кастрюлю с водой! Пока я замешу тесто, ты себе голову вымоешь. (Шокари му.) А ты принеси-ка дров да разведи огонь в тануре. Нужно его хорошенько накалисть — лепешки буду печь.

Шокари м. А почему это вдруг такая спешка?

Зиедахон. Уф! Встретилась мне на базаре Рисолятхон, старшая дочь Соджиды. Она сказала, что после полудня придет к нам с матерью и теткой, которая прибыла из Бухары. Навезла тетка сюда шерстяных платков: сын у нее продавец. Рисолятхон как раз и продавала эти платки на базаре.

Шокари м. Ох не миновать ей милиции.

Зиедахон (Махзоде). Сама понимаешь, придут они на тебя посмотреть, тетке показать. (Заметив атласную ткань и шелковый платок.) Это откуда?

Махзода. Премия моя.

Зиедахон. Неужели? (Разворачивает и рассматривает.) До чего красиво! Молодец, доченька моя!

Махзода (отдает матери деньги). А вот и зарплата. Возьмите!

Зиедахон (пересчитывает деньги). Пятьдесят рублей, еще пятьдесят и десять. Сто десять рублей! Умница! (Вынимает свои деньги.) А это двадцать пять за две тюбетейки. Всего на старые деньги тысяча триста пятьдесят. Так, очень хорошо. А сейчас, доченька, поспеши. Гости скоро будут! Голову помой кислым молоком — чашка стоит на полочке. А я позову Физилят, она косички тебе заплетет, много, много.

Махзода переглядывается с Шокаримом.

Махзода. Мама, это все мне не нужно. Не хочу.

Зиедахон. Как не нужно?

Махзода. Вечером я пойду в школу, а с завтрашнего дня снова на работу. И времени у меня для этих гостей нет. И не будет!

Зиедахон. Какая работа еще? Что это ты задумала? Без матери уже решаешь. Чтобы я этого больше не слышала.

Махзода. Но председатель велел. На ферме я буду работать...

Зиедахон. Невеста ты! Этим все сказано. Скоро свадьба. С председателем не спорь, но и не соглашайся. Говори «хоп», ладно, а делай по-своему. Масаидходжа услышал об инкубаторе и остался очень недоволен.

Махзода (*перехватывает требовательный взгляд Шокарима*). Ну и пусть недоволен. Не хочу за него. И вообще не хочу замуж!

Зиедахон (*недоверчиво глядит на Шокарима, возмущенно строгоющего ручку для топора*). Это еще что за новости? Кто тебя научил? Такого жениха поискать надо!..

Махзода. Никто меня не учит. Я и сама понимаю. Не хочу я такого мужа. Не хочу и все!

Зиедахон. Прости меня, всемогущий аллах! Дуру я воспитала, я тебя этим прогневала. (*Махзоде.*) Бесстыдница! Отказываться поздно. Почему раньше молчала?

Махзода. Глупа была, зато теперь поумнела.

Зиедахон. Пусть пропадет твой ум, безобразница, какой толк от него? Помолвка была уже. Все знают! Масаидходжа на свадебные подарки тысячи извел. Дом новый выстроил. Это не шутки! Позору не оберешься!

Махзода. Шутить никто и не думает. Я вполне серьезно говорю: замуж не пойду.

Зиедахон. Так ты задумала осрамить свою мать перед людьми? Чтобы у меня лицо почернело? Нет, не вынесу я такого позора! Проклянута ты, а сама брошусь в реку!

Махзода. Не запугивайте меня! Не удастся!

Зиедахон. А чтоб ты сдохла! (*В злобе хватает стамеску, набрасывается на дочь.*) Голову тебе проломлю!

Шокарим становится между ними, Махзода прячется за его спину.

Шокарим. Ай-ай, почтенная, что с вами? Сбросьте шайтана со своих плеч. (*Отнимает у нее стамеску.*) Сядьте, успокойтесь!

Зиедахон (расплакавшись, усаживается на землю). О, аллах, что же теперь делать? Сердце кровью обливается. Не дочь ты мне, а изверг... А еще говорят: нож не режет своей рукоятки, а ты...

Шокарим (жестом велит Махзоду удалиться. Девушка направляется в комнату Манзуры). Перестань-ка ты ругаться и шуметь. Выслушай лучше меня.

Зиедахон. Что хорошего может сказать такой безбожник, как ты?..

Шокарим. Одну только правду, и надо этой правде смело в глаза взглянуть. Только и всего!

Зиедахон. Я слушаю тебя, правдолюбец.

Шокарим. Ничего у тебя не выйдет из этой сделки с Масаидходжой. Не надо спускаться в колодец на прогнившей веревке. Не слушай ты Соджиду. Темная она женщина, отсталая, слепая... А сын ее не стоит и подметки нашей Махзоды... Жених этот, как выясняется, просто жулик. Сейчас им прокурор интересуется, рассказывали мне знающие люди.

Зиедахон. Горе мне! Зачем он прокурору?

Шокарим. Недостача у него. Проворовался, видно, документы подделал. Так-то, почтенная. Сперва осмотришь, потом ногу ставь.

Зиедахон. Вай-вай, что же мне делать?

Шокарим. Подожди, помолчи: много слов — груз для ослов. Хотел я объяснить тебе, зачем придет сватья. Думаешь, на смотрины?

Зиедахон. А зачем же еще?

Шокарим. Скандальить они явятся. Понимаешь, встретил я вчера на автобусной остановке Масаидходжу и сказал ему пару слов. Он, вероятно, мой намек и передал своей матери...

Зиедахон. Что же ты сказал ему, страшный ты человек? Какой яд выпустил из своего рта? Чем вызвал гнев жениха и его семьи? Говори!

Шокарим. Я ему сказал: знаешь, Масаидходжа, поговорку: чье место среди сорняков, тому незачем лезть в цветущий сад.

Зиедахон. Вай-вай! Так оскорбил почтенного ходжу. И как тебя еще земля носит. Что же он тебе ответил?

Шокарим. Только посмотрел на меня и встал на подножку автобуса. А я ему тут же добавил, что есть еще пословица: летают вместе птицы одной породы — голубь

с голубем, а коршун с коршуном. Если не поймешь первую поговорку, разберись во второй, Масаидходжа.

Зиедахон. Высказался, называется. Но что же теперь будет? Пропала я! Раз у прокурора дело есть его, сесть в тюрьму недолго.

Шокарим. Сколько вор не ворует, а тюрьмы не минует. Жулики и взяточники там легко получают жилплощадь. До тюремной камеры твоему ходже ближе, чем до свадьбы в новом доме.

Зиедахон. То-то Соджида вдруг надумала к нам прийти.

Шокарим. Она хочет разведать, что скрывается за моими поговорками. А может, и просто поругаться.

Зиедахон. Осрамилась я. Пепел на мою голову. Откуда помощи ждать?

Шокарим. Только от меня, уважаемая.

Зиедахон. Ты хочешь помочь мне? Но как?..

Шокарим. Отправляйся, Зиедахон, к тетушке Ходиче. Она живо исправит дело. Попроси их, чтобы побежала к сватьям и остудила их пыл. Пусть скажет им, что наша дочь наотрез отказалась выйти за Масаидходжу. Пусть Ходича скажет, что Махзода даже грозит пожаловаться на тебя и что будто бы ты с горя заболела.

Зиедахон (растерянно). А с калымом как быть? Со свадебными подарками?

Шокарим. Вернуть!

Зиедахон. Легко сказать!

Шокарим. И сделать нетрудно. Я схожу за такси, все туда погрузим и попросим Джурабоя отвезти. Иди-ка скорей, время дорого.

Зиедахон. Несчастлиная я! Осрамили. Опозорили мою седую голову.

Поспешно уходит. Появляется Джурабой, в руках у него клетка с перепелкой, осматривается у входа. Не замечает Шокарима.

Шокарим. Эй, Джура, чего это ты так воровато оглядываешься? Кого ищешь?

Джурабой. А, дядюшка! Салям алейкум... Я... Вы... Вас-то как раз я и хотел повидать.

Шокарим. Меня ты десять раз в день встречаешь. Нет уж, я думаю, что ты кое-кого другого разыскиваешь.

Джурабой. Да я и в самом деле к вам...

Шокарим. Значит, ко мне пришел? И не покраснеет.

Джурабой. Если вру, пусть меня обойдет божий гнев. Пусть я...

Шокарим (смеясь). У тебя, хитреца, и клятвы шиворот-навыворот. Так, значит, меня хотел видеть?

Джурабой. Вас. Хочу с вами посоветоваться. Вы, всем известно, умный человек... Совет ваш будет, как хорошая выкройка — по росту, ни коротко, ни длинно.

Шокарим. Зато речь твоя длинная, словно уйгурская лапша. Давай, Джура, ближе к делу.

Джурабой. Да, вспомнил, я должен картофель прополоть. Обещал я тетушке Зиедахон за те несчастные ветки тутовника трижды ее огород обработать.

Шокарим. Ну, это хотя тоже предлог, но уже ближе к правде. Скажи просто — ты хочешь увидеть Хосият...

Джурабой. Гм..

Шокарим. Так вот, нет ее дома. В городе она, вместе с Манзурой.

Джурабой. От вас, дядюшка, ничего не утаишь. Я жертва вашей догадливости. Да приснится вам этой ночью лучистый... Тьфу! Отсохни мой болтливый язык.

Шокарим. Выкладывай покороче, что там у тебя, Джурабой. Много слов — мало дров.

Джурабой. Есть мудрая поговорка: «Перед врагом хвастай»...

Шокарим. Это ты умеешь.

Джурабой. «А перед другом правду говори».

Шокарим. Что верно, то верно. Верблюды, говорят, хорош горбатый, а слово хорошо — прямое.

Джурабой. О, дядюшка, так вот, если вы не разрубите узел, если вы не облегчите боль моего сердца, если вы...

Шокарим. Ну, опять тебя понесло...

Джурабой. Если вы... вы... вы... вы...

Шокарим. То?..

Джурабой. То я погибну... Сойду с ума или тресну, как переспелая дыня, в которую воткнули нож. Любовь...

Шокарим. Вот мы и добрались, наконец, до сути.

Джурабой. Любовь — это... Это еще хуже, чем

зубная боль. Теперь, дядюшка, я это понял. Ох, что же мне делать! Прав был один влюбленный, который сказал: «Быть с тобой не могу и жить без тебя не могу».

Шокарим. А тебе известна беда Хосият? Подумали ты хорошо?

Джурабой. Я все время думаю только о ней. Все время перед глазами — Хосият.

Шокарим. А с ней самой ты беседовал?

Джурабой. Умолял, но она не согласна. Бойтся, что я не буду счастлив с ней. А я уверен, что буду. Сердце мое знает, оно мне говорит: «Счастье мое с ней».

Шокарим. А перепелку зачем с собой таскаешь?

Джурабой. Она одна меня понимает, с ней одной я обо всем могу поговорить без насмешек. (*Перепелка кричит.*) Ах, и ты смеешься над несчастным.

Стук в ворота.

Шокарим. Кто там?? Войдите!

Входит Азалшо.

Джурабой. А-а, еще одна страдающая душа.

Шокарим (*здороваясь с Азалшо*). Как жив-здоров, сынок?

Джурабой (*здороваясь с вошедшим*). Как поживаете, приятель с крепкими зубами? Не обломали ли еще их? Что потеряли вы на этой улице?

Азалшо. Потерял я тут свой «Лучистый жемчуг».

Джурабой. Ищите получше, авось вслед за вашим найдется и мой. Ваш увел мой, вместе, может, и найдем. (*Взяв кетмень, направляется за дом.*) Ну, а моя доля — полоть тетушкин картофель. (*Выходит*).

Азалшо. Дома она?

Шокарим. Присаживайтесь.

Азалшо (*усаживаясь*). Значит, нет ее?

Шокарим. Манзура в городе. Разве не видели ее там?

Азалшо. Я снова был на Памире, вчера лишь вернулся.

Шокарим. Инкубатор закрылся. Вот она и уехала. Взяла с собой Хосият — показать ей город.

Аз ал шо (встает). Тогда и я поскорее туда. До свидания!

Шокарим. Садись, сынок, посиди со стариком. Гость приходит по желанию, а уходит по разрешению.

Аз ал шо. Спасибо, но мне необходимо сегодня же увидеть Манзуру.

Шокарим (посмеиваясь). Не торопись, дружок. Невеста твоя — не плов, без тебя не съедят. (Кричит.) Махзода, принеси дастархан с угощением!

Аз ал шо. Съедят — не съедят, а квартиру опять прозеваем.

Шокарим. Одну уже прозевали, а это еще какая?

Аз ал шо. Новая.

Шокарим. Вот как!

Аз ал шо. Евдокия Кузьминична, диспетчер наш, ушла на пенсию и уехала к сыну — в Карши. Товарищ Нугматов пообещал дать ее квартиру мне, если я женюсь. Срок — три дня.

Шокарим. Вот и получается, что я был прав, когда советовал не спешить.

Аз ал шо (обеспокоенно). Что это значит? Почему не спешить?

Шокарим. Поздно получать квартиру. Опоздал, брат.

Аз ал шо (встревоженно). Не шутите, пожалуйста! У меня разрыв сердца будет. Что произошло? Скажите! Прошу вас!

Шокарим. Манзура остается у нас. Насовсем.

Аз ал шо. Как это насовсем?

Шокарим. На постоянной работе — фермой будет заведовать. Дело свое знает. Людей умеет зажечь. Словом, в ловких руках и снег загорится.

Аз ал шо. Не знаю, как снег, вот мой дом сгорит.

Шокарим. Один сгорел и второй сгорит — ничего страшного.

Аз ал шо. Вам хорошо смеяться. А мне? А какая тут может быть постоянная работа? Инкубатор закрыли...

Шокарим. Создается межколхозная птицефабрика. Наш «Новый путь» плановый домик предоставляет Манзуре.

Аз ал шо (с досадой). И что же это Манзура даже

не посоветовалась со мной! Поспешила, дала согласие... Эх...

Ш о к а р и м. Если уж и спешить, то именно в добром деле.

А з а л ш о. Наставления читать легко. Мы с Манзурой — жених и невеста, условились, что летом...

Ш о к а р и м. Половина лета впереди...

А з а л ш о. Или, в крайнем случае, осенью...

Ш о к а р и м. И осень впереди.

А з а л ш о. Впереди, позади... Какой толк! Теперь Манзуру не отпустят раньше, чем через год.

Ш о к а р и м. Через год? Она здесь до самой пенсии трудиться будет.

А з а л ш о. Так, по-вашему, нам и не жениться до пенсии. Любовь в шкатулку запрятать?

Ш о к а р и м. Напротив. Надо скорее пожениться да ребятишками обзавестись.

А з а л ш о. Водишь машину в городе, а жена в каком-то кишлаке выхаживает птиц...

Ш о к а р и м. В каком-то? Да что ты понимаешь после этого?!.. У нас один из лучших кишлаков в республике.

А з а л ш о. Ну, я не против вашего населенного пункта. Пусть он будет самый распрекрасный, но я-то живу в городе.

Ш о к а р и м. При женитьбе либо жена к мужу переезжает, либо он к жене. А шоферы не только вашей автобазе нужны. Нашему колхозу они нужны дозареzu.

А з а л ш о. Все это так, но не для меня. Я свою базу оставлять и сюда переезжать не собираюсь.

Ш о к а р и м. Думаешь, такая девушка, как Манзура, тут жениха не найдет? А ты... Ты не любишь ее.

А з а л ш о. Да что вы, дядюшка, если уж я не люблю...

Ш о к а р и м. Настоящая ли это любовь? Ради любви Меджнун покинул княжеские чертоги и ушел в дикуную пустыню...

С улицы доносятся гудки автомашины. М а х з о д а выходит из дому, бежит к калитке, смотрит.

М а х з о д а. Манзура-апа приехала. С ней апа Хосият.

Входят Манзура с Хосият с чемоданами и узлами. Здравуются с присутствующими.

Манзура. И ты здесь, милый? Каким ветром тебя занесло сюда?

Азалшо (*угрюмо*). Ветром тоски.

Хосият. А тетя где?

Шокарим. Отправилась расторгнуть одну глупую сделку.

Хосият. Какую сделку?

Шокарим. Я уже сказал — глупую.

Хосият. Не понимаю я вас, дядюшка.

Махзода (*Манзуре*). Как долго вас не было. Уже глаза устали смотреть на дорогу.

Манзура. А мы в городе не теряли времени даром. Утрясли одно дело... Расскажем им, Хосият?

Хосият. Ой, что вы! Ну, зачем? (*Входит в дом вместе с Махзодой.*)

Манзура (*доверительно*). Я отвела Хосият к опытным врачам.

Шокарим. Понятно.

Манзура. Профессору ее показали. Самый лучший профессор. На вид страшный — лысый, очкастый, борода метлой. А глаза добрые, внимательные.

Шокарим. И что же он сказал?

Манзура. Дали ей заключение, что Хосият совершенно здорова и может быть матерью.

Шокарим. Могут быть дети? Собственные ребятишки? Вот здорово!

Воодушевленный этим известием, Шокарим ходит по двору, затем направляется в садик за дом, куда до него пошел Джурабой. Манзура с Азалшо входят в комнату.

Манзура. Так давно я тебя не видела. (*Пауза.*) Ты чем-то расстроен?

Азалшо. Когда я вошел в этот дом час назад, у меня было отличное настроение.

Манзура. И что же случилось за такое короткое время? Ага! (*Догадавшись.*) Верно, дядя Шокарим уже рассказал тебе...

Азалшо. Лучше бы он не рассказывал...

Манзура. Неужели тебя не радует эта новость?

Азалшо. Представь себе — не радует. По-твоему, я должен блаженно улыбаться, растянуть рот до ушей, да еще танцевать. Не так ли? О, Азалшо, наивный человек, Твоя невеста до того влюблена в цыплят, что переез-

жают к ним в кишлак, а ты почему-то не приходишь в восторг! Радуйся же, дурень! Бросай тубетейку в небо!

Манзура (весело смеясь). Азалшо, а кто желал одного: чтобы над любовью была крыша и вокруг четыре стенки. Ты или, может быть, Ходжа Насреддин?

Азалшо. Но прежде всего должна быть любовь. А ее-то и нет. Ты меня любишь только на словах, но если скажешь «халва», во рту слаще не станет.

Манзура. Неправда это. Я тебя люблю. Люблю, несмотря на твои чудачества и нелепые мысли.

Азалшо. Почему же ты так поступила, Манзура? Ведь не грех бы и со мной посоветоваться. Нугманов сказал: «Даю тебе, Азалшо, три дня — женись, будет квартира».

Манзура. Когда созреет урюк? Когда у верблюда хвост вырастет?..

Азалшо. Ну, опять вспомнила. Нет, Манзура, это серьезно. Потому-то я и примчался.

Манзура. Нугманову скажем спасибо за хлопоты. А квартира его нам не нужна. У нас уже есть домик с садом, электричеством, водопроводом. И крыша с четырьмя крепкими стенами...

Азалшо. Хочешь, чтобы я переехал в твой дом?

Манзура. В наш.

Азалшо. Нет, в твой. Ведь мне никто не давал дома.

Манзура. Разве у нас с тобой может быть «мое» и «твое»?

Азалшо (смеясь). Ах, до чего же ты хитра, Манзура! Недаром говорят: сколько зернышек проса в мешке, столько коварства у женщин.

Манзура. Ладно, предположим, что дом — мой. Ну и что? Не все ли равно.

Азалшо. По-моему, нет.

Манзура. Вот как! А в чем разница? Никак не могу понять этого.

Азалшо. Так что же, по-твоему, мужу следует поселиться в доме жены? Нет уж, мужское достоинство этого не позволяет.

Манзура. Ага, вот и договорились... Значит, достоинство мужчины?.. А у женщин достоинства, выходит, нет?

Азалшо. Я этого не сказал.

Манзура. Вот ты и раскрылся передо мной весь.

Оказывается, я тебя совсем не знала. Выходит, у тебя взгляды феодально-байские. А я-то думала... Ну что ж! Больше нам встречаться незачем.

Оставляет его, уходит во двор, Азалшо следует за ней.

Азалшо. Манзура, я все это говорил, не подумав. Прости меня!

Манзура. Если бы ты признавал равноправие женщины и мужчины, по-настоящему уважал меня, то никогда бы не сказал так. А ведь на самом деле этот дом принадлежал бы нам обоим, так как ты мог бы стать членом нашего колхоза. И мы могли бы работать вместе и жить в своем доме.

Азалшо. Ты права, Манзура. Не сердись на меня. Эти дурацкие слова случайно слетели у меня с кончика языка. Я люблю тебя.

Манзура. Так ли?

Азалшо. Я тебя не просто люблю. Уважаю тебя очень. Как человека. Неужели ты сама это до сих пор не почувствовала? А те слова беру назад. *(Подняв рукоятку топора, которую строгал Шокарим.)* Не сердись больше, Манзура! Вот палка, а вот и голова. *(Склоняет голову перед Манзурой.)* Накажи!

Манзура *(улыбаясь, треплет его волосы)*. Ну, ладно: по согнутой шее не ударяют саблей. Нехороший! *(Оба возвращаются в комнату Манзуры.)*

Зиедахон *(взволнованная, проходит в калитку)*. Чтоб аллах покарал эту несносную Ходичу! Прошу ее, умоляю, а она — хоть бы хны. Сама ты, Зиедахон, заварила кашу, сама и расхлебывай, говорит. *(Вошедшему Шокариму.)* Какого черта ты послал меня к ней? Да что ты стоишь, словно бревно проглотил, безбожник ты этакий! А ну, старый, говори, что мне делать, куда еще сунуться? Голова кругом идет...

Шокарим. Почтенная, сунь ее в горячую печь. Я хорошо советовал, но коли Ходича не хочет, то дело плохо, и я тут ни при чем.

Зиедахон. Только ты, старый, можешь помочь мне. Избавь меня от этой беды, придумай что-нибудь.

Шокарим. Дай тебе аллах здоровья, уважаемая, и пусть твоя беда не перейдет ни к кому другому. Теперь разреши мне подумать о себе. Как бы мне не влипнуть ни за что ни про что вместе с тобой. *(Входит в дом.)*

Зиедахон. Дорогой мой, куда же ты? Подожди! Не оставляй меня в горе! Как мне, бедной, быть, что делать? Не дочь, а беду я вырастила себе. Манзура, выйдите, пожалуйста, ко мне на минутку.

Манзура (*выходя из комнаты*). Что случилось, тетушка?

Неся на головах подносы, завернутые в скатерти, входят Бойкая женщина, Веселая женщина, Наивная женщина. Показывается в калитке и тетушка Ходича, однако она не входит.

Наивная женщина. Салам алейкум, тетушка! Встречайте снох.

Бойкая женщина. Каких снох? Как стукну!

Веселая женщина. Не снох, а свах!

Наивная женщина. А почему я знаю! Тетушка Ходича меня научила, а может, я-то и перепутала. Сваха, сноха — не все ли равно.

Бойкая женщина закрывает ей рот.

(*Все три женщины вместе поют.*) Поздравления примите, поздравления к свадьбе!

Зиедахон. Постойте, в чем дело? Какая свадьба?

Бойкая женщина. Мы от молодца с красивыми усиками, от известного любителя перепелок...

Веселая женщина. Который давно горит в огне любви, да все никак не сгорит...

Бойкая женщина. Имя которому Джурабой, знаменитый заготовщик тутовых листьев.

Все трое. Пришли мы сватать красавицу Хосият-хон.

Зиедахон. Что? Чтобы я выдала свою племянницу замуж за этого обманщика, за этого безхвостого перепела, за этого похитителя тутовых веток, за этого пересмешника?.. Нет уж, нет, оставьте меня в покое! Этому не бывать!

Тетушка Ходича (*подходя*). Ах, так? Тогда мы лучше спросим у самой Хосият. А вдруг она согласится? Тогда заберем ее и сыграем свадьбу в моем доме. Где Хосият? Хосия-ат!

Зиедахон. А ну! Пусть только Хосият попробует выйти за порог моего дома!

Шокарим (*выходя из дома во двор с халатом в одной руке и с узелком в другой*). Прощайте, почтенная; оставайтесь с вашим аллахом!

Зиедахон. Куда это ты собрался, старый, можно узнать?

Шокарим. Туда, где тебя нет.

Зиедахон. Никуда я тебя не пущу! Слишком дорого ты мне достался, чтобы вот так за здорово живешь тебя отпустить!

Шокарим. Хоть уши мои к земле прибей, все равно оторвусь и уйду.

Зиедахон. Еще посмотрю я, как ты уйдешь! Дай-ка мне в руки двести рублей, получай развод, а потом пожалуйста, убирайся хоть на все четыре стороны!

Тетушка Ходича. Три стороны вам, почтенная, а ему — только в одну сторону — в мой дом. (Шокариму.) Переходите ко мне. Знайте, что мой дом — всегда ваш дом.

Зиедахон. А, так ты, бесстыжая, у меня мужа хочешь отбить? То-то ты всегда пожирала его своими заведущими глазищами! (Шокариму.) Друг мой, не сердись на меня. Я теперь во всем буду слушаться тебя. Когда золото в руке, его не ценят. Но поверь, что теперь я всегда буду слушаться. Клянусь твоей почтенной черно-белой бородой!

Шокарим. Ладно! Пусть будет по-твоему, почтенная. Останусь... Но ставлю три условия...

Зиедахон. Хоть сто, только не оставляй меня одну.

Тетушка Ходича. Надеюсь, первое условие: ни слова против брака Хосият и Джурабая?

Шокарим. Вот именно! (Манзуре.) А какое второе условие у нас будет?

Манзура. Пусть тетушка Зиедахон не мешает Махзоде работать и учиться.

Шокарим. Вот так, уважаемая. И, наконец, третье условие: ты сама, как гостеприимная и добрая хозяйка, устройшь у нас в доме свадьбу Манзуры и Азалшо и Хосият с Джурабоем.

Веселая женщина. Ну, скажите же «да», тетушка!

Наивная женщина. Скорее соглашайтесь, пока дядюшка Шокарим не передумал.

Бойкая женщина. Пусть только попробует не согласиться! (В сторону.) Как двину — кувыркком покажется.

Зиедахон (плачет). Видно, такая моя судьба. Что же я скажу...

Шокарим. Манзура, подойди сюда! Хосият, и ты тоже! А где Азалшо? Азалшо-о! Ты, Джура, давай-ка сюда. Вот и развязали твой узел. (Все названные Шокаримом подходят к нему.) Благословляю вас, дети мои. Живите дружно, будьте счастливы! Желаю, чтобы всем вам поскорее приснился лучистый жемчуг!..

З а н а в е с

СЛОВАРЬ

Восэ — батрак-горец, возглавивший в 1884—1885 гг. восстание таджикской бедноты, популярный исторический герой таджикского народа.

Газель — классический жанр короткого любовно-лирического стихотворения.

Давлят — букв.: «власть», «имущество».

Дастан — крупное произведение эпического жанра, основанное на героических и романтических народных легендах и преданиях; сказ, повесть.

Дастархан — скатерть; в переносном смысле — обильное угощение, трапеза.

Диван — сборник стихотворений малых форм.

Диргем — мелкая серебряная монета.

Калым — выкуп за невесту, который платит жених ее родителям.

Касыда — крупное (до двухсот двестишты) монорифмическое стихотворение, ода.

Кетмень — мотыга.

Коран — главная священная книга мусульман.

Краснопалочки — название партизан, сражавшихся против басмачей в Таджикистане.

Кыта — короткое стихотворение афористического характера, состоящее из двух-пяти двестишты, связанных единой рифмой.

Меджлис — шахский прием, на котором читали стихи и слушали музыку.

Намаз — обязательная молитва у мусульман, совершаемая пять раз в течение дня.

Нас — жевательный табак.

О м а р Х а й я м (ок. 1048—ок. 1123) — математик и философ, астроном, автор всемирно известных философских и лирических четверостиший — рубаи.

П а р а н д ж а — верхняя женская одежда.

С о р б а з — воин, солдат.

Т а н у р — печь.

У с т о д — учитель, наставник.

Х а ш а р — общая совместная работа.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕЛИКИЙ ИСЦЕЛИТЕЛЬ. Перевод С. Улуг-заде, В. Виткович . . .	5	✓
УЧЕНый АДХАМ. Перевод А. Вольнова, Н. Улуг-заде	55	
ВОСЭ. Перевод А. Вольнова, Н. Улуг-заде	99	✓
КРАСНОПАЛОЧНИКИ. Перевод А. Вольнова, Н. Улуг-заде	151	
ЛУЧИСТЫЙ ЖЕМЧУГ. Перевод А. Гордон, Я. Гордон, Н. Улуг-заде .	193	

